

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

4

1973

- А. И. Недорезов.* Историческое значение февральских событий 1948 года 3
- В. Л. Глебов.* Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX — начале XX века 12
- П. Г. Козловский.* Организация магнатского хозяйства на западе и в центре Белоруссии во второй половине XVIII в. 27
- Е. Львова.* Московское художественное училище и болгарские художники в 50—70-е годы XIX века 44

К VII Международному съезду славистов

- С. В. Никольский.* Художественное сознание эпохи национального Возрождения (На материале чешской, словацкой, болгарской литератур) 53
- Вяч. В. Иванов.* Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей 62
- Ю. С. Маслов.* Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида 73
- Т. И. Вендина.* К вопросу о результатах прогрессивной палатализации заднебных (Конкуренция суффиксов-(ik(a), -ic(a) в южнославянских языках) 84

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- Т. П. Агапкина.* Переписка польских и советских писателей (К истории польско-советских литературных связей 20—30-х годов) 94

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Е. И. Спиваковский.* Традиции интернационального единства 105

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
в 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. И. Аврус, Л. Г. Бабиченко.</i> Книга о международной помощи болгарским революционерам	108
<i>Д. С. Климовский, А. Ф. Носкова.</i> Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944	111
<i>Ю. Писарев, Д.-Д. Вујовић.</i> Црна Гора и Француска. 1860—1914	112
<i>И. С. Миллер, Ю. И. Штакельберг.</i> S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe	114
<i>Ю. М. Гроссман.</i> Референдарский суд в последние годы своего существования	117
<i>Л. Лаптева.</i> Новое издание Хроники Козьмы Пражского	119
<i>В. Хорев.</i> Leon Kruczkowski. Literatura i polityka.	120
<i>О. М. Белозерова.</i> Пути к реализму	121
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Журнал белорусских языковедов.	123

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1972 г.	124
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972—1973 гг. (продолжение)	128
Содержание иностранных журналов	135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Милош Докулић</i> (ЧССР). Восьмидесятилетие академика Богуслава Гавранека	137
<i>А. И. Виноградова.</i> Защита диссертации	138
<i>Штефан Липтак</i> (ЧССР). Защита докторской диссертации советским лингвистом в Братиславе	139
<i>Л. Н. Виноградова.</i> Сектор историко-культурных проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР и перспективы его исследований	140
<i>Л. Невская.</i> Кузнецовские чтения в Институте славяноведения и балканистики АН СССР	141
<i>Р. Цейтлин.</i> <u>Профессор И. Куриц</u>	143

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Н. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. ПЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубинковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

А. И. НЕДОРГЗОВ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1948 ГОДА

Февральские события 1948 г. занимают особое место в бурном революционном процессе, происходившем в Чехословакии, начиная со Словацкого национального восстания. Этот процесс стал решающей фазой многолетней классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией за политическую власть в стране.

Предпосылки февральской победы закладывались значительно раньше, когда рабочий класс формировал свою революционную коммунистическую партию, свой авангард, способный успешно руководить его классовой борьбой и довести ее до установления диктатуры пролетариата.

Во внешнеполитическом плане эти предпосылки были созданы сокрушительным разгромом Советским Союзом ударных сил мировой реакции — фашизма. Благодаря этому был расчищен путь для развития мощного демократического освободительного движения на всех континентах нашей планеты, для нового прорыва системы капитализма в ряде ее звеньев.

Победу в феврале 1948 г., безусловно, облегчило и то обстоятельство, что годы господства буржуазии в домюнхенской Чехословакии были годами стагнации экономики, ее перманентного кризисного состояния, низкого жизненного уровня масс, их социального и национального угнетения. Морально-политическая дискредитация правящей чешской буржуазии в довоенные годы была усилена ее капитуляцией и отказом от защиты национальной независимости в 1938 г. и последующим сотрудничеством с фашистскими оккупантами в военные годы.

В то же время рабочий класс накануне войны и в годы фашистского порабощения выступал в качестве последовательного борца за национальные интересы и стал самой активной силой освободительного движения, что явилось решающим условием объединения вокруг него всех патриотических сил и создания Национального фронта чехов и словаков, на базе которого было сформировано первое народно-демократическое правительство.

Создание Национального фронта позволяло включить широкие массы народа в революционный процесс, в решение созидательных задач, таких как восстановление народного хозяйства, демократизация общественной жизни и, конечно, осуществление глубоких социально-экономических преобразований.

Ради создания такого единства на основе революционной программы коммунисты пошли на сотрудничество с теми буржуазными и реформистскими политическими партиями и группами, за которыми шли тогда некоторые социальные слои. Это была объективная реальность, с которой в тех исторически сложившихся условиях вынужден был считаться рабочий

класс. Представители буржуазии были допущены к власти, однако, ведущая роль в общественно-политической жизни страны принадлежала рабочему классу. В этом заключалось принципиальное отличие народно-демократической республики от прежнего домюнхенского государства, в котором господствующее положение занимала буржуазия. Теперь же именно в интересах рабочего класса, при его активном участии проводились коренные революционные преобразования. Народно-демократическая республика была переходной формой государственного строя, представляющей собой революционно-демократическую диктатуру народа, прежде всего рабочего класса и его союзников. Однако вопрос о дальнейшем развитии страны еще не был решен окончательно. Элементы перерастания национально-демократической революции в социалистическую имелись уже в период Словацкого национального восстания. Однако в масштабе всей страны этот процесс начался после ее освобождения в мае 1945 г., когда на первый план выдвинулись социальные задачи, решение главного противоречия общества — противоречия между трудом и капиталом. Пролетариат использовал завоеванные им политические позиции для осуществления преобразований социалистического характера. Успех исторической миссии рабочего класса, призванного покончить с социальным гнетом, зависел от политической зрелости его партии, от ее способности использовать революционные возможности пролетариата и его союзников и повести наступление на буржуазию широким фронтом. Важнейшими социально-экономическими преобразованиями были земельная реформа и национализация крупной промышленности и банков, знаменовавшая собой вторжение рабочего класса в сферу буржуазной собственности, начало формирования социалистического сектора. Морально-политическая дискредитация монополистической буржуазии, широкое национальное единство и благоприятные внешние условия позволяли начать экспроприацию буржуазии сравнительно мирным путем. Но уже тогда, в начале революции, коммунистам было ясно, что без острой политической, идеологической, экономической и административной борьбы решить глубокие классовые противоречия невозможно¹.

Острота классовой борьбы, как свидетельствуют документы заседаний правительства, парламента и многих общественных организаций, возрастала по мере развития, углубления революции, охватывая все сферы общественно-политической жизни. К концу 1945 г. в основном были осуществлены главные положения Кошицкой программы. Национальный фронт выполнил одну из своих исторических функций. И уже в конце 1945 г. — в самом начале 1946 г., т. е. спустя немногим более полгода после освобождения страны, в политике реформистской национально-социалистической партии наметился поворот. В своем секретном меморандуме, относящемся к началу 1946 г., руководство партии поставило задачу изгнать коммунистов из правительства, т. е. практически взорвать Национальный фронт. «Из характера современного политического процесса вытекает, — указывалось в меморандуме, — что наблюдаемая теперь постоянная напряженная борьба кончится только тогда, когда КПЧ или победит, или будет поставлена в такое положение, что можно будет не считаться с ее голосом (как в Великобритании или в Австрии)»². В меморандуме говорилось, что следовало бы покончить с революционными преобразованиями, что якобы КПЧ искусственно раздувает революцию, вопреки желанию рабочего класса. Эти взгляды стали пропагандироваться и в открытой печати. Так еще в ноябре 1945 г. председатель национально-социалисти-

¹ См. К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 111.

² V. K r a l. Cestou k únoru. Dokumenty. Praha, 1963, s. 140.

ческой партии П. Зенкл заявлял: «Каждая революция должна безусловно когда-нибудь кончиться. Мы являемся и будем всегда решительными противниками... непрерывной революции»³. Буржуазия считала, что дальше по пути революции идти нельзя, что она может потерять все.

Руководство национально-социалистической партии решительно выступило против революционных сил общества. На наш взгляд, этот переход на контрреволюционные позиции был ускорен усиливающейся антисоветской тенденцией в политике западных держав. В результате распада международной антигитлеровской коалиции существенно изменились внешние условия развития народно-демократических революций в европейских странах, что не могло не отразиться на развитии внутренней обстановки в этих странах. Сам конфликт между буржуазией и пролетариатом в этих странах являлся составной частью общей борьбы между социализмом и капитализмом в международном масштабе.

Коммунистическая партия считала, что возможности Национального фронта полностью не исчерпаны, и ориентировалась по-прежнему на постепенное ограничение экономических позиций буржуазии и укрепление и расширение позиций рабочего класса. На VIII съезде КПЧ (март 1946 г.) указывалось, что революционной программой рабочего класса является «удержание и укрепление прежнего курса нашей внутренней и внешней политики, его народного и демократического характера, как и последовательное проведение в жизнь и дальнейшее творческое развитие всего того, что было начато нашей национально-демократической революцией»⁴.

В сентябре 1946 г. на пленуме ЦК КПЧ К. Готвальд снова подчеркнул эту же мысль: «Необходимо остерегаться того, чтобы так называемые левые, которые выражают настроения раззадоренного мелкого буржуа и часто впадают в троцкизм, не увели нас с правильного пути, пути широкого Национального фронта, пути, определенном нашей партией, отвечающей за судьбу государства»⁵.

Партия остро ставила вопрос о повышении бдительности в отношении реакции. На основе решений VIII съезда была выработана и избирательная программа КПЧ, которая принесла ей решительную победу на майских выборах 1946 г.

Выборы в Учредительное Национальное собрание выявили расстановку политических сил в стране. Буржуазия обманулась в своих надеждах обеспечить решающие позиции в парламенте и правительстве. КПЧ получила значительно больше голосов, чем любая другая партия. Однако и она тоже не имела большинства. То обстоятельство, что почти половина, а в Словакии даже более 60% голосов было отдано за реформистские и буржуазные партии, свидетельствовало о еще существенном влиянии этих партий на массы, особенно среди средних слоев и части крестьянства.

В органах власти и после выборов не было еще устойчивого революционного большинства, и это обстоятельство оказалось серьезным препятствием для осуществления дальнейших революционных преобразований. Ради поддержания соглашения с некоммунистическими партиями КПЧ временно сняла лозунг осуществления дальнейшей национализации.

Почти в течение года, начиная с осени 1946 г., велась острая политическая борьба за принятие шести сельскохозяйственных законов, предусматривавших ограничение помещичьего землевладения и другие меры в интересах крестьянства. Рабочий класс в это время продолжал бороться за осуществление ранее принятого закона о национализации. Он исполь-

³ «Svobodné slovo», 1 XI 1945.

⁴ K. G o t t w a l d. Spisy, t. XII, s. 365—366.

⁵ «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 83.

зовал забастовки для срыва происков реакции, которая не гнушалась любых провокаций⁶.

Становился все более очевидным саботаж реакцией программы правительства Готвальда, принятой всеми партиями Национального фронта. Он был инспирирован острым антикоммунистическим курсом международного империализма, в особенности американского, выдвинувшего доктрину Трумена и откровенно шантажировавшего мир атомной бомбой.

Учитывая внутреннюю обстановку, КПЧ на январском пленуме приняла решение о завоевании большинства народа на свою сторону. Она исходила из того, что в ходе классовой борьбы массы уже прошли серьезную школу политического воспитания, имели возможность разглядеть политическую демагогию буржуазных партий и объективно оценить деятельность коммунистов. В то время как буржуазные партии сеяли неверие в творческие возможности народа, КПЧ поднимала народ на созидательную работу в целях хозяйственного и культурного расцвета республики, устранения разрушений и других последствий войны и оккупации. Партия опиралась в первую очередь на революционную активность рабочего класса, силы которого ей удалось объединить. Рабочий класс шел на большие жертвы ради подъема и быстрого развития национализированной промышленности, ради восстановления народного хозяйства. Партия содействовала активизации трудового крестьянства. Крестьянское движение в поддержку сельскохозяйственных законопроектов осенью 1946 г. — первой половине 1947 г. стало составной частью революционного процесса и сыграло существенную роль в политической изоляции буржуазных партий, отказавшихся голосовать за законопроекты в парламенте и правительстве. В февральские дни трудовое крестьянство выступило в качестве союзника рабочего класса в общей борьбе за победу социалистической революции. Существенное значение имела и позиция так называемых средних слоев, т. е. ремесленников, части интеллигенции и служащих. Масса мелких предпринимателей, часть занятых у них рабочих (а тогда на частных предприятиях работало около 45% всех рабочих), значительное число представителей интеллигенции и служащих были той социальной средой, где находили благоприятный отклик идеи социального реформизма, лозунги «национального социализма», «демократического социализма» и т. п.

В ходе революции они колебались, склонялись к соглашательству с буржуазией. Некоторые из них настороженно относились к революционным преобразованиям. О степени влияния на средние слои реформистских и буржуазных партий можно судить косвенно по тиражу ежедневных газет. В то время как общий тираж центральных и пяти областных газет КПЧ и находящихся под ее влиянием газет «Праце» и «Млада фронта» составлял немногим более одного миллиона экземпляров, тираж газет национальных социалистов и лидовцев — 920 тыс. экземпляров.

Коммунистическая партия стремилась парализовать влияние буржуазных партий на эти слои, осуществляя меры, ставившие мелких предпринимателей в более выгодное положение, по сравнению с крупными предприятиями (налогообложение, снабжение сырьем и т. п.), что вело к более активному включению их в общественное производство. Правительством Готвальда было заявлено, что средние и мелкие предприятия не будут национализированы⁷.

Влияние партии на средние слои усиливалось и в результате ее последовательной борьбы за демократизацию общественного строя и полити-

⁶ Arhiv Revolučného odborového hnutia (далее — AROH), f. ÚRO-představenstvo, k. 3, inv. jedn. 30, l. 1—2.

⁷ AROH, ibid., k. 2, inv. jedn. 14/1, l. 6.

ческой жизни страны, за осуществление политики ориентации на Советский Союз, а также проведения линии на длительное сосуществование государственного и частного секторов.

В обстановке развития революционного процесса реформистские и буржуазные партии быстро завершали свою эволюцию, все более смыкаясь с контрреволюционным подпольем. Пытаясь остановить победное шествие революции, руководство буржуазных партий становится на путь продуманной подготовки антигосударственного заговора. Несколько примеров наглядно характеризуют это. Летом 1947 г. состоялась встреча руководства национально-социалистической партии с реакционно настроенными высшими офицерами армии. Было решено добиваться устранения коммунистов с руководящих постов в армии, что было одобрено и президентом Э. Бенешем⁸.

На происходившем одновременно совещании руководства национально-социалистической партии в Карловых Варах было принято решение о создании антикоммунистического блока с народной, социал-демократической и демократической партиями Словакии. Этим решением стали руководствоваться все центральные, областные и районные органы партии. Национальные социалисты взяли под защиту руководителей демократической партии, уличенных осенью 1947 г. в участии в контрреволюционном заговоре против республики, который был как бы прелюдией к общему выступлению реакции в феврале 1948 г. Разгром этого заговора значительно ослабил силы реакции, однако, это не остановило ее.

Вполне закономерно, что антикоммунизм сочетался и увязывался с антисоветизмом. Переориентация внешнеполитических связей страны на запад способствовала бы ликвидации революционного процесса. В буржуазной печати была затеяна провокационная дискуссия на тему: «Кто освободил Прагу?», в которой был поставлен под сомнение бесспорный факт освобождения столицы государства Красной Армией. Появилась «теория моста», согласно которой Чехословакия предполагалась из союзника СССР превратить в «нейтрала», в своеобразное буферное государство между Востоком и Западом. Так полностью игнорировался трагический опыт Мюнхена. Что касается самой «теории моста», то она была модификацией старой идеи санитарного кордона.

Позже, в 60-е годы идея «наведения мостов» займет важное место в идеологической обработке населения всех социалистических стран. Еще более отчетливо определились внешнеполитические позиции сторон, когда встал вопрос о принятии Чехословакией плана Маршалла. По настоянию Э. Бенеша Чехословакия приняла приглашение на заседание в Париж, где предполагалось обсудить условия этого плана. Это означало отход Чехословакии от совместной позиции социалистических стран в отношении плана Маршалла, имевшего явную антисоветскую направленность. Только после того как Советское правительство еще раз со всей определенностью выразило свое отрицательное отношение к плану, чехословацкое правительство отказалось от мысли послать своего представителя в Париж. При этом на заседании правительства министры — национальные социалисты Я. Странский и П. Зенкл, лидовцы А. Прохазка и Я. Копецкий, словацкий демократ Я. Урсини в своих выступлениях выразили явное сожаление по этому поводу⁹.

Существенную роль в укреплении советско-чехословацких отношений в это время, в упрочении авторитета СССР среди чехословацкого населения сыграла великодушная помощь Советского Союза Чехословакии зер-

⁸ V. K r a l. Ibid., s. 206.

⁹ «Revue dějin socialismu», 1968, № 1, s. 97—100.

ном, что имело важное значение для преодоления трудностей, порожденных засухой.

Реакционная политика руководства некоммунистических партий наталкивалась на оппозицию со стороны рядовых членов этих партий. Наиболее наглядно эта оппозиция проявлялась в их переходе в КПЧ.

«Руде право», начиная с 1 января 1947 г., публиковало фамилии бывших членов чехословацких буржуазных партий и заявления некоторых из них. Характерным примером является заявление Ф. Форманка, члена национально-социалистической партии, находившегося в ней 27 лет. Он сказал: «Такую политику, которую проводит руководство национально-социалистической партии, я поддерживать не могу и не буду»¹⁰.

Что противопоставила КПЧ контрреволюционным замыслам и действиям реакции? В этом отношении особенно важным был ноябрьский пленум ЦК КПЧ в 1947 г. Пленум констатировал, что возможности сотрудничества прогрессивных сил с так называемой демократической буржуазией на почве Национального фронта уже исчерпали себя. Реакция, проникшая во все некоммунистические партии, направляет их политику и намеревается еще более парализовать работу правительства и парламента, вызвать в подходящий момент правительственный кризис и создать чиновничье правительство для того, чтобы расправиться с революционными силами.

ЦК КПЧ призвал партию и народ к бдительности. Была поставлена задача нанести реакции сокрушительное поражение на выборах. ЦК КПЧ видел выход в том, чтобы, опираясь на левые, социалистические силы в некоммунистических партиях, изолировать реакционные элементы и разбить их, возродив Национальный фронт на новой основе. Эта тактика была применена в февральские дни 1948 г. и полностью себя оправдала.

На какой платформе партия намеревалась объединить все демократические силы? Такой платформой была программа дальнейших революционных преобразований, наступательная тактика на позиции буржуазии. Партия предполагала решить возникший политический кризис революционным способом, опираясь на волю народных масс, и пойти дальше по революционному пути. В январе 1948 г. пленарное заседание Центрального совета профсоюзов приняло решение созвать 22 февраля 1948 г. съезд заводских советов, чтобы обсудить ряд вопросов, в том числе и вопрос о дальнейшей национализации¹¹. Следовательно, не буржуазия выбрала момент решающей битвы. Она была вынуждена принять вызов и выступить в неблагоприятной для себя обстановке. Какой была расстановка политических сил в стране накануне этого решительного столкновения? Что из себя представляли политические партии накануне Февраля? В конце 1947 г. КПЧ насчитывала 1 310 тыс. членов, КПС — 210 тыс., т. е. в целом 1 520 тыс. Социал-демократы, занимающие по ряду вопросов позицию, близкую к коммунистам, — 363 тыс., национально-социалистическая партия насчитывала около 600 тыс. членов (сентябрь 1947 г.), народная партия — около 500 тыс., демократическая партия Словакии — более 200 тыс., т. е. в целом все нерабочие партии имели 1 300 тыс. членов, т. е. немногим менее коммунистических партий. Это была значительная политическая армия. Она состояла из представителей мелкобуржуазных и буржуазных слоев, старых чиновников, служащих, частично интеллигенции. Все больший вес в этих партиях приобретали выходцы из прежних реакционных партий, аграрной, живностенской и т. п.

¹⁰ «Rude právo», 8 II 1973.

¹¹ AROH, *ibid.*, k. 4, inv. jedn. 54/3, l. 2.

В начале 1948 г. реакция перешла в наступление под демагогическими лозунгами защиты демократии, свободы и частной собственности, борьбы против угрозы установления тоталитарного режима. Ее широкая кампания в печати сочеталась с действиями по сколачиванию антикоммунистических блоков в правительстве и других органах власти.

В феврале 1948 г. реакции удалось трижды создать антикоммунистический блок в правительстве и парламенте. При рассмотрении ряда важных вопросов коммунисты оказались в меньшинстве, их предложения были провалены. 10 февраля было отвергнуто предложение коммунистов и принят проект правого социал-демократа Майера о повышении зарплаты государственным и общественным служащим. Центральный совет профсоюзов протестовал против этого решения правительства.

12 февраля сельскохозяйственный комитет Учредительного Национального собрания провалил законопроект о новой земельной реформе, а на следующий день антикоммунистический блок в правительстве сорвал обсуждение проекта важного закона о национальном страховании. Это была проба сил, своеобразная генеральная репетиция перед развязкой. Временные удачи опьянили реакционеров и вселили в них надежду на успех задуманного переворота.

20 февраля 12 министров подали в отставку, рассчитывая вызвать правительственный кризис и сформировать правительство без коммунистов. Момент выступления был выбран не случайно. Реакция хотела этим выступлением предварить победу коммунистов на выборах в Национальное собрание. Об этом довольно откровенно заявляли впоследствии многие деятели буржуазного лагеря.

Председатель словацкой демократической партии Й. Леттрих впоследствии признавался: «Некоммунисты в феврале оказались перед альтернативой. Или позволить коммунистам готовиться к завоеванию большинства голосов, или воспротивиться этому и спровоцировать правительственный кризис»¹².

Долгое время оставалась до конца невыясненной роль Бенеша в февральских событиях 1948 г. Теперь некоторые из деятелей послефевральской эмиграции свидетельствуют о том, что президент Э. Бенеш был душой заговора и его непосредственным руководителем, и это вселяло в реакцию большие надежды на победу. И тем не менее реакция просчиталась, вернее не смогла правильно проанализировать реальное соотношение классовых сил в стране. Просчет был уже в том, что большинство министров (14 из 26) остались в правительстве и поэтому кризис мог быть решен, согласно традициям, дополнением правительства.

Главный же просчет заключался в том, что реакция не имела реального представления о влиянии КПЧ в массах. Рабочий класс и прогрессивные силы общества по призыву КПЧ и под ее руководством перешли решительно в контратаку. Уже 21 февраля по всей республике состоялись манифестации, собрания и митинги, на которых трудящиеся осуждали действия реакционных министров. На Староместской площади на многотысячном митинге выступил К. Готвальд. Участники митинга приняли резолюцию, в которой требовали, чтобы президент принял отставку министров-реакционеров, и заявляли о своей поддержке правительства К. Готвальда. Подобный же митинг состоялся в тот же день в Братиславе. Г. Гусак потребовал отставки членов корпуса уполномоченных от демократической партии. Буржуазные партии даже и не попытались организовать массовые акции в поддержку своих действий. Они верили в силу закулисных махинаций и сговора с Бенешем и боялись вывести на улицу даже членов

¹² J. L e t t r i c h. History of Modern Slovakia. New York, 1955, p. 157.

своих партий. Поэтому большинство членов буржуазных партий пассивно выжидало развития событий. Активно проявили себя лишь небольшие группы реакционно настроенных студентов.

22 февраля общегосударственный съезд заводских советов единодушно потребовал отставки министров-реакционеров, проведения дальнейшей национализации, проведения новой земельной реформы и т. д. Единодушие, с которым съезд поддерживал политику КПЧ, особенно наглядно продемонстрировало, за кем идут народные массы. На 24 февраля съезд назначил одночасовую забастовку-демонстрацию. Революционные силы общества для объединения своих усилий и восстановления единства народа создали Комитеты действия Национального фронта; поддержание порядка взяла на себя, помимо органов безопасности, народная милиция, созданная из рабочих. Пятый день правительственного кризиса озаменовался генеральной стачкой. В ней участвовало почти 24 тыс. заводов и учреждений, 2,5 млн. рабочих и служащих, не бастовали только 32 завода, всего 1494 человека¹³. Так проявилось величайшее единодушие и единство рабочего класса. В течение 5 дней канцелярия президента получила более 6 тыс. телеграмм и петиций с требованием принять отставку. Э. Бенеш, увидев провал затеи с отставкой, предложил вернуться к прежнему положению, т. е. вернуть реакционным министрам их посты.

К. Готвальд отказался принять такое предложение. Под давлением народа Э. Бенеш вынужден был после долгих колебаний 25 февраля принять отставку 12 министров.

Так прямая атака буржуазии против народно-демократического строя была превращена рабочим классом под руководством КПЧ в ее сокрушительное поражение. Единодушие, с которым массы поддержали КПЧ, свидетельствовало о ее колоссальном авторитете, созданном повседневной работой партии в гуще масс.

Февральская победа трудящихся масс Чехословакии завершила процесс перерастания национально-демократической революции в социалистическую. Политическая власть полностью перешла в руки рабочего класса, тем самым был окончательно решен и вопрос о социалистическом пути развития страны. Так, Февраль стал началом новой эпохи в истории Чехословакии — эпохи социалистической.

В феврале 1948 г. был решен и жизненно важный для Чехословакии вопрос о внешнеполитической ориентации. К. Готвальд указывал: «Февральские события совершенно однозначно решили вопрос о том, что наша народно-демократическая республика будет не только идти прежним курсом в союзе с Советским Союзом и другими славянскими народами, но и еще решительнее держаться этого союза и проводить его на практике¹⁴».

Контрреволюционные замыслы чехословацкой буржуазии были составной частью намерений международного империализма пересмотреть итоги второй мировой войны, сформировать антикоммунистический антисоветский фронт и нанести поражение революционным силам. Разгром чехословацкой буржуазии был в этом плане ударом по международному империализму, ударом по международной реакции. Трудящиеся ЧСР нанесли этот удар, опираясь на морально-политическую поддержку Советского Союза и народно-демократических стран Европы.

Международное значение Февраля этим не ограничивается. Осуществление в Чехословакии социалистической революции мирным путем обогатило опыт международного коммунистического и рабочего движения.

¹³ AROH, *ibid.*, k. 4, inv. jedn. 55/1, l. 1.

¹⁴ K. Gottwald. *Ibid.*, s. 354.

Здесь в полной мере проявились общие закономерности развития революционного процесса, характерные для всех стран, идущих по пути к социализму. Все это свидетельствует о большой политической важности изучения исторического опыта февральских событий, тактики КПЧ, обеспечившей победу рабочего класса.

Коротко хотелось бы остановиться на некоторых аспектах освещения Февраля в историографии. Долгое время февральские события 1948 г. являлись объектом продуманной фальсификации западной буржуазной историографией и пропагандой. Вначале эта историография пыталась утверждать, что коммунисты якобы попрали все демократические принципы и нормы и провели государственный переворот по указанию Москвы. Эти абсурдные утверждения не выдержали проверки временем. И сами буржуазные деятели вынуждены были отказаться от них, о чем свидетельствует цитированное ранее заявление Леттриха. Антисоциалистические силы, подготавливая в педалеком прошлом контрреволюционный антифевраль, т. е. ликвидацию завоеваний рабочего класса, вынуждены были учитывать приверженность масс делу социализма. Они избрали другой путь — путь идеологической диверсии. Они стали утверждать, что перед Февралем революционное развитие вело к установлению чехословацкой модели так называемого демократического гуманного социализма, что Февраль прервал этот процесс и Чехословакия была якобы вынуждена принять навязанную ей советскую модель социализма.

Ревизионисты и оппортунисты, не считаясь с фактами, старались отрицать острую классовую борьбу в стране накануне Февраля, вылившуюся в конечном итоге в острую схватку рабочего класса с буржуазией.

Их спекуляция на чехословацком специфическом пути к социализму и так называемой чехословацкой модели социализма, как и всякая другая разновидность антикоммунизма, имела целью раздувание националистических, антисоветских настроений и общее идеологическое разоружение рабочего класса, принижение его классового самосознания и подмену его буржуазной идеологией.

Ревизионистам удалось в 1968 г. подорвать боеспособность КПЧ, добиться того, что Коммунистическая партия Чехословакии постепенно перестала быть руководящим центром социалистического общества. Тем более, непреходящее значение приобретают исторические уроки блестящей победы, одержанной над врагами социализма в февральские дни, благодаря руководству сильной, закаленной в борьбе, идейно и организационно сплоченной коммунистической партии, сильной своей связью с массами, своей верностью марксизму-ленинизму и принципам пролетарского интернационализма.

Клемент Готвальд, личную роль которого в победе рабочего класса в Феврале трудно переоценить, сравнивал февральские события с весенней грозой, которая очищает воздух, смывает мусор и способствует расцвету природы. И действительно, после февраля 1948 г. стало возможным быстрое осуществление важных социально-экономических преобразований, которые прежде тормозились реакцией. Были приняты законы о новой земельной реформе, о проведении второго этапа национализации и т. д.

Главное же заключалось в том, что установление диктатуры пролетариата стало решающим условием развертывания социалистического строительства, коренной перестройки производственных отношений во всех отраслях народного хозяйства, глубокого преобразования социально-экономической структуры общества. Был открыт простор для проявления созидательных творческих способностей народа в развитии производительных сил общества, что привело к невиданному прежде в истории Чехословакии росту производства материальных благ, к материальному подъему жизненного уровня народа, к расцвету его духовной культуры.

В. Л. ГЛЕБОВ

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вопросам международных отношений на Балканах в конце XIX — начале XX вв. посвящена значительная литература. Однако она, как правило, либо рассматривает отдельные аспекты этого большого и сложного комплекса, либо исследует взаимоотношения отдельных западноевропейских стран (или крупных империалистических союзов) с Балканами в целом или с отдельными странами.

При этом в современной литературе очень часто оперируют общими понятиями «империалистических действий», «экономических интересов» и даже «геополитических устремлений», что недостаточно, на наш взгляд, четко раскрывает содержательную сторону употребляемой терминологии. Абстрактное употребление общесоциологических категорий может, как нам представляется, создать определенные фактические и методологические трудности, так как этим нивелируется специфичность балканской политики каждой из империалистических держав. При этом недостаточно раскрывается ее объективная детерминированность как реальными политическими и экономическими интересами каждой из держав, так и внутренней расстановкой социальных сил и столкновениями интересов в кругах, в той или иной степени влияющих на формирование внешней политики держав.

В этой связи представляется необходимым рассмотреть эти специфические интересы и внутренние силы, определявшие долговременные генеральные линии в политике европейских держав того времени.

Начав наш обзор с балканской политики Австро-Венгрии, легко увидим, что в течение всего столетия между освободительными сербскими восстаниями и первой мировой войной, она в конечном счете определялась известной формулой Меттерниха: «Сербия должна быть либо турецкой, либо австрийской». После кризиса 60-х годов XIX в. империя Габсбургов окончательно утратила надежды на гегемонию в Германии, лишилась своих итальянских владений и, спасаясь от распада, превратилась в дуалистическую монархию. С этого времени Балканы в целом и особенно их западная и центральная часть — Босния с Герцеговиной, Сербия и Македония — стали главными объектами ее экспансионистских вождедений, а Вардарская долина с Салониками — конечной целью австрийской балканской политики. Эти устремления, начиная с середины 70-х годов XIX в. и до знаменитого ультиматума Белграду в 1914 г., спровоцировавшего развязывание первой мировой войны, выливаются в целую систему политических действий, в достаточной мере освещенной исследователями.

В значительно меньшей мере обращается внимание на роль экономической агрессии Австро-Венгрии против независимых балканских госу-

дарств. Анализ структуры внешней торговли и задолженности по займам Сербии, Болгарии и Румынии дает возможность обоснованно говорить о том, что в период после Восточной войны и до кануна первой мировой войны эти страны находились в большей или меньшей экономической зависимости от Австро-Венгрии. С одной стороны — они были ее сырьевой базой, поставляя ей значительную долю продукции своего сельского хозяйства, а с другой — самым емким рынком сбыта изделий промышленности Австро-Венгрии. Необходимо подчеркнуть, что такое положение препятствовало развитию собственной промышленности в этих странах и, тем самым, являлось весьма существенным тормозом прогресса как в области экономики, так и в сфере социальных отношений.

Формы, методы и темпы балканской политики габсбургской монархии определялись борьбой группировок в ее правящих классах. Придворные военно-бюрократические круги выступали с аннексионистскими стремлениями из престижных, династических и т. п. интересов. Крупная австрийская финансовая, промышленная и торговая буржуазия полностью поддерживала эти поползновения, стремясь окончательно закрепить за собой балканские рынки. Сложнее была позиция венгерских аграриев, в чьих руках находилась власть в «землях короны Св. Стефана», т. е. — во всей пограничной с балканскими государствами зоне. Они не только долгие годы осуществляли личный контроль в министерстве иностранных дел, но и пользовались ощутимым влиянием при определении всей политики двуединой монархии¹. Чем же определялись их позиции? Во-первых, стремлением сохранить свою монополию на сельскохозяйственную продукцию на внутримперском рынке, которая обеспечивала им высокую норму прибыли. Во-вторых, опасением возможного ослабления их политического влияния в случае превращения Австро-Венгрии в «триалистическую» монархию при увеличении удельного веса славянских элементов (имелись в виду, конечно, лишь представители эксплуататорских классов). Поэтому, выступая как сторонники «жесткого курса» и по отношению к славянам внутри империи, и по отношению к соседним балканским государствам,

они в то же время зачастую (но не всегда) настороженно относились к планам прямой аннексии балканских территорий. Это внутреннее противоречие между интересами австрийской буржуазии и венгерских магнатов нельзя сбрасывать со счетов при анализе конкретных шагов австро-венгерской политики, хотя, как показывает весь ход исторических событий, в конечном итоге ведущей ее линией был экспансионизм.

В целом беспорным является тот факт, что переплетение внутри- и внешнеполитических целей правящих кругов Австро-Венгрии и делало ее в конце XIX — начале XX в. наиболее агрессивной и реакционной силой всего Балканского района. И лишь сочетание противодействия других держав (прежде всего России) с нарастающим ослаблением «лоскутной монархии» в результате обострения в ней внутренних социальных и национальных противоречий не давало ей возможности успешно осуществлять свои империалистические цели.

Германская политика на Балканах в конце XIX в. совершила очень характерную эволюцию. От умелой игры на англо-австро-русских противоречиях с позицией якобы незаинтересованного «честного маклера» (на Берлинском конгрессе) — до открытого вмешательства в дела этого района путем как поддержки (и даже провоцирования) австро-венгерской агрессивности, так и стремления к установлению не только экономического, но и военного контроля над Турцией (миссии фон дер Гольца и Ли-

¹ Не только при Андраши и Кальноки, в 1871—1895 гг., но и позже венгерские аристократы занимали многие ключевые посты в министерстве.

мана фон Сандерса). Если в 80-х годах Бисмарк мог делать вид, что его «не интересуют скотокрады с Нижнего Дуная»² (как он с истинно юнкерским наглым высокомерием отозвался о болгарях), то после краха союза императоров и русско-германской таможенной войны, в 90-х годах, политика Германии зримо меняется. Завершился период грядущего, обозначилось стремление германского капитала выйти на мировую арену и «получить свое место под солнцем», проявившееся в создании Пангерманского союза с его экспансионистской программой³. Приход к руководству имперской внешней политикой сначала Биберштейна, а затем Бюлова, связанных не только с юнкерскими, но и с капиталистическими кругами и близко знакомых с восточной политикой, привел к резкому возрастанию германской активности на Балканах и в Турции. К началу XX в. оформляются самостоятельные и империалистические планы германского капитала в этом районе, связанные с созданием «дороги трех Б» (Берлин — Византизм — Багдад). Это превратило бы Балканы и Переднюю Азию в хинтерланд Германии и обеспечило бы ей экономическое и военно-политическое превосходство во всем Восточном Средиземноморье на подступах к «английским» Египту и Индии. В то же время осуществление германских планов отрезало бы Россию от Средиземноморья и лишило царизм надежды на установление своего контроля над черноморскими проливами. Таким образом, возникают и закрепляются англо-германские противоречия, приобретающие всемирный характер, а на Балканах завязывается тройной узел противоречий: германо-русско-английский. При этом перед лицом германской угрозы англо-русские противоречия в этом районе (имевшие к тому времени более чем вековую давность — минимум с кризиса 1790 г.) становятся для обеих сторон менее значимыми, что и позволяет в конце концов преобразовать франко-русский союз в Тройственное соглашение.

Необходимо отметить, что именно глобальность задач, выдвигавшихся германским империализмом перед его представителями в кайзеровском правительстве, создавала два существенных аспекта германской политики на Балканах. Во-первых, она позволяла немецкой дипломатии весьма ловко использовать Австро-Венгрию для достижения своих целей в этом трапезитном и ключевом районе. Поддерживая ее локально-балканские экспансионистские устремления, Германия, давно ставшая в Тройственном союзе старшим партнером, зачастую предпочитала действовать на полуострове австрийскими руками. Это и обеспечивало ей, во-вторых, известную свободу маневра, возможность занимать позицию арбитра, использовать балканские проблемы для шантажа и торга со своими соперниками по вопросам, носившим более широкий характер.

Следует отметить, что выход германского капитала за пределы фатерланда оказался весьма ощутим и на Балканах: в 1890—1900-е годы происходит его активная экономическая экспансия в этом районе, носящая такой же колониальный характер, как и австро-венгерская. В среднем до четверти экспорта и импорта независимых балканских стран падает в эти годы на Германию, причем, немецкие капиталисты не стеснялись при благоприятных обстоятельствах захватывать и сферы влияния своих союзников, как это было, например, во время австро-сербской таможенной войны 1905—1911 гг. В связи с этим следует исправить допущенную д-ром Зографски неточность. Отмечая, что в 1910 г. «41% иностранных товаров ввозился в Сербию из Германии и 19% из Австро-Венгрии», он приводит

² «История дипломатии», изд. 2, т. II, М., 1963, стр. 239.

³ См. подробнее: А. С. Е р у с а л и м с к и й. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951.

эти цифры как характерные ⁴. В действительности это соотношение не типично и вызвано как раз тем, что во время таможенной войны Германия, воспользовавшись разрывом австро-сербской торговли, успешно закреплялась на «традиционном» рынке своей союзницы. В обычных условиях пропорции сербского импорта, по крайней мере за четверть века, предшествовавшую «свиной войне», имели устойчиво обратный характер: на Австро-Венгрию приходилось более 60% сербского импорта, а на Германию — примерно 10%. И хотя после таможенной войны Австро-Венгрия вернула себе контроль примерно над 41% торгового оборота Сербии, Германия закрепила за собой лишь около 25% ⁵.

В завершение обзора основных тенденций балканской политики австро-германского блока необходимо отметить, что для достижения своих целей он мог опираться даже среди правящих классов балканских стран лишь на наиболее реакционные, антидемократические, коррумпированные и по существу враждебные интересам собственных народов силы. Режим последних Обреновичей в Сербии, диктатура Стамболова в Болгарии, деятельность придворной камарильи румынских Гогенцоллернов и военного окружения Константина греческого (еще в бытность его наследным принцем) служат достаточно яркими иллюстрациями вопроса о том, на кого опирались центральные державы, какими методами они могли проводить свою политику и что несла эта политика балканским народам.

Таким образом, еще в десятилетия, предшествовавшие первой мировой войне, германская дипломатия оттачивала — и в значительной мере на балканских проблемах — такие свои методы, как шантаж, вероломство, грубость и опора на местную реакцию, которые потом стали ее основными приемами в период подготовки и осуществления фашистской агрессии.

Касаясь характера и роли политики последнего из членов Тройственного союза — Италии, достаточно подчеркнуть два основных момента. Это, во-первых, слабость итальянского империализма, его, как говорила тогдашняя пресса, «шакалий характер», прищуждавший его следовать за более крупными хищниками в расчете на остатки добычи. А во-вторых, ограниченность — в рассматриваемом районе — сферы его действия западной частью полуострова, в основном — адриатическим и албанским побережьем. Единственная итальянская акция этого времени за ее пределами — брак принцессы Луизы и Фердинанда болгарского. И хотя княгиня — по личным мотивам — сыграла известную роль в падении Стамболова, а впоследствии укрепляла и без того существовавшую у ее супруга ориентацию на Тройственный союз, — для итальянских интересов все это существенного значения не имело.

Основой итальянской политики была поддержка ирредентистского движения не только в Трентино, Триесте и т. п., но и в Далмации. После того, как поражение под Аду временно остановило прямое вторжение итальянского империализма в Африку, обозначилось повышение внимания к австрийскому пограничью. Гибель на дуэли одного из вождей ирредентистов — Ф. Каваллотти (март 1898) не помешала «республиканской левой» (сохранявшей от гарибальдизма лишь его антиавстрийские, но не революционные традиции) образовать кабинет генерала Пеллу (июнь того же года) с Висконти-Веностой в качестве министра иностранных дел. Обмен нотами между последним и французским послом Барером (1900) подготовил почву для соглашения Барера-Принетти (1902). Оно фактически вы-

⁴ Д. Зографски. Европейские державы и Балканы в начале XX в. (1900—1914). XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, стр. 15.

⁵ В. Л. Глебов. Капиталистический путь развития слаборазвитых стран. Новосибирск, 1970, стр. 31, 32, 106.

вело Италию из Тройственного союза, несмотря на самоуспокоительную шутку Бюлова, что в счастливом браке не следует огорчаться по поводу того, что супруга станцует лишний тур вальса с кем-нибудь другим, лишь бы она не сбежала с ним⁶. По существу вся так называемая «эра Джолитти» (1901—1914) в области внешней политики и была подготовкой такого «побега», который Италия, как известно, совершила в 1915 г., вступив в войну против своих вчерашних союзников. Курс Титтони, возглавлявшего (с небольшим перерывом) итальянское министерство иностранных дел с 1903 по 1909 г., в результате ряда соглашений с Францией, Англией и Россией по частным, казалось бы, вопросам дал Извольскому право писать в 1912 г., что Италия сохраняется в Тройственном союзе лишь «в качестве мертвого груза» и это выгодно державам Согласия⁷.

Одной из главных целей итальянского империализма в этот период становится подрыв австрийского господства в западной части Балканского полуострова с целью захвата адриатического побережья, невзирая на то, что оно не очень-то подходило под понятие «неискупленной Италии»: итальянцы составляли здесь лишь меньшинство, да и то городского населения. Руководствуясь этой целью, итальянская дипломатия зачастую поддерживала на полуострове Антанту и Сербию, а не своих союзников.

В итоге, хотя конечные цели итальянской дипломатии противоречили задаче самоопределения и независимости находившихся под австрийским гнетом словенцев и хорватов, ее практическая поддержка в 1905—1914 гг. тех или иных шагов стран Антанты, сдерживала австро-германский натиск на Балканы.

Наибольшей сложностью и гибкостью отличались ходы британской дипломатии. Ее генеральная линия, достаточно четко прослеживаемая с конца XVIII в., всегда заключалась в активном противодействии проникновению России (а в политическом аспекте — и Франции) в Восточное Средиземноморье с тем, чтобы установить свой контроль над этим районом, как над дальними подступами к Индии. На протяжении всего этого периода она выражается в стремлении сохранить целостность Османской империи, предотвратить широкий раздел наследства «большого человека Европы». И в то же время не упускается любая возможность «досрочно» урвать что-нибудь из этого наследства в свою пользу (захват Кипра, Египта, неоднократные попытки закрепиться на Крите). Используя положение первой промышленной державы мира, английский капитал снимал пенки с экономической эксплуатации населявших Турцию народов (вынужденно уступая лишь некоторую долю доходов французской буржуазии). И понятно, Сити не хотело рисковать неизбежной возможностью утраты хотя бы части этих богатых рынков в случае перехода их под контроль другого правительства, более дееспособного, чем тогдашнее турецкое.

Действия английской дипломатии, направленные на сохранение территориальной целостности Турции и, в частности, — на поддержание *status quo* на Балканах, по отношению к национально-освободительной борьбе поработенных народов Османской империи были явно реакционными. Они не раз служили препятствием для достижения ими не только национальной независимости, но даже и для облегчения их положения в рамках турецкой государственности, основанной на произволе, коррупции и беспощадном угнетении «райи». Эта общая тенденция сказывалась не только тогда, когда под давлением Англии Берлинский конгресс вновь вернул под турецкое иго Македонию, освобожденную от него Россией в

⁶ «Дипломатический словарь», изд. 2, т. II, М., 1948, стб. 209.

⁷ Там же, стб. 210.

ходе войны 1877—1878 гг. Она проявилась и при обсуждении вопроса о предоставлении ей автономии в 1903—1908 гг.⁸

Однако гибкость британской дипломатии проявлялась в умелом реагировании на объективные изменения обстановки на Балканах и перестройке форм своей деятельности в зависимости от этих изменений, при этом Великобритания не отказывалась от все той же кардинальной цели.

В течение XIX в. балканские страны — Сербия, Греция, Румыния, Болгария, Черногория — добиваются права на самостоятельное государственное существование. Это происходило, как правило, в результате успехов национально-освободительного движения народов этих стран и побед русского оружия над Турцией, а также и усилий русской дипломатии по закреплению и международной легализации этих успехов, при активном, в большинстве случаев, противодействии дипломатии австрийской и английской. Но по мере того, как освободительные процессы становились необратимыми, менялась и тактика британской дипломатии. Такую эволюцию она проработала в 20-е годы XIX в. по отношению к Греции. Так же действовала она и в последней четверти века, когда Сербия, Румыния, Болгария окончательно конституировали свою государственность и стали не только объектами, но и субъектами мировой политики. Поскольку все попытки английского правительства удержать их под турецкой властью провалились, британская дипломатия начинает выступать «горячим поборником» их независимости.

Здесь, бесспорно, имели значение различные факторы, рассматриваемые ниже по возрастающей степени значимости.

Во-первых, важную роль играли коммерческие интересы английских капиталистов в балканских странах. В предвоенную эпоху Англия прочно удерживала первое место в торговом обороте Греции и третье — Сербии, Болгарии и Румынии. С 90-х годов появляются и прямые английские инвестиции в зарождающуюся промышленность этих стран — прежде всего в добывающую (горнорудную). Характерно, что в создании местной обрабатывающей промышленности империалистический капитал не заинтересован: без нее ему легче сохранять полуколониальный характер экономики и социально-политической структуры слаборазвитых стран. Кроме добывающей промышленности иностранный капитал активно принимал участие лишь в создании инфраструктуры на Балканах (железные дороги и пароходные компании): она не только облегчала торговлю и увеличивала ее доходность для иностранных импортеров и экспортеров, но и усиливала мобильные возможности военно-стратегического контроля империализма.

Во-вторых, нужно учитывать, что английский парламентаризм в тогдашних условиях обеспечивал гораздо большую степень влияния либеральной общественности на политический курс правящих кругов, чем это было возможно в континентальных монархиях. А симпатии общественного мнения во всей Европе были на стороне борющихся за свою свободу балканских народов. И хотя это шло вразрез с официальной линией «британских интересов», этот фактор нельзя сбрасывать со счетов при анализе конкретных шагов английской политики. Только едва ли нужно ставить на одну доску (как это делают некоторые западные историки) бескорыстную эллинофильскую деятельность лорда Байрона, словом и делом участвовавшего в освободительных движениях, и, например, расчетливую тактику Гладстона. Не только его филэллинство 50-х годов в вопросе об Ионических островах, но и шумная проболгарская пропаганда в середине 70-х

⁸ «British Documents of the Origins of the War 1898—1914». Ed. by J. Gooch and H. Temperley, v. V («The Near East. The Macedonian Problem and Annexion of Bosnia. 1903—1908»). London, 1928.

имели совершенно иную принципиальную основу, прежде всего — внутриполитическую. В частности, в наиболее известном (втором) случае им двигало стремление свалить кабинет Дизраэли, чья антирусская и протурецкая политика в значительной мере облегчила Стамбулу подавление восстаний 1875—1876 гг. на Балканах и победы над сербской и черногорской армиями в 1876 г. Те зверства, которыми турецкие власти при этом очередной раз привлекли внимание всей Европы, делали политику консерваторов уязвимой для атаки либеральной партии. Отмеченные факты, раскрывая своекорыстные субъективных побуждений английских деятелей типа Гладстона, отнюдь не зачеркивают известного положительного значения их деятельности для достижения или укрепления независимости балканских стран. Только при этом не нужно сравнивать Ольгу Новикову с маркизой Гвиучиоли или зачислять ее в штатные агенты царского правительства. Хотя, как известно, лорд Биконсфильд в минуту раздражения, вызванного успешным противодействием его политике, вдохновляемым из ее салона, и назвал ее «членом парламента от России», а Н. С. Лесков представил ее русскому читателю в карикатурном виде (кузина Олимпия в «Зимнем дне») ⁹.

И — last, non least — третье. В обеих, казалось бы, взаимоисключающих линиях британской политики на Балканах — и в курсе на сохранение территориальной целостности Турецкой империи, и в «заботах» о соблюдении национальных интересов уже образовавшихся балканских государств — существует лишь тактическое различие, диктуемое разными условиями, в которых могла быть достигнута единая стратегическая цель: противодействие усилению русского влияния в этом районе. Для достижения этой цели Англия в 50—60-е годы использует политические амбиции Второй империи. В 70—90-е она блокируется (как раз по средиземноморским вопросам) с Австро-Венгрией и Германией, фактически помогая им в осуществлении их собственных планов (совпадает общая антирусская направленность). И совершенно в духе столь излюбленных англичанами парадоксов передовая, прогрессивная, кичащаяся своим парламентаризмом и либерализмом Англия поддерживает все консервативные слои и диктаторские режимы балканских стран, поскольку более либеральные и даже революционные круги в этих странах, как правило, ориентируются на Россию и, в той или иной степени, пользуются ее если и не всегда официальной, то, по крайней мере, широкой общественной поддержкой.

При поверхностном подходе может показаться, что все сказанное справедливо лишь для конца XIX в., до начала англо-германского противоборства и оформления Антанты. Однако это не так. И в новых исторических условиях британский империализм лишь очередной раз изменил тактику. Англо-германский антагонизм, как уже отмечалось, не ликвидировал, а оттеснил на второй план англо-русские противоречия, превратив их в тот самый скелет, который, по известной английской поговорке, таится в каждом семейном шкафу. С момента выхода британского государственного корабля из положения «блестящей изоляции» (с заметным креном в сторону Тройственного союза), начавшегося с вступления на престол Эдуарда VII и прихода в Форин оффис маркиза Ленсдауна и — особенно — сэра Э. Грея, Англия согласовывает с Францией и Россией общую антигерманскую направленность своей политики на глобальном уровне. Но на Балканах и в Турции в большинстве конкретных случаев она продолжает под сурдинку противодействовать усилиям русской дипломатии, направлен-

⁹ J. Morley. The Life of Williams Ewart Gladston, v. 1—3. London 1903—1911; R. Seton-Watson. Disraeli, Gladston and the Eastern question. London, 1935; P. Knapp. Gladston's foreign policy. London, 1935.

ным в это время против австрогерманской экспансии и в поддержку национальных устремлений балканских государств к освобождению еще оставшихся под турецким гнетом соплеменников. Причем и тут скрытое противодействие усилению русского влияния (а тем самым — и делу освобождения балканских народов) маскируется ловким тактическим ходом. Правящие круги Англии, которые почти полтора века изображали из себя принципиальных защитников Турции от России, теперь начинают использовать вопрос о проливах — эту вождеденную и недостижимую фата-моргану царизма — в целях обеспечения себе поддержки со стороны России. Начиная с 1907 г., царское правительство неоднократно получает от Англии заверения, что его интересы в этом вопросе будут учтены, что проблема проливов при соответствующей обстановке будет разрешена в его пользу и т. п. Но лишь в 1915 г., когда потерпевшее тяжелые военные поражения царское правительство любой ценой нужно было удержать в качестве участника войны, оттягивающего на себя основные массы войск Центральных держав, — только тогда Англия дала формальное согласие на послевоенное присоединение проливов к России, оставив его, однако, такими условиями, при которых, с учетом резкого ослабления царизма в войне, выполнение этого обещания могло оказаться весьма проблематичным¹⁰.

Лишь переплетение всех этих разнохарактерных факторов — доминирование англо-германского антагонизма над всеми другими, стремление «перехватить» у России влияние в освобождающихся от турецкого ига странах, экономические интересы, давление общественного мнения и перипетии межпартийной борьбы внутри правящих классов — и заставляли британскую дипломатию отступать от своего курса на сохранение территориальной целостности Оттоманской империи. Но эти отступления не меняли ее общей реакционной роли на Балканах. При этом не следует умалчивать и о том, что и в тех случаях, когда эти отступления имели место, она исходила из своих глобальных интересов, а не из интересов балканских народов. «Благодеяния» были вынужденными и своеобразными и приносили вполне реальные дивиденды британскому империализму.

Французский капитал имел весьма значительные экономические интересы в Восточном Средиземноморье, но с одной особенностью. Лишь в турецких владениях французские монополии, как, например, известная «Режи де Табак Оттоман» и другие, контролировали все производство и сбыт продукции сотен тысяч турецких табакочодов, ремесленников и т. п.¹¹ В торговле балканских стран оборот с Францией играл незначительную роль. Занимая пятое-шестое место среди их торговых партнеров, французские коммерсанты принимали на себя лишь несколько процентов экспорта и импорта Сербии, Румынии, Болгарии и Греции (в последней — несколько больше, чем в других).

В соответствии со своим общим рантьерским уклоном французский капитализм конца XIX — начала XX в. и в этом районе извлекал основные прибыли из финансовых операций. Широко известна его роль как в возникновении оттоманского, египетского и греческого долгов, так и в администрации, созданной европейскими империалистическими кредиторами для взыскания этих долгов, которая стала одним из решающих рычагов закабаления этих стран международным финансовым капиталом.

¹⁰ См. «Константинополь и проливы по секретным документам бывшего Мпшистерства иностранных дел». Под. ред. Е. А. Адамова, т. 1—2. М., 1925—1926.

¹¹ А. А. Г у б е р, А. Н. Х е й ф е ц. Новая история стран зарубежного Востока. М., 1931, стр. 330—331; «Новая история стран зарубежной Азии и Африки», ч. I, Под ред. Г. В. Ефремова и Д. А. Ольдерогге. Л., 1959, стр. 515.

Сербию, Болгарию, Румынию западные банкиры еще не успели довести до банкротства и поставить под свой прямой финансово-административный контроль. Но и эти страны за какие-нибудь четверть века оказались по рукам и ногам опутанными паутиной кабальных займов. В погашение одних процентов по этим займам они к началу XX в. были вынуждены выплачивать ежегодно около четверти доходов своего бюджета и отдавать под залог ряд доходнейших его статей. Львиная доля прибылей при этом доставалась французским капиталистам, причем они не упускали их и тогда, когда займы балканских стран реализовались не на парижской, а на венской бирже, как это характерно для 80—90-х годов XIX в. Здесь сказывались не только семейные связи Ротшильдов, но и общий космополитический характер финансового капитала эпохи империализма.

Отсюда и вытекала несколько противоречивая заинтересованность французской буржуазии в государственной устойчивости как Турции, так и молодых балканских государств, поскольку последние, достигнув независимости, в короткое время становились источниками дополнительных доходов, обращаясь к европейским биржам за займами на создание армий, инфраструктуры и т. д. (Кстати, Берлинский конгресс, обязав балканские страны провести железнодорожное строительство, тем самым и обеспечил эти устойчивые доходы финансистам развитых капиталистических стран. Недаром и Биконсфильд и Бисмарк были тесно связаны с банкирами.)

Этим объясняется то, что у французской дипломатии на Балканах не просматривается устойчивой единой линии. Ее деятельность характеризуется, во-первых, известной конъюнктурностью: в каждом конкретном случае подход к проблеме диктуется лишь интересами, образующимися в данной ситуации, и ее влиянием на положение французских капиталовложений в этой стране. А во-вторых (и это, вероятно, самое существенное для понимания балканской политики Франции того времени), господствовало убеждение в том, что у Франции нет существенных политических интересов в этой зоне. Складывается впечатление, что как весь комплекс восточного вопроса, так и любая из входивших в него «частных» проблем в конце XIX — начале XX в. интересовали французскую дипломатию лишь постольку, поскольку их можно было использовать для разрешения других, коренных задач французской политики, прежде всего — проблемы союзов. Насколько нам известно, подобная точка зрения никогда не формулировалась Кэ д'Орсэ официально и не находила отражения в каких-либо программных документах, и поэтому, на первый взгляд, может показаться спорной.

Однако на основании конкретного анализа французской политики последней трети XIX — начала XX в. такой вывод представляется обоснованным. Действительно, после окончательного провала попыток установления политического контроля над Египтом и палестино-сирийской зоной его влияния, Франция не проявляет в Восточном Средиземноморье той политической активности, какой характеризуется предшествующее семидесятилетие, открывшееся египетским походом Наполеона, миссией Себастиани и т. п. Апогей французской активности на Ближнем Востоке приходится на первую половину XIX в. И хотя она продолжается вплоть до правления Сидки-паши (1854—1863) — Крымская война 1853—1855 гг., начало строительства Суэцкого канала (1859), интервенция в Сирии (1860—1861), — в 60-е годы заметен спад французского влияния в этом районе. Уже при Сидки-паше начинается активное английское проникновение в Египет. А в Турции уже с конца 50-х годов французские дипломаты утрачивают то влияние, которое в 30—40-е годы позволяло им по своему усмотрению менять великих визирей. Во второй половине XIX — начале

XX в. пульс дипломатической жизни Стамбула определяется борьбой между такими крупными русскими дипломатами, как князь А. Б. Лобанов-Ростовский, граф И. П. Игнатьев, А. И. Нелидов, И. А. Зиновьев, Н. В. Чарыков, с одной стороны, и не менее видными дипломатами английскими: Ч. Страффордом-Каннингом, Бульвер-Литтоном, лордом Лайонсом, Р. Солсбери, лордом Дюфферином и О'Коннором, — с другой. На этом уровне французские представители типа Ш. Вогюэ, Монтебельяра, Констанса и т. п. выглядят весьма бледно и самостоятельной роли не играют (за исключением, быть может, П. Камбона в 1891—1898 гг.).

Завершение строительства Суэцкого канала (1869) и крах второй империи (1870) одновременно знаменуют конец французской активности в Восточном Средиземноморье, которая укладывается в период от возвышения Наполеона I до падения Наполеона III. И как раз на рассматриваемый нами период 1870—1914 гг. приходится своего рода «пауза», завершившаяся в 1915 г. соглашением Сайкс—Пико, предопределившим захват французским империализмом Сирии и Ливана после первой мировой войны.

В подтверждение сформулированной нами точки зрения можно привести неофициальные высказывания двух руководителей французской внешней политики, одно из которых относится к началу рассматриваемого периода, другое — к его концу. Говоря о причинах Крымской войны (кажется, активизация дальше некуда?), Дуэн де Люис, двукратный министр иностранных дел Второй империи, заметил впоследствии: «Вопрос о „святых местах“ и все, что к нему относится, не имеет никакого значения для Франции. Весь этот восточный вопрос, возбуждающий столько шума, послужил императорскому правительству лишь средством расстроить континентальный союз, который в течение полувека парализовал Францию. Наконец, представилась возможность посеять раздор в могущественной коалиции, и император Наполеон ухватился за это обеими руками»¹². А полвека спустя Пишон, руководивший внешней политикой Франции в кабинетах Клемансо и Бриана (1906—1911), во время Боснийского кризиса предупреждал русских дипломатов: «Если французы будут атакованы или будут задеты жизненные интересы России, то народ пойдет как один, но идти за кусок сербской территории — это в глазах французов преступная глупость»¹³. Одинаковое отношение к восточным проблемам прослеживается совершенно отчетливо.

С учетом всего сказанного, если искать какую-либо общую тенденцию внешней политики Франции в этом районе, то можно утверждать, что, не преследуя на Балканах самостоятельных политических целей, ее руководители ориентировались на более или менее активную поддержку своих союзников в обмен на поддержку французских интересов в других районах мира. В 50—70-е годы XIX в. таким союзником (хотя и не очень надежным) была Англия — и этим объясняется позиция французской дипломатии на Берлинском конгрессе, в частности, в связи с возвращением Македонии, Румелии и Фракии под власть Турции, а не только таким, строго говоря, конъюнктурным и кратковременным фактом, что Г. Ваддингтон, по язвительным оценкам тогдашней прессы, был «английским министром французских иностранных дел».

С 90-х годов таким союзником стала Россия, и соответственно изменилась линия французской дипломатии на Балканах.

При этом следует оговориться, что степень ее активности всегда была весьма хорошо рассчитана и, как правило, тщательно сбалансирована с

¹² Цит. по: «История дипломатии», изд. 2, т. 1. М., 1959, стр. 645.

¹³ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. 1. М., 1935, стр. 352.

учетом возможной «отдачи», т. е. непосредственного значения для Франции ответной поддержки союзника. Поэтому по мере того, как (примерно с первого пятилетия XX в.) менялся удельный вес сторон во франко-русском союзе и возрастала зависимость царского правительства от парижской биржи, падало желание правящих кругов Франции оказывать России и протектируемым ею балканским государствам поддержку в ситуациях, чреватых осложнениями из-за «локальных» проблем полуострова, сколь бы существенными они ни были для самих балканских народов и России. Цитированное заявление Пишона может служить ярким проявлением этого, а также и того факта, что теперь уже Франция претендует на то, чтобы решать, какие интересы ее союзников являются «жизненными», а какие нет. И, конечно, французский империализм, не менее чем английский, противился переходу проливов под контроль России. Своеобразная «тонкость» подхода французской дипломатии к этому вопросу заключалась в том, что, нуждаясь в мощи своего союзника, в 1890—1900-е годы она не отказывала ему прямо. На словах проявляя «понимание русских интересов на Балканах и в Турции», она переадресовывала претензии Петербурга в Лондон, без согласия которого, дескать, разрешить эти проблемы невозможно: «Мы-то не против, но договоритесь предварительно с англичанами». А это, как показано выше, было невозможно.

В итоге можно сказать, что в силу заинтересованности Франции в союзе с Россией, французская внешняя политика 1890—1900-х годов в основном (но непоследовательно и не всегда) поддерживала своего союзника на Балканах. Но в то же время все местные проблемы французский империализм рассматривал только как разменную монету в своей мировой политике, главные центры тяжести которой лежали за пределами Балкан.

Что касается России, то стержнем всей ее восточной политики (в том смысле, который вкладывался в это понятие в XIX — начале XX в.) была проблема черноморских проливов. Общественным мнением страны она формулировалась то как вопрос «о ключах от собственного дома», то как задача «водрузить крест на Святой Софии». Существенное различие этих формулировок и позволяет нам установить соотношение между подлинным значением этой проблемы для России и теми методами, которыми царизм пытался ее решить, между содержанием и формой русской политики на Балканах. А тем самым — объективно понять и противоречия этой политики, и источник противоречивости в ее оценках различными социальными группами и лицами как на Балканах, так и в самой России.

После того, как в XVIII в. Россия вернулась к берегам Черного моря, и особенно со второй половины его, когда произошло этническое и экономическое освоение Южной Украины, Приазовья, Прикубанья (а в первые десятилетия XIX в. — и кавказского побережья), вопрос о проливах из внутритурецкого превратился в международный, поскольку открытие или закрытие их теперь влияло на прибрежные районы не только Турции, но и России (а с последней четверти XIX в. — Румынии и Болгарии как независимых государств).

Большинство западных буржуазных исследователей и публицистов, даже признающих экономическое значение проливов для русской торговли, видят в стремлении России разрешить этот вопрос, осуществляющемся как с помощью попыток договорных отношений с Турцией, так и продвижением через Балканы с целью захвата проливов, лишь проявления агрессивной экспансии.

Для уяснения вопроса необходимо отметить, что именно Россия была выпущена военным путем добиваться для всех стран свободы торгового мореплавания в Черном море, закрепив ее в Кучук-Кайнарджийском (1774) и Адрианопольском (1829) договорах с Турцией. До Лондонской конвен-

ции 1841 г. режим проливов регулировался на основании взаимовыгодного соглашения самих черноморских держав. И хотя первая попытка постороннего государства вмешаться в эту проблему относится к 1809 г. (Дарданельский договор между Англией и Турцией), лишь после отказа России от Унклар-Искелесийского договора (1839) нечерноморские державы, лишив русский флот возможности защищать подступы к своим берегам на стратегическом предполье, обеспечили себе возможность вторжения в Черноморье в любое время. Достаточно напомнить о Крымской войне, рейде «Гебена» и «Бреслау» в 1914 г. Становится ясным, что правительство России, не пренебрегающее национальной безопасностью страны, обязано было принимать меры для создания в зоне проливов ситуации, исключающей использование их как ворот для агрессии против нее.

Имея в виду постоянные усилия западной дипломатии, начиная с первых лет XVIII в., направленные на то, чтобы воспрепятствовать неоднократным попыткам установления дружеских отношений между Россией и Турцией, можно ли удивляться тому, что царизм мог видеть лишь один путь обеспечения безопасности Черноморья: захват проливов с максимальным широким хинтерландом, прочно связывающим их с Россией. Таково закономерное и основное противоречие между содержанием и формой политики царской России: оборонительная задача разрешалась агрессивными методами. Еще К. Маркс подчеркивал, что окончательное решение этой проблемы выпадет на долю европейской революции. И действительно, только после Великой Октябрьской революции, создавшей на месте старой России социалистическую республику Советов, появилась реальная возможность иного, не империалистического, подхода к решению этой проблемы.

Однако, не замазывая агрессивности царской политики, необходимо четко подчеркнуть, что по своим последствиям и значению для балканских народов она принципиально отличалась от политики других империалистических держав. Те укрепляли *status quo* на Балканах, являвшееся сохранением турецкого ига над народами полуострова, или стремились заменить один чужеземный гнет другим. Осуществление собственных целей политики России в реальной практике приводило к освобождению балканских народов от турецкого порабощения и к укреплению их государственности перед угрозой австро-германской агрессии. И это было не побочным результатом стремления России к проливам, а одним из важнейших аспектов ее внешнеполитической программы: борьба за освобождение единоверных народов полуострова — вторая основа ее политики на Балканах.

При оценке побудительных мотивов балканской политики России нельзя не принимать во внимание важнейшего фактора, отсутствовавшего у всех других держав. Это — многовековое и прочное народное чувство кровной, культурной и религиозной общности народов полуострова и России. Два последних компонента создавали тяготение к России не только у славян, но и у греков и румын. Стоит оговорить, что недооценка религиозного единства для рассматриваемого периода означала бы недопустимую модернизацию.

В русском народном сознании это чувство четко проявлялось как осознание вполне определенной нравственной необходимости оказывать помощь единокровным и единоверным народам. У балканских народов оно существовало в виде постоянной надежды на русскую помощь во всех критических ситуациях. Они, по замечанию Маркса, видели в России «свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию»¹⁴.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 32.

Этот фактор и делал войны России не только и не столько агрессивными, сколько прежде всего освободительными, и определял ту массовую основу русского влияния на Балканах, с которыми так упорно боролись другие державы и их местные сторонники. В основном и главном цели России и национальные устремления балканских народов совпадали. Кровью своих сыновей обеспечивала Россия достижение независимости народов полуострова от Турции, и ее мощь была главным заслоном на пути новой — австро-германской агрессии. Именно поэтому объективное значение русской политики на Балканах было прогрессивным. Она обеспечивала независимое политическое и экономическое развитие балканских государств, открывая им путь к дальнейшему прогрессу.

Отмечая это как главное в историческом процессе, нет необходимости замалчивать эксплуататорскую сущность царизма, реакционные элементы в его политике. У правящих кругов царской России то народное чувство, о котором говорилось выше, трансформировалось в представление о праве Российской империи на опеку над малыми славянскими — и другими — народами полуострова. Являясь эксплуататорами собственного народа, они не могли представить себе иного идеала, чем превращение освобожденных от Турции стран в пресловутую «Задунайскую губернию». Поэтому недопустимыми являются любые попытки оправдать те или иные реакционные действия царского правительства на Балканах, характерные, например, для дореволюционной русской историографии и публицистики, например, кадетской. И если стихийное, так сказать, славянофильство, свойственное значительной части русской интеллигенции, в конечном счете служило питательной средой для панславистских замыслов царизма, то взгляды русской демократии на всех этапах ее развития — от декабристского «Общества соединенных славян» через Герцена к четко классовой, защищавшей интересы трудящихся позиции вышедшей В. И. Лениным Коммунистической партии Советского Союза, — всегда включали не только поддержку борьбы балканских народов за свое освобождение, но и разоблачение захватнических и реакционных тенденций в политике царизма. Только такой подход к оценке русской политики на Балканах является подлинно научным и открывает дорогу к правильному пониманию принципиально отличающейся от нее современной ленинской внешней политики СССР.

Таким образом, балканская политика дореволюционной России содержала еще одно противоречие: освободительные действия совершались во имя великодержавных целей и зачастую в формах, приводивших к конфликтам с балканскими правительствами. Исторически неизбежный парадокс — объективно прогрессивные мероприятия осуществлялись реакционными царскими министрами, генералами, дипломатами с помощью привычных для них методов.

Оценивая русскую политику на Балканах конца XIX — начала XX в. в целом, можно сказать, что объективно оборонительные и освободительные задачи она зачастую решала агрессивными и великодержавными методами, свойственными классовой психологии ее творцов и исполнителей. Но в конечном итоге все отрицательные последствия субъективных факторов преодолевались историческим развитием балканских стран и народов, и на первый план выступало непреходящее значение ее объективного содержания. Политика России обеспечивала как саму возможность самостоятельного развития народов полуострова, так и простор для утверждения более прогрессивных форм и ступеней этого развития.

В связи с этим необходимо отметить еще два момента. Во-первых, Россия не стремилась к установлению своего экономического господства на балканских рынках, не принимала участия в их превращении в полукOLONиальный придаток капиталистической Европы. За исключением Греции,

экспортировавшей из черноморских портов основную массу необходимых для пропитания ее населения зерновых, в торговом обороте балканских стран на долю России приходилось лишь несколько процентов (даже в пограничной Румынии)¹⁵. В течение всего рассматриваемого периода она занимала в нем шестое-седьмое место, пахотясь позади даже маленькой и отдаленной Бельгии. Объясняется это, конечно, прежде всего тем, что аграрной России и нечем было особенно торговать с аграрными же балканскими странами. Но в то время как Австрия, Германия, Англия всячески стремились сохранить отсталую структуру экономики балканских стран, закреплявшую их зависимость от империализма, русская дипломатия, как правило, поддерживала защитительные протекционистские меры местных правительств, направленные на создание условий для возникновения и развития национальной промышленности. Достаточно лишь для одной Сербии сослаться на миссию Тимирязева в начале 90-х годов¹⁶ и на позицию русской дипломатии во время так называемой «свиной войны» 1906—1911 гг. и др.

Другой момент, также замалчиваемый буржуазными историками, заключается в том, что на Россию ориентировались и Россией поддерживались, как правило, наиболее для того времени либеральные, конституционалистские и борющиеся за укрепление национальной независимости группировки среди правящих классов балканских государств. Ориентация на Россию сербских радикалов, румынских либералов, болгарских прогрессистов и народняков и т. п. говорит сама за себя. Является своего рода закономерностью, что именно в периоды правления, например, в Сербии и Болгарии русофильских партий в этих странах существовали максимально возможные при капитализме демократические порядки, а приход к власти антирусских группировок, как уже отмечалось выше, ознаменовывался установлением реакционных антинародных диктатур.

И если классово своекорыстные цели и методы правивших в России помещиков и капиталистов приводили в отдельных случаях к возникновению трений между Россией и балканскими государствами, эти трения никогда не перерастали в непримиримые противоречия. Совпадение в главном, в общности национальных задач и в устойчивом чувстве дружбы и тесной взаимосвязанности не могла нарушить и деятельность прозападных группировок в правящих кругах балканских стран, поскольку глубинные чувства широких народных масс противоречили их устремлениям. Добиваться своих целей эти группировки могли лишь на исторически кратковременные периоды, используя отмеченные нами великодержавные тенденции и ошибки царской дипломатии.

Таковы обобщенные характеристики политики европейских держав на Балканах, при невнимании к которым исследование борьбы межимпериалистических интересов в этом районе и ее влияния на развитие народов полуострова неизбежно будет иметь субъективистский или конъюнктурный оттенок. Политика каждой империалистической державы, действовавшей накануне первой мировой войны на Балканах, определялась собственными империалистическими целями и по своему значению для народов полуострова и по влиянию на их судьбы имела характер, отличный от политики других держав.

Наиболее реакционную роль здесь играли державы Тройственного союза, общей перспективой политики которых было стремление заменить

¹⁵ «Сборники консульских донесений» (1898—1908); «The statesman's year-book. Statistical and historical annual of States of the World for year...» London, 1883—1913.

¹⁶ В. Л. Г л е б о в. Там же, стр. 41—53, 96, 104—110.

турецкое господство над народами полуострова своим собственным в непосредственно аннексионистских формах. Некоторые объективно выгодные для народов полуострова шаги итальянской дипломатии, вызванные обострением австро-итальянских противоречий и сближением либеральных правительств Италии с Антантой, не снимали захватнических целей итальянского империализма по отношению к западным и юго-восточным областям Балкан. Державы Антанты в рассматриваемый период придерживались более косвенных форм установления своего контроля, поддерживая и укрепляя стремление балканских народов к государственной независимости как от Турции, так и от австро-германского блока. Подобное отношение вытекало не из отсутствия у них империалистических поползновений, а из конкретной ситуации, связанной с общей борьбой двух империалистических блоков. Однако единственной из великих держав, чьи подлинные национальные интересы были существенно связаны с этим районом и в основном и главным совпадали с интересами балканских народов, была Россия. А политика Англии и Франции на Балканах в конечном итоге определялась их отношением к России и ее внешнеполитическим целям, что не ослабляет, конечно, роли англо-германских противоречий на путях в Переднюю Азию и общего франко-германского противоречия.

В завершение необходимо отметить, что за последние полвека историками различных стран проделана большая работа по исследованию Балканского региона как объекта борьбы противоречий империалистических держав и роли этой борьбы в происхождении первой мировой войны. Но, к сожалению, до сих пор очень мало сделано для раскрытия места и роли самих балканских государств как субъектов внешней политики и дипломатической деятельности.

Нам кажется, что сейчас, в связи со становлением балканистики как самостоятельной исторической дисциплины, назрела необходимость в серьезной разработке проблем, связанных с раскрытием характера, тенденций и закономерностей внешней политики балканских стран как субъектов международных отношений, с позиций того общего, что характерно для них всех, поскольку им всем приходилось решать схожие проблемы утверждения своей независимости на фоне отмеченной борьбы межимпериалистических интересов великих держав и в районе, который может рассматриваться — и всегда рассматривался — в мировой политике как нечто целостное, обладающее общими закономерностями развития.

П. Г. КОЗЛОВСКИЙ

ОРГАНИЗАЦИЯ МАГНАТСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЗАПАДЕ И В ЦЕНТРЕ БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Господство земельных магнатов — общепризнанная характерная черта развития Речи Посполитой XVIII в., отмечавшаяся еще современниками. На политическую роль магнатов в этот период указывает Ф. Энгельс, когда говорит о «правлящей аристократии», которая «довела Польшу до упадка»¹. Совершенно очевидно, что изучение экономической базы, на которой основывалось политическое могущество магнатов, является одной из важных научных задач. При этом особый интерес представляет западная и центральная Белоруссия, которая дольше, чем восточная — почти до самого конца XVIII в. — оставалась в составе Речи Посполитой. На этой территории новые экономические проблемы, возникшие в 60-е годы XVIII в., решались в условиях прежней политической надстройки.

Экономическая база магнатов — это феодальное землевладение и господское хозяйство в поместьях. До недавнего времени магнатское землевладение в западной и центральной Белоруссии указанного периода не изучалось, а поместное хозяйство затрагивалось лишь частично в работах на другие темы.

Характеристику феодального поместья в Белоруссии XVIII в., не выделяя магнатского, пытались дать Ф. И. Забелло и К. И. Керножицкий². Но они основывались лишь на опубликованных инвентарях отдельных владений, а в этом источнике отсутствует ряд важнейших экономических показателей господского хозяйства. Поэтому выводы Ф. И. Забелло оказались ошибочными, а К. И. Керножицкого — лишенными достаточного научного обоснования.

Существенное значение для определения эволюции поместья имеют исследования динамики феодальной ренты в Белоруссии, произведенные Д. Л. Похилевичем (в основном по материалам королевских владений), Е. П. Шлосберггом (по разрозненным объектам), П. Г. Козловским (по магнатским поместьям), Я. Н. Марашем (по имениям католической церк-

¹ Ф. Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. II, т. 16, стр. 164.

² Т. И. Забелла. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства. У зб. «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук». Працы класы гісторыі, кн. 3, т. II. Менск, 1928; К. І. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. Менск, 1935; е го же, Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII стагоддзя. «Досьледы і матар'ялы на вывучэнні гісторыі. Серыя 2, вып. 2, Менск, 1928.

ви)³. Они показывают, что общим направлением развития для всех видов феодальных владений Белоруссии во второй половине XVIII в. был рост отработочной ренты и фольварочной системы хозяйства. Однако только путем изучения ренты нельзя было раскрыть уровень товарности поместья и структуру господского хозяйства. Широкий и разносторонний материал привлечен В. И. Мелешко, который установил торгово-промышленное направление поместного хозяйства в восточной части Белоруссии⁴. Но этот край значительно отличался своим экономическим развитием от рассматриваемой нами территории.

Единственная отрасль магнатского хозяйства в западной и центральной Белоруссии XVIII в., которая обстоятельно изучалась, это вотчинная мануфактурная промышленность. А. М. Карпачевым исследованы организация производства, уровень товарности, применение и характер найма на магнатских мануфактурах. На основании этих и других своих исследований А. М. Карпачев пришел к выводу о начавшемся во второй половине XVIII в. разложении феодальных производственных отношений в Белоруссии⁵.

С нашей темой связаны и исследования наемного труда в Великом княжестве Литовском, начатые А. Жабко-Потоповичем⁶ и продолженные Д. Л. Похилевичем, хотя в них преобладают данные по государственным владениям. Д. Л. Похилевич рассмотрел аграрную реформу во владениях магната И. Хрептовича, перешедшего от барщины к наемному труду⁷.

Таким образом, в научной литературе получили освещение лишь отдельные вопросы, касающиеся магнатского поместья западной и центральной Белоруссии второй половины XVIII в. В настоящей статье рассматриваются магнатское землевладение и поместье в целом. При этом используются новые виды источников — хозяйственные документы магнатских латифундий, отложившиеся в фамильных фондах, и документы государственных учреждений Речи Посполитой. Бухгалтерские книги латифундий, отчеты экономов и управителей, акты ревизий («люстрации»), письма, распоряжения и инструкции магнатов, жалобы крестьян содержат

³ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957; е г о ж е. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII ст. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.». Кишинев, 1966; е г о ж е. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1966; Е. Ш. Шлосберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII веков (по данным инвентарей феодальных владений). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г.». Таллин, 1959; П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.». Рига, 1963; е г о ж е. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. (по материалам магнатских вотчин). Минск, 1969; Я. Н. Мараш. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795). Минск, 1971.

⁴ В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений в восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.» и другие работы.

⁵ А. М. Карпачев. О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры (по материалам белорусских мануфактур второй половины XVIII века). «Вопросы истории», 1957, № 8; е г о ж е. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8; е г о ж е. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г.». Минск, 1964.

⁶ А. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku osiemnastym na tle ewolucji stosunków w rolnictwie. Warszawa, 1929.

⁷ Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сільскому господарстві Білорусіі та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1; е г о ж е. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 134—137.

огромное количество ценнейших сведений. Их изучение и цифровой анализ, в сопоставлении с записями инвентарей, позволили воссоздать довольно полную картину магнатского хозяйства. Хозяйственные документы сохранились до наших дней не по всем магнатским владениям. Тем не менее многочисленные документы по основным латифундиям главных магнатских родов Белоруссии, выявленные автором в архивах СССР (Москва, Минск, Гродно, Вильнюс, Львов), а также полученные из архивов Польши, представляют собой достаточный материал для общих выводов по данному виду владений.

В распоряжении автора имелись и документы, относящиеся ко всей изучаемой территории. Это налоговые переписи («тарифы подымного») и некоторые другие фискальные документы, обнаруженные в архивах, а также законодательные акты сеймов. Эти документы позволяли дополнять и контролировать выводы, получаемые на основании изучения фамильных фондов. Кроме того, они дали возможность определить структуру землевладения и динамику численности населения на изучаемой территории.

Поскольку поземельный кадастр в Речи Посполитой в XVIII в. не составлялся, за основу расчетов был принят населенный двор («дым»), облагавшийся подымным налогом. По числу таких дымов в селах и местечках, принадлежавших феодалу, можно судить и о размерах его земельных владений.

По данным поветовых тарифов подымного налога в 11 белорусских поветах Великого княжества Литовского по состоянию на 1791 г. (запад и центр Белоруссии) насчитывалось около 259 тыс. таких дымов. Из них принадлежало королю (государству) 55 тыс. (21,1%), церквям разных исповеданий 32 тыс. (12,2%) и частным земельным собственникам 172 тыс. (66,7%). Последние делились на светских феодалов, владевших крепостными («помещиков», как мы их можем назвать условно), и мелкую шляхту, не имевшую крепостных. В собственности помещиков находилось 166 тыс. дымов (64,4%), а у мелкой шляхты — 6 тыс. дворов (2,3%). Безусловное преобладание помещичьей земельной собственности очевидно. При этом крупнейшие земельные магнаты (16 человек), каждому из которых на изучаемой территории принадлежало более 1000 дымов, владели 77,1 тыс., т. е. 46,4% помещичьих или 29,9% всех вообще дымов. Внутри этой маленькой группы латифундистов собственность распределялась крайне неравномерно. Крупнейшему землевладельцу западной и центральной Белоруссии Каролю Радзивиллу принадлежало 35 762 дыма, т. е. 46% всех магнатских и 13,8% всех вообще дымов на данной территории.

Однако, как известно, в Белоруссии, и во всей Речи Посполитой существовало различие между земельной собственностью и земельным владением. Оно было обусловлено системой раздачи в пожизненное владение магнатам и шляхте значительной части королевских земель (староств). Кроме того, существовала практика передачи поместий одними феодалами другим во владение на длительные сроки, по договорам аренды и залога («посессия»). Поэтому и структура земельного владения несколько отличалась от структуры земельной собственности. Если просчитать все владения, принадлежавшие по праву собственности крупнейшим латифундистам западной и центральной Белоруссии, а также и те, которые они сами получили в посессию от короля и других собственников, окажется, что 25 лицам принадлежало на разных основаниях около 99 тыс. дымов, т. е. 38,1% общего числа (в том числе каждому свыше 1000). Это говорит о высокой степени концентрации землевладения в западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. и о большом экономическом потенциале магнатов.

Необходимо, однако, отметить, что сфера магнатского хозяйства была уже. Немалая часть собственных владений магнатов, их вотчин, была ими роздана в посессию представителям средней шляхты⁸. На развитие магнатского хозяйства в Белоруссии во второй половине XVIII в. воздействовал ряд факторов: рост численности населения (с 1,5 миллиона в 1714 до 3,6 миллиона в 1791 г.), увеличение емкости внутреннего рынка и улучшение внешне-торговой конъюнктуры, административные реформы 60—70-х годов, прокладка дорог и каналов⁹. К 60-м годам XVIII в. в магнатских владениях западной и центральной Белоруссии закончился длительный процесс восстановления сельского хозяйства, разоренного в годы Северной войны. На протяжении последней трети XVIII в. происходило дальнейшее его развитие. Фольварочная запашка возросла в 1,5—2 раза. Одновременно осуществлялась интенсификация сельского хозяйства. Совершенствовались орудия труда и агротехнические приемы, а в некоторых поместьях и господский инвентарь. В целом более чем вдвое, по сравнению с первой половиной XVIII в., возросла урожайность, вдвое увеличилась численность господского скота. На основе роста сельскохозяйственного производства быстро развивалось магнатское предпринимательство. Возникали мануфактуры и многочисленные более мелкие вотчинные предприятия¹⁰.

Как известно, экономический подъем — характерная черта эволюции ряда стран Европы во второй половине XVIII в. В Речи Посполитой он был связан с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений и углублением общественного разделения труда. Об этом свидетельствуют и материалы магнатских поместий западной и центральной Белоруссии. В рассматриваемый период эти поместья были тесно связаны с внешним и внутренним рынком. По данным бухгалтерских документов 47 магнатских имений в 70—80-х годах XVIII в. реализовалось на рынке 77% ржи, произведенной в фольварках, и только 23% расходовалось на внутренние нужды¹¹.

Для получения более полного представления об уровне товарности магнатского поместья необходимо сопоставление всех видов доходов в денежном выражении. Данные о доходах содержатся в трех видах источников. Наиболее массовым источником являются оценки помещиками доходов имений, представленные ими в 1789—1790 гг. и поветовые Гражданско-военные комиссии Великого княжества Литовского для начисления налога «10-го гроша», достоверность которых вызывала сомнения уже у современников. К тому же в нем не учтены доходы от промышленных заведений. Ближе к истине оценки доходов, фигурирующие в инвентарях

⁸ Все расчеты произведены на основании тарифов подымного налога. См. Центральный государственный исторический архив Литовской ССР (ЦГИА ЛитССР) ф. ДА, д. 3309, 3372, 3373, 11585, 11587, 11592, 11635, 18584; Центральный государственный исторический архив БССР в г. Гродно (ЦГИА БССР в г. Гродно), ф. 1143, оп. 1, д. 451; Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского университета (РОБВУ), ф. 57, д. Б, 54, 51.

⁹ А. М. Карпачев, П. Г. Козловский. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г.»; и х ж е. Сельская гаспадарка ў другой палове XVIII ст. Сацыяльна-эканамічныя умовы развіцця. «Гісторыя Беларускай ССР», т. 1. Мінск, 1972, стар. 353—354.

¹⁰ Подробнее см. П. Г. Козловский. Развитие производительных сил в магнатском поместье Западной и Центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. «История СССР», 1972, № 2, стр. 52—70.

¹¹ Расчеты произведены по архивным документам: Центральный государственный исторический архив БССР в г. Минске (ЦГИА БССР), ф. 694, оп. 2, д. 1714, 1742, 4207, 5704, 5705, 6423, 6673, 6678, 6683, 8066, 8067, 8149, 8437, 8438, 9384, 9411; оп. 3, д. 4197; ф. 1324, оп. 1, д. 44, 105; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 1, д. 214; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, 2125; РОБВУ, ф. 4А, д. 1275, 1282, 2010.

Таблица 1

Денежный приход в магнатских поместьях западной и центральной Белоруссии

Год	Владение	Количество имений	Доход от реализации продукции на рынке		Прочие поступления (чинш, откупы и т. д.)	Всего
			внутреннем	внешнем		
1797	Высокое Липтовское	7	34731 *	13042	9041	56814
			61	23	16	100
1793	Деречин	14	23429	86000	21631	131060
			13	66	16	100
1791	Залесье	2	8133	—	6796	14929
			55	—	45	100
1784—	Друя	3	6836	—	61256	68092
1793			11	—	89	100
1778	Чересс	2	5400	25642	15004	46046
			12	56	32	100
1758—	Койданово	2	5602	—	20528	26130
1760			21	—	79	100
1778	Тимковичи	8	36899	74000	91753	202652
			18	37	45	100
1759	Ляхва	3	10512	—	8323	18835
			56	—	44	100
1788—	Давид-Городок	3	11617	—	16964	28581
1789			41	—	59	100
Всего		44	143159 24,5	198684 33,0	251296 42,5	593139 100

Источники: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 344; д. 8438, л. 8—29; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 1, д. 150, л. 1—14; д. 221, л. 1—2; ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 1—16; ф. 1177, оп. 1, д. 2125, л. 7—8; РОБВУ, ф. А, д. 1275, л. 32; д. 1515, л. 1—2; д. 2010, л. 8.

* Верхняя цифра — денежная сумма в польских злотых, нижняя — процент.

отдельных владений, поскольку они служили практически для расчетов между земельным собственником и посессором. Их недостаток — некоторая схематичность и занижение урожайности, принимаемой по норме «сам-3», тогда как фактически она часто была выше. Доход от предприятий в большинстве случаев также не учтен или объединен в одну цифру с доходами от откупов (если предприятие сдано в аренду). Инвентари сохранились далеко не по всем владениям. Меньше всего дошло до наших дней бухгалтерских и других хозяйственных документов. Они дают наиболее полное и правильное представление о бюджете поместья. Рассмотрим последние два из названных видов источников.

Анализ фактического денежного прихода по бухгалтерским документам 9 латифундий — 44 имения (табл. 1) позволяет выделить поступления от рыночной реализации (на внутреннем и внешнем рынке) и чисто сеньориальные (чинш, сдача в откуп монополий и баналитетов). Из подсчетов видно, что поступления от поместного хозяйства составляли более половины прихода (58%)¹². Близкие результаты дает изучение структуры доходов в 11 других латифундиях (47 имений), произведенное на основании оценок, зафиксированных в инвентарях (табл. 2). Полученный по этому расчету показатель доходов от поместного хозяйства (в среднем — 51%) несколько занижен, в связи с указанным выше занижением урожайности.

¹² Этот показатель, был бы еще выше, если бы можно было по всем латифундиям учесть доходы от реализации лесоматериалов. В табл. 1 они учтены лишь по отдельным объектам.

Таблица 2

Структура дохода в магнатских владениях западной и центральной Белоруссии

Год	Владение	Количество имений	Доходы					Всего
			чинши и др. денежные платежи	натуральный оброк в пересчете на деньги	аренда корчем и др. откупы	фольварочная продукция по оценке *	от промышленных предприятий **	
1783	Бытень	3	3 302 ***	1 171	6 164	13 795	—	24 432
			14	5	25	56	—	100
1783	Каменка	9	2 113	1 232	7 510	24 998	—	35 953
			6	3	21	70	—	100
1788	Сморгонь	3	11 986	652	14 000	4 371	—	31 009
			39	2	45	14	—	100
1783	Поставы	11	23 065	6 061	7 520	37 392	25 602	99 640
			23	6	8	37	26	100
1796	Залесье	5	5 021	442	4 765	18 663	—	28 891
			17	2	16	65	—	100
1783	Молодечно	7	12 074	1 200	11 080	26 526	—	50 880
			24	2	22	52	—	100
1783	Раков	2	3 213	60	1 300	2 148	—	6 721
			48	1	19	32	—	100
1775	Старинка	1	4 846	1 055	2 000	2 390	—	10 291
			47	10	20	23	—	100
1794	Негорелое	1	4 196	943	3 320	3 321	—	11 780
			36	8	28	28	—	100
1787	Погост	1	10 997	3 556	6 574	6 542	—	27 669
			40	13	24	23	—	100
1781	Смядынь	4	6 005	11 599	9 200	13 717	18 400	58 921
			10	20	15	23	32	100
Всего		47	86 818	27 971	73 433	153 863	44 002	386 087 ****
			23	7	19	40	11	100

Источники: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5920, л. 21; д. 6423, л. 27; д. 8260, л. 13; оп. 3, д. 4197, л. 46; ф. 1324, оп. 1, д. 105, л. 14; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 131—135; д. 3991, л. 11; д. 3992, л. 7; д. 3993, л. 5; д. 3994, л. 5; д. 3995, л. 8; д. 4000, л. 7; д. 4001, л. 6; д. 4002, л. 5; д. 4010, л. 10, 20, 21, 34; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1201, л. 22; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, л. 82—83; д. 3506, л. 42.

* Доход (исключена стоимость семян).

** Прочерк означает, что в источнике доход от промышленных заведений не выделен и учитывается по другим статьям, либо данные о его размерах отсутствуют.

*** Верхняя цифра — сумма в польских злотых, нижняя — процент.

**** Доход, в том числе от поместного хозяйства, 197 865 польских злотых (51%).

Итоги исследования позволяют сделать вывод, что магнатское хозяйство западной и центральной Белоруссии обладало во второй половине XVIII в. весьма высокой степенью товарности. Наиболее развитые рыночные связи имели поместья, расположенные на юго-западе и западе, с развитым фольварком. В их бюджете удельный вес поступлений от поместного хозяйства составлял $\frac{4}{5}$ — $\frac{2}{3}$ (Высокое, Деречин, Каменка, Поставы и др. — в Брестском, Слонимском, Лидском, Ошмянском поветах). В то же время во владениях центральной полосы и юга, за некоторыми исключениями, больше половины поступлений приходилось на чисто сеньоральные источники (Койданово, Негорелое, Старинка, Погост, Давид-Городок — в Минском, Пинском и на востоке Новогрудского поветов). Таким образом, степень развития фольварочного хозяйства и уровень товарности поместья в целом снижались по мере продвижения с запада на восток.

Т а б л и ц а 3

Шкала подъемного налога согласно постановлению сейма 1775 г.

Класс	Ставка налога в злотых	Поветы
I	10	Жемайтля, Ушитский, Вилкомирский
II	9	Ковенский
III	8	Браславский
IV	7	Брестский
V	6	Виленский, Троцкий, Ошмянский, Лидский, Оршанский, Гродненский, Минский, Волковыский, Новогрудский, Слонимский
VI	5	Полоцкий, Речицкий и части разных поватов, «лежащие в отдаленности от городов, в которые продукты вывозят на продажу»
VII	4	Мозырский и заболоченная часть Пинского (более возвышенная и плодородная часть Пинского — по 5 зл.)

Источник: «Volumina Legum», t. VIII, s. 397.

Анализ бюджетов позволяет определить и соотношение внутренних и внешних рыночных связей магнатского поместья по их объему в денежном выражении. Оно составляло округленно 2 : 3 (см. табл. 1).

Поэтому нельзя согласиться с мнением В. И. Пичеты, явно недооценивавшим связи белорусского поместья второй половины XVIII в. с внутренним рынком¹³.

Не менее отчетливо проявлялся уровень товарности магнатского поместья в его расходах. Рассмотрим бюджет одного из развитых хозяйств — Высокого Литовского за 1797 г. Валовой денежный приход этого имения составил в указанном году 55 тыс. зл. Из названной суммы перечислено администрацией в кассу собственника, Франциска Сапеги, 26 тыс. зл. чистого дохода. Израсходовано 29 тыс. зл. В том числе на денежную заработную плату администрации, слугам, наемным работникам в сельском хозяйстве фольварков и на предприятиях, кормчим и матросам речной флотилии выдано 13 тыс. зл. (44,8% всех денежных расходов). Было закуплено сырье и оборудования для промышленных заведений и упомянутой флотилии на 11 тыс. зл. (37,9%). Коммерческие издержки составили 3 тыс. зл. (10,3%). На текущие внутривладельческие потребности ушло 2 тыс. зл. (7,0%)¹⁴. Такое поместье уже не может рассматриваться как хозяйство с воспроизводством на натуральной основе

Если теперь обратиться к законодательным материалам сеймов Речи Посполитой, то станет очевидным, что уровень товарности был признанным критерием для определения доходности сельского хозяйства во второй половине XVIII в. Закон о налогах в Великом княжестве Литовском, принятый в 1775 г., установил различные тарифы подъемного по отдельным поветам. Для Белоруссии налоговая шкала составляла от 4 до 8 зл. с дыма. Для каждого повета была определена одна основная налоговая ставка, однако, для местностей, как дословно гласил закон, «лежащих в отдалении от городов, куда продукты вывозят на продажу», она была уменьшена во всех поветах до 5 зл. В то же время распространение товарных технических культур служило основанием для повышения ставки¹⁵.

¹³ В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940, стр. 59—61.

¹⁴ РОБВУ, ф. 4А, д. 2010, л. 8—9. Подсчеты автора.

¹⁵ «Volumina Legum», t. VIII. Petersburg, 1860, s. 397.

Т а б л и ц а 4

Цена земельных владений Белоруссии к 1790 г.
(в среднем за один дым)

Повет	Цена в злотых	Повет	Цена в злотых
Лидский	2475	Новогрудский	1859
Гродненский	2408	Оршанский	1785
Брестский	2320	Минский	1784
Браславский	2071	Слонимский	1509
Ошмянский	2067	Речицкий	1348
Волковыский	1989	Пинский	1294
Полоцкий	1950	Мозырский	1173

Данные из книги: Т. Козлон, *Ibid.*, s. 250, tabl. 185.

О тарифе подымного в отдельных поветах дает представление табл. 3. Наиболее высокой подать была в Браславском и Брестском поветах (8 зл. и 7 зл. с дыма). В средней полосе она составляла 6 зл.; а в северо-восточных районах была самой низкой (4—5 зл. с дыма). Несомненно, наихудший по природным условиям Браславский повет оказался на первом месте не из-за плодородности почвы, а в связи с льбоводством и близостью к Риге. Брестский повет уже ранее отмечался как ведущий по товарности поместья. Снижение ставок к северо- и юго-востоку свидетельствует о более слабом экономическом развитии этих районов.

Оценки, данные в законе о подымном налоге, совпадают с расчетами продажной цены земли, произведенными «Депутацией коэквации» Четырехлетнего сейма также для налоговых целей (1790 г.). Эти расчеты составлялись на основании актов купли-продажи помещичьих имений, отложившихся в нотариальных книгах судов¹⁶. Как видно из табл. 4, самой высокой (свыше 2 тыс. зл. за дым) была цена имений в Лидском, Гродненском, Брестском, Браславском и Ошмянском поветах), примыкающих к крупным рынкам сбыта (Вильно, Гродно) и более близким к балтийским портам. Ни один из этих поветов не выделялся плодородием. Самыми дешевыми были имения на юге и юго-востоке, в Речицком, Минском и Мозырском поветах. Отсюда, следует, что цена поместья при купле-продаже определялась современниками по его товарности, которая была большей на западе Белоруссии.

Таким образом, результаты, полученные при изучении экономических документов магнатских латифундий, подтверждаются законодательными материалами, относящимися ко всем поместьям рассматриваемой территории.

Магнатское поместье западной и центральной Белоруссии оставалось во второй половине XVIII в. крепостническим. Но оно не только производило хлеб на продажу, что В. И. Ленин, как известно, считал «уже предвестником распада старого режима»¹⁷. По уровню товарности, а отчасти и по характеру воспроизводства оно представляло собой одно из явлений разложения феодальных производственных отношений.

В. И. Ленин, характеризуя помещичье хозяйство белорусских губерний, отметил, что в Гродненской, Виленской и Минской (запад и центр) преобладала капиталистическая система, а в Могилевской и Витебской

¹⁶ Т. Козлон. *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794)*, т. III, Kraków—Warszawa. 1897, s. 250, tabl. 185.

¹⁷ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 3, стр. 184.

Т а б л и ц а 5

Территориальное распространение барщины в Белоруссии

Повет	Дымы		
	крестьян- ские	тяглые	
		количество	%
Брестский	34019	31535	93
Волковыский	8125	7354	90
Пинский	17506	15369	88
Слонимский	10861	8959	82
Гродненский	25400	20243	80
Полоцкий	14947	11058	74
Новогрудский	38459	27919	73
Лидский	10797	7434	69
Мозырский	7828	5298	68
Ошмянский	33202	21258	64
Минский	26734	14450	54
Браславский	9370	4586	49
Речицкий	8511	3685	43
Оршанский и Ви- тебский (125 ды- мов)	11922	5149	43
Всего	257 681	184 297	72

Источник: ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4067, л. 1—24. Подсчет автора.

(восток) — смешанная система¹⁸. Несомненно, что было связано со значительным развитием товарности помещного хозяйства западно-центральной зоны Белоруссии еще в конце XVIII в.

Из всего сказанного выше явствует, что эволюция магнатского поместья западной и центральной Белоруссии характеризовалась во второй половине XVIII в. тремя основными процессами: расширением господских посевных площадей, интенсификацией всего хозяйства (включая предпринимательство) и ростом его товарности. Такая значительная активизация хозяйственной деятельности магнатов резко увеличила потребность в рабочей силе. Магнаты попытались ее удовлетворить, в первую очередь, путем внеэкономического принуждения.

Существенный интерес представляет территориальное распространение барщинного труда. На основании тарифа подымного налога 1790 г., охватывающего все крестьянство на изучаемой территории, нами определен удельный вес тяглых дымов по отдельным поветам Белоруссии (табл. 5). Наиболее высокий процент тяглых оказался на юго-западе Белоруссии, где, как уже отмечалось, больше всего было развито товарное фольварочное хозяйство в магнатских поместьях. Этот процент снижался в местностях, расположенных северо-восточнее. Таким образом, на примере Белоруссии видна прямая зависимость роста фольварочно-барщинного хозяйства от развития товарно-денежных отношений.

Сопоставим динамику посевов хлебов на господской пашне и изменения численности тяглых дымов в тех же владениях (табл. 6). Как видно из процентных показателей таблицы, включающей 20 латифундий (63 имения), посевы на протяжении XVIII в. росли значительно быстрее, чем

¹⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 188.

Таблица 6

Фольварочные посеы и численность тяглых дымов

Год	Владение	Повет	Количество имений	Фольварочные посеы		Тяглые дымы	
				бочки виленские	%	количество	%
1749	Чернавчицы	Брестский	5	350	100	292	100
1791	»	»	9	914	261	780	267
1701	Зельва	Волковыский	1	33	100	120	100
1785	»	»	1	146	442	135	113
1687	Ружаны	Слоимский	3	80	100	308	100
1762	»	»	4	207	259	304	99
1711	Деречин (Александрия)	»	1	48	100	89	100
1788	»	»	1	122	254	128	135
1753	Селец	Лидский	1	31	100	55	100
1790	»	»	3	165	545	259	471
1763	Докудово	»	1	47	100	113	100
1780	»	»	1	65	138	131	116
1746	Напбокн	Ошмянский	1	44	100	102	100
1782	»	»	1	78	177	78	76
1783	Залесье	»	4	144	100	117	100
1796	»	»	4	196	136	120	103
1755	Сморгошь	»	3	65	100	56	100
1788	»	»	3	85	131	59	105
1752	Глубокое	»	3	56	100	95	100
1783	»	»	3	116	207	71	75
1684	Заславль	Мнцский	4	104	100	289	100
1760	»	»	4	121	116	209	72
1767	Ивань	Новогрудский	3	178	100	231	100
1786	»	»	3	171	96	206	89
1727	Дороги	»	1	23	100	77	100
1781	»	»	2	70	304	139	181
1748	Погост	»	1	151	100	419	100
1786	»	»	1	295	195	254	61
1732	Клецк	»	7	473	100	463	100
1790	»	»	8	709	150	640	138
1742	Несвиж	»	3	188	100	260	100
1793	»	»	4	157	84	177	68
1757	Кореличи	»	2	113	100	389	100
1771	»	»	2	226	200	312	80
1735	Ляхва	»	2	120	100	306	100
1782	»	»	3	154	128	381	125
1753	Давид-Городок	Пинский	2	84	100	117	100
1798	»	»	3	91	108	156	133
1764	Манкевичи	»	3	137	100	180	100
1776	»	»	3	195	142	170	94

Источники: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1300, 1708, 1716, 1742, 2087, 2248, 3606, 4481, 4532, 4533, 4652, 4665, 4710, 4713, 5006, 5704, 6089, 6419, 6423, 6680, 6683, 8096, 9102, 9259, 9371, 9390, 10879; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 183, 221, 351; ЦГИА ЛатССР, ф. ДА, д. 60, л. 432, ф. 459, оп. 1, д. 240, 243; ф. 525, оп. 8, д. 1189, 1201; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, 2072; РОБВУ, ф. 4А, д. 1081, 1100, 1409, 1567, 1586, 1828; Главный архив древних актов ИНР в Варшаве, ф. Радзивиллов (AGAD, AR XXV), 773-2, 774-2, 821, 823, 1046, 1049, 1436, 1443, 1812, 2172, 2173/1, 3704/1, 3708; инвентари имений за соответствующие годы.

количество тяглых дымов. Если сопоставить данные за исходные и конечные даты, окажется, что господские посеы возросли на 73%, а численность тяглых дымов только на 15%. Совершенно очевидно, что при таком соотношении имеющаяся в поместье тяглая рабочая сила при неизменной норме эксплуатации не могла бы обеспечить даже экстенсивный рост фольварочного земледелия, не говоря уже о других отраслях магнатского хозяйства. Поэтому магнаты увеличивали размер повинностей. Инвентарная

норма еженедельной барщины в тяглом хозяйстве возросла на протяжении второй половины XVIII в. на 11%¹⁹. Кроме того, магнаты зачастую повышали барщину окольным путем, обманывая крестьян при обмере земли, с которой она исчислялась, облагая частично барщиной оброчные земли, привлекая к ней «крестьян-слуг», выполнявших ранее иные обязанности, увеличивая отработочные повинности жителей местечек, широко используя дополнительные повинности крестьян («гвалты», «подводы» и др.)²⁰. Они усиливали контроль за выполнением барщинных работ, вводили урочные задания. Но это не устраняло крестьянского «нерадения».

Применяя описанные меры, магнаты сумели мобилизовать значительные трудовые ресурсы в своих поместьях. И все же они не смогли одним принуждением полностью разрешить проблему рабочей силы. Жалобы на ее недостаток фигурируют в многочисленных донесениях администраторов. Нехватка рабочей силы обуславливалась рядом обстоятельств. Магнаты должны были оставлять барщинному крестьянину время, достаточное для обработки своего надела. Крестьяне активно сопротивлялись нарастанию феодального гнета, отстаивали узаконенные обычаем инвентарные нормы барщины. В условиях слабой государственной власти Речи Посполитой, плохо организованного судебно-полицейского аппарата довольно эффективным средством классовой борьбы крестьян было бегство²¹. Интенсификация поместья (новые агротехнические приемы, развитие животноводства, промышленного предпринимательства) требовала работников, более заинтересованных в результатах труда, чем крепостные, и обладающих определенными навыками. Поэтому во второй половине XVIII в. магнаты вынуждены были переходить к применению, наряду с барщиной, найма, притом в возрастающем объеме.

Использованию в магнатском хозяйстве наемной рабочей силы способствовало наличие значительной прослойки крестьянства, не обладавшей средствами производства и непригодной для феодальной эксплуатации. Это были огородники и халупники, не имевшие полноценного земельного надела, коморники и кутники, проживавшие по углам в чужих избах²². Многие средние крестьянские хозяйства также не могли прокормить всех членов семьи, в связи с чем один или более членов таких семей вынуждены были работать по найму²³. Растущий феодальный гнет разорял часть крестьян и увеличивал резерв найма.

Как известно, наем в эпоху феодализма обычно делал на принудительный и свободный, в зависимости от того, является ли наемный работник крепостным данного феодала или нет. В западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. не было ни одного магнатского поместья, в котором бы не применялся в хозяйстве свободный наем шляхтичей, мещан, вольных людей, чужих подданных или иностранцев²⁴. Но все же значительно больше среди наемных работников было крепостных своего нанимателя-магната.

¹⁹ Более подробно о повинностях и положении крестьян см. П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв., стр. 77—160.

²⁰ AGAD, AR, XXV, s. 773/2, k. 34; s. 774/2, k. 9; s. 2569, k. 14; s. 3707, k. 2—3.

²¹ П. Г. Козловский. Классовая борьба крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г.». Таллин, 1971, стр. 258—267.

²² Огородники и халупники в 1790 г. составляли 7% всех крестьян на рассматриваемой территории. См. ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4067, л. 1—24. Подсчет автора. Коморники и кутники учитывались в отдельных инвентарях.

²³ На юго-западе Белоруссии от 15 до 25% хозяйств. См. П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии, стр. 157.

²⁴ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6678, л. 9; оп. 3, д. 53, л. 44; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3516, л. 22—23; д. 3998, л. 1—2,5; РОБВУ, ф. 4А, д. 1162, л. 25; д. 1514, л. 50.

Принципиальное различие между наймом свободным и принудительным послужило для некоторых историков основанием отвергать всякое прогрессивное значение последнего. Высказывая эту точку зрения, З. К. Янель подчеркивает несправедливость крепостного, который «вместе со своей способностью к труду раз и навсегда принадлежит крепостнику», а поэтому и наем «не опосредуется рынком»²⁵. Второе утверждение представляется нам спорным. Магнаты Белоруссии, как и другие феодалы, предоставляли своим крепостным определенную степень экономической самостоятельности, и, в частности, сами покупали у них продукты их хозяйства и промыслов по складывавшимся на рынке ценам²⁶.

В магнатском поместье далеко не всегда применялось принуждение при найме крепостных на работу. Магнаты делали попытки заменить дисциплину палки дисциплиной голода. Так, например, в Ружанском графстве предлагали крестьянам «у кого имеется желание» трудиться на земляных работах, заключив письменный договор с мастером (1790 г.). Такой договор связывал не только крепостного, но и администрацию. В Радзивиллонтах (Клецк) в 1791 г. работали по письменным договорам 110 человек, в большинстве крепостных²⁷. Содержание этих договоров («контрактов») было в принципе одинаковым у крепостных и свободных. Самое важное, что работа по контракту, в отличие от барщины, ограничивалась определенным сроком. Постоянных работников — «челядь» нанимали не по контракту, а по устному соглашению, так как круг их обязанностей и вознаграждение предусматривались в инвентарях и уставах поместий. Но и этот наем также не был бессрочным. По обычаю челядь нанималась на «русское» Рождество Христово, причем наем этот был добровольным²⁸. Случаи принуждения рассматривались как нарушение обычая и вызывали протесты и жалобы²⁹.

Несправедливость крестьянина не препятствовала признанию юридической силы контрактов и даже устных соглашений о найме, заключенных им с администрацией. Иногда при судебном разбирательстве от имени крестьянина истцом выступал магнат-вотчинник, а ответчиком — посессор или администратор³⁰.

Магнаты вознаграждали за труд в трех формах: землей, освобождая от барщины тяглые наделы семей наемных работников, натурой, выдавая им одежду и продукты питания, а также, предоставляя жилье в фольварке, и наличными деньгами. Во второй половине XVIII в. вознаграждение землей, ранее весьма распространенное, теряло свое значение. Во всех поместьях устанавливалась шкала вознаграждения. Наиболее четко она была составлена во владении А. Тизенгауза Поставы³¹. К концу столетия денежную плату постоянным наемным работникам в ряде латифундий повысили, а предоставлявшиеся им ранее льготы или освобождение их хозяйств от барщины отменили. Доля натуральных выдач в заработной плате сократилась. Вместо мяса и сала, а иногда и одежды, стали выдавать денежный эквивалент. Наемные работники получали расчетные книжки, в которые записывалась выданная им плата³².

²⁵ З. К. Янель. О природе так называемого принудительного найма. «История СССР», № 4, 1965, стр. 81.

²⁶ П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии..., стр. 128.

²⁷ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 198—219; РОБВУ, ф. 4А, д. 1514, л. 50.

²⁸ РОБВУ, ф. 4А, д. 1514, л. 28.

²⁹ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, л. 55, 74, 88.

³⁰ Там же, д. 3388, л. 1—12.

³¹ ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 21—23, 44, 57, 67, 74, 87, 111, 123.

³² ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 17—18, 58; оп. 3, д. 53, л. 211, 219, 275, 323; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3998, л. 1—2.

А. М. Карпачев установил наличие дифференцированной платы и системе сдельной оплаты труда на вотчинных мануфактурах³³. Таким же образом часто производилась оплата труда на мелких магнатских предприятиях, в строительстве и сельском хозяйстве. Камешники, плотники, мельники, экономки и пастухи получали различную плату, в зависимости от квалификации и объема работ. Широко применялась сдельная оплата. Ткачи получали от постова ткани, камешники — от площади участка стены, землекопы — от единицы длины (прента) выкопанного рва и т. п.³⁴

В организации наемного труда, его использовании в магнатском хозяйстве, в системе оплаты, оформлении расчетов не было существенной разницы между наймом лично свободных людей и крепостных нанимателя. В литературе отмечаются некоторые различия в размерах денежной платы³⁵. За подвозку кирпича в Зельве Ф. Сапеги платили в 1793 г. мещанам С. Кузиловичу и Я. Айзиковичу по 2 зл. 10 гр., а 54 крепостным — по 2 зл.³⁶

Наем, оплачиваемый таким образом, должен был, в основном, обеспечивать и воспроизводство рабочей силы. При таких данных трудно усматривать в принудительном найме крепостных магнатских вотчин конца XVIII в. лишь разновидность барщины, а тем более подобие рабства.

Не всегда, но очень часто отношения магната с крепостными, работавшими у него по найму, напоминали крестьянину аренду в имениях И. Хрептовича, которую его сын удачно назвал отношением «как бы» со «свободными людьми»³⁷.

Попробуем теперь определить объем найма в целом во всех его формах в магнатском поместье. Задача эта чрезвычайно усложнена неполнотой учета наемных работников в документах. При подсчетах работников (табл. 7) учитывались только лица, круглый год работавшие по найму в сельскохозяйственном производстве, так называемая «челядь». Ни сезонные работники, ни администрация фольварков, ни слуги в списки не включались. Особо выделены работники, занятые в полеводстве: гуменные, паробки, броноволоки. Их было меньше, чем в животноводстве, но все же они составляли $\frac{1}{3}$ всех работников. В среднем на одно имение приходилось 6 постоянных сельскохозяйственных наемных работников, а на 100 крестьянских дымов — 5. На первый взгляд это немного, но следует учесть, что каждый отработывал не менее 300 дней в году. Поэтому, чтобы правильно определить удельный вес постоянной наемной рабочей силы в сельском хозяйстве фольварков, автором подсчитано по 99 имениям, сколько дней отработывали в них в течение года тяглые крестьяне, отбывавшие еженедельную барщину, и сколько — наемные работники (табл. 8). Ни сезонный наем, ни дополнительные отработочные повинности не учитывались. Последние, впрочем, использовались главным образом на предприятиях и в строительстве. Оказалось, что из 1 400 672 дней, отработанных в фольварках, на наемных пришлось 187 200 или 13%. Это уже довольно внушительная цифра.

Четко обрисовываются экономико-географические зоны. На юго-западе и западе удельный вес найма в сельском хозяйстве магнатов составлял в среднем 17,2%, а численность наемных работников на 100 дымов — 10,3 чел. В центре Белоруссии эти показатели ниже, а на востоке они еще

³³ А. М. Карпачев. О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры, стр. 110—114; его же. Мануфактура с принудительным трудом, стр. 64—67.

³⁴ РОБВУ, ф. 4А, д. 1162, л. 22.

³⁵ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVIII в., стр. 175.

³⁶ РОБВУ, ф. 4А, д. 1162, л. 22.

³⁷ «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II. Минск, 1960, стр. 263.

Таблица 7

Постоянные наемные работники в сельском хозяйстве магнатских владений Белоруссии

Год	Владение	Повет	Кол-во имений	Кол-во сельских дымов	Постоянные наемные работники		В среднем работников	
					всего в сельском хозяйстве	в том числе в полевом хозяйстве	на одно имение	на 100 дымов
1794	Высокое	Брестский	7	529	100	49	14	19
1757	Тростяница *	»	2	80	6	2	3	8
1793	Чернавчицы	»	9	950	61	17	7	6
1783	Бытедь	Слонимский	3	339	19	3	6	6
1795	Ружаны *	»	3	246	26	12	9	11
1772—1794	Деречин *	»	6	481	57	32	10	12
1785	Черлена	Гродненский	1	49	5	1	5	10
1761	Негевичи	Новогрудский	6	1318	26	6	4	2
	Налибокн	Ошмянский						
	Делятичи	Минский						
1796	Деревно	Минский } Ошмянский }	12	750	73	12	6	10
	Молодечно							
	Ганута							
	Залесье							
1783	Поставы	Ошмянский	11	682	61	9	6	9
1775	Дрисвяты	Браславский	1	666	2	1	2	0,3
1796	Друя *	»	2	437	8	2	4	2
1778	Чересс	»	2	278	4	2	2	1,4
1763—1791	Клецк *	Новогрудский	5	808	40	12	8	5
1758	Несвиж	»	6	848	36	8	6	4
1778	Тимповичи	»	12	1929	60	12	5	3
1763	Иваць	»	4	636	17	12	4	3
1774	Уречье	»	1	239	3	1	3	1,2
1782	Лахва	»	3	385	13	3	4	3
1794	Давид-Городок	Пинский	3	478	7	2	2	1,4
1791	Мапкевичи	»	3	210	8	2	3	4
1792	Тетерин	Оршанский	2	1024	8	4	4	0,7
Всего			104	13362	640	204	6	5

Источники: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, 4713, 5898, 6088, 6673, 8066, 8438, 9014, 9259, 9378, 10816; оп. 3, д. 17; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 236, 347, 351, 387; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3888, 4010, 11529; ф. 525, оп. 8, д. 1225; ф. 1177, оп. 1, д. 3577; ф. 1274; оп. 1, д. 36; РОБВУ, ф. 4А, д. 1276, 1883, 1912; AGAD, AR, XXV, s. 904, s. 2675/2; инвентари имений за соответствующие годы.

* Обозначены латифундии, по которым часть имений не включена в таблицу (в связи со сдачей их в залог или аренду, либо отсутствием сведений).

снижаются до 7,4% рабочего баланса и 2,2 человека на 100 дымов. По такому же географическому принципу распределяются показатели удельного веса тяглых крестьян и уровень товарности поместья (см. табл. 1—5). Отсюда следует, что наем в поместном хозяйстве Белоруссии не представлял собой альтернативу барщины, а сопутствовал ей. Обе эти формы мобилизации трудовых ресурсов существовали вместе, и в большей степени там, где были более развиты товарно-денежные отношения и сельскохозяйственное фольварочное производство.

На юго-западе обнаруживается также наибольшее число постоянных наемных работников в полеводстве (Деречин — более половины всех постоянных наемных сельскохозяйственных работников, Высокое — 49% и т. п.). В основном это паробки, работавшие с господским инвентарем на

Таблица 8

Удельный вес постоянного найма в сельском хозяйстве магнатских поместий

Год	Владение	Количество имений	Тяглые думы	Постоянные наемные сельскохозяйственные работники	В год отработано дней в сельском хозяйстве			Удельный вес наемного труда
					тяглыми на еженедельной барщине	постоянными наемными работниками	всего	
1794	Высокое	7	521	100	81276	30 000	111 276	27
1793	Чернавчицы	9	780	61	110552	18 300	128 852	14
1783	Бытень	3	294	19	45864	5 700	51 564	11
1795	Ружаны	3	246	26	38376	7 800	46 176	17
1772—1794	Деречин	6	372	57	58032	17 100	75 132	23
1785	Черлена	1	44	5	12584	1 500	14 084	11
1761	Негневичи	6	817	26	127452	7 800	135 252	6
	Налибоки							
	Делятичи							
	Деревно							
1796	Молодечно	12	395	73	82160	21 900	104 060	21
	Ганута							
	Залесье							
1783	Поставы	11	638	61	132704	18 300	151 004	12
1796	Друя	2	159	8	24804	2 400	27 204	9
1778	Чересс	2	236	4	28184	1 200	29 384	4
1763—1791	Клецк	5	644	40	100464	12 000	112 464	11
1758	Несвиж	6	400	36	57720	10 800	68 520	16
1778	Тимковичи	12	1254	60	130416	18 000	148 416	12
1763	Ивань	4	509	17	52936	5 100	58 036	9
1774	Уречье	1	135	3	12480	900	13 380	7
1782	Лахва	3	381	13	59436	3 900	63 366	6
1792	Давид-Городок	3	215	7	33540	2 100	35 640	6
1791	Мацкевичи	3	170	8	24492	2 400	26 892	9
Всего		99	8210	624	1 213 472	187 200	1 400 672	13

Источники: см. табл. 7.

фольварочном поле, непосредственные предшественники батраков капиталистического земледелия. И все же в этом районе не хватало постоянной рабочей силы для полевых работ. В Чернавчицах, Каменке, Деречине дополнительно нанимали сезонных работников на жатву и молотьбу³⁸.

Животноводство почти полностью обеспечивалось постоянными наемными работниками. Магнаты предпочитали расходовать деньги на их наем, нежели использовать на скотном дворе барщинный труд, необходимый в полеводстве³⁹. С развитием животноводства появился новый наемный персонал: так называемые «голландцы», для ухода за породистым молочным скотом и овчары для ухода за мериносами⁴⁰.

Широко применялся наем на предприятиях и в строительстве, на таких простейших операциях, как перенос тяжестей, подноски строительных материалов, очистка стройплощадки, рубка дров⁴¹. Случалось, что магнаты

³⁸ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 9384, л. 48; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3529, л. 23—25; РОБВУ, ф. 4А, д. 1341, л. 14.

³⁹ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, л. 44, 276; ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 29.

⁴⁰ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, л. 10816, л. 1, 2, 3.

⁴¹ РОБВУ, ф. 4А, д. 1162, л. 27, 40, 41.

совсем запрещали своим администраторам использовать на строительстве барщинный труд, чтобы сохранить его целиком для полеводства (А. Радзивилл)⁴².

В Радзивилмонтах (Клецк) в 1789—1790 гг. количество наемных работников на строительстве колебалось в разные месяцы от 100 до 200 чел. Меньше их было в Давид-Городке. В 1786 г. там работало около 30 чел. У А. Радзивилла в Манкевичах в постоянном штате на винокурнях и строительстве, по контрактам на осушке болот, а также паробков, валивших лес за денежную плату, и трелевщиков, которым платили солью, насчитывалось от 100 до 150 человек⁴³. Сотни наемных работников фигурируют в документах по Деречинскому графству Сапег. А на их двух мануфактурах в Ружанах (суконной и полотняной) трудилось по найму 54 человека⁴⁴. Если сопоставить количество барщинных дней с количеством дней, отработанных наемными людьми во всех отраслях хозяйства, то удельный вес найма окажется довольно внушительным. Так, например, в Клецке всего отработано 215 520 дней, в том числе наемными 72 000 или 33,4%.

В некоторых латифундиях Ф. Сапег и М. Огинского плата наемным работникам составляла половину всех денежных расходов. На протяжении второй половины XVIII в. численность лиц, работавших по найму в магнатском хозяйстве, возрастала⁴⁵. Тем не менее барщинный труд все еще преобладал. Развитие магнатского поместья во второй половине XVIII в. вело к усилению эксплуатации крестьянства, разорению его значительной части. Усиливались противоречия между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями.

Для аграрно-промышленного товарного поместья, использующего, помимо барщины, и наемную рабочую силу, становились уже непригодными прежние чисто феодальные формы организации. Магнаты начали вводить в своих латифундиях новые формы управления, свойственные буржуазному хозяйству. Происходившие изменения выражались в частичной замене сдачи земли в аренду «экономическим» управлением, в развитии аппарата платной наемной администрации, подчинении его центральному руководству, установлении постоянного оперативного контроля, введении точного бухгалтерского учета с пересчетом всех ценностей на деньги, появлении элементов хозяйственного расчета и планирования.

В отличие от более раннего периода, когда денежные и натуральные ценности всегда учитывались раздельно, в последние десятилетия XVIII в. натуральные вложения в хозяйство магнатских поместий стали зачастую определяться в денежном выражении. В деньгах оценивались израсходованное сырье, продукты питания для работников, занятых в производстве, служащих и потребляемые двором магната, а также бесплатная барщинная рабочая сила⁴⁶. В акте ревизии графства Друя чистый доход от винокурения исчислен с учетом амортизации оборудования и рыночных цен сырья, хотя это производство было рассчитано на переработку зерна, произведенного в фольварках того же владения (1793 г.)⁴⁷. Все чаще стали высту-

⁴² ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, л. 119.

⁴³ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 333—334; д. 6673, л. 1—20, 106—107; оп. 3, д. 53, л. 44—329.

⁴⁴ РОБВУ, ф. 4А, д. 1341, л. 23, 33, 42, 48, 52, 53, 57, 62; д. 1162, л. 8—41; д. 1466, л. 22.

⁴⁵ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9384; л. 198—201; д. 9378; л. 1—7; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2123, л. 11; д. 2072, л. 7, 24; ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 28—30; РОБВУ, ф. 4А, д. 1282, л. 6.

⁴⁶ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 3463, л. 1—30; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 21—22; ф. 1177, оп. 1, д. 2072, л. 5; д. 2085, л. 3, 4.

⁴⁷ РОБВУ, ф. 4А, д. 1275, л. 46.

пять элементы хозяйственного планирования. Мы их находим в инструкциях магнатов, их письмах и распоряжениях, люстрациях имений⁴⁸.

Для 90-х годов XVIII в. характерны оценки доходности магнатских имений, основанные на денежном учете, включающем натуральные поступления и расходы (Бытень, Каменка, 1783 г.)⁴⁹. На рубеже XVIII и XIX вв. практиковалась и общая оценка магнатских владений путем капитализации из 5%⁵⁰. Заслуживает внимания и частое сопоставление в экономических выкладках магнатов долговых процентов, выплачиваемых залогодержателями, и дохода имений⁵¹. Можно сделать вывод, что в представлении самих магнатов и их администрации к концу XVIII в. земельное владение уже потеряло в значительной мере свою самодовлеющую ценность, свойственную понятиям эпохи феодализма. Оно превращалось в ценность товарную, источник денежного дохода, который начинает ими приравниваться к свободно обращающемуся денежному капиталу. В уровне развития магнатских поместий имелись заметные различия, позволяющие выделить четыре типа. Как известно, И. Хрептович, убежденный физиократ, полностью отменил барщину в своих имениях и целиком базировал хозяйство на наемном труде, хотя и не лишенном элемента принуждения. Рассматривая эти реформы, Д. Л. Похилевич отметил, что в них «вырисовываются контуры грядущего „прусского пути“ развития капитализма в сельском хозяйстве»⁵². Можно считать хозяйство И. Хрептовича первым типом магнатского поместья.

Ко второму типу поместий, количественно преобладавшему в Белоруссии, относились вотчинные владения А. Тизенгауза (Поставы, Бытень, Каменка), а также латифундии К. Радзивилла (несвиж, Уречье, Лахва и др.) и ряда других магнатов. В них наемный труд применялся наряду с барщиной, наиболее широко — на предприятиях, значительно меньше — в сельском хозяйстве. При этом постоянных наемных работников в полеводстве было еще мало. Иначе выглядели многие поместья Сапег, Огинских. Наемный труд и здесь сочетался с барщинным, но он получил значительное распространение и в сельском хозяйстве. Удельный вес постоянного наемного труда в сельском хозяйстве достигал до 25% трудового баланса, а постоянный наем в полеводстве превратился в устойчивый фактор. Имеются все основания рассматривать такие поместья (Высокое, Деречин, Ружаны, Молодечно) как третий тип магнатского хозяйства. Наконец, можно говорить и о четвертом типе поместий, для которых характерно незначительное количество наемных работников и полное их отсутствие в полеводстве. Это объясняется иногда попыткой решить проблему рабочей силы за счет барщины (в Черессе С. Радзивилла, 1778 г.), но чаще обусловлено слабым развитием всего господского хозяйства (Тетерин, Дрисвяты).

Можно сделать вывод, что к концу XVIII в. магнатское поместье Белоруссии, оставаясь феодальным, уже содержало в себе ряд новых элементов, свойственных буржуазному хозяйству, которые возникли в процессе разложения феодальных отношений. До тех пор, пока сохранялось крепостничество, эти элементы использовались магнатами для укрепления своего классового господства и продления существования феодального поместья.

⁴⁸ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, л. 334, л. 2—8, оп. 3, д. 27а, л. 20; д. 70, л. 26, 32, 68; РОБВУ, ф. 4А, д. 1410, л. 1—19.

⁴⁹ ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3991, л. 11; д. 4010, л. 9—10.

⁵⁰ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 523, д. 4—7, 32, 35, 111; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 2, д. 1644, л. 2—6, ф. 1274, оп. 1, д. 330, л. 1—8.

⁵¹ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10842, л. 1; д. 10889, л. 1—18; оп. 7, д. 523, л. 7, 15.

⁵² Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 134—137.

Е. ЛЬВОВА

МОСКОВСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УЧИЛИЩЕ И БОЛГАРСКИЕ ХУДОЖНИКИ В 50—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

В период 50—70-х годов укрепляются контакты болгарской художественной культуры с искусством других стран. В России учится целая группа болгарских художников, творчество которых еще не изучено в полном объеме. Это первые художники-профессионалы С. Доспевский, Х. Цокев, П. Тодоров, А. Петров и др.

Явления, происходившие в XVIII — начале XIX в. в русской живописи, и те сдвиги, которыми отмечено развитие болгарского искусства в 50—70-х годах XIX в., имеют много общего. Слова Белинского: «на Руси все растет не по годам, а по часам, и пять лет для нее — почти век», относящиеся к русской культуре, с полным правом можно отнести к динамичным процессам, захватившим болгарское искусство, всю культуру болгарского народа в эпоху национального Возрождения. То, что сдерживалось, сковывалось веками, наконец, нашло выход, упущенное наверстывалось, стремление скорее встать вровень с европейской культурой давало о себе знать с особой силой.

Уже сложившаяся к середине XIX в. русская национальная традиция в искусстве со всеми своими отличительными чертами и качествами, во всей своей совокупности, привлекала болгарских деятелей культуры, художников и писателей. И русское и болгарское искусство обновлялось в процессе освоения традиций культуры других стран, не теряя своего национального лица.

В произведениях болгарских художников изучаемого периода можно отметить черты сентиментализма и романтизма; фантастика, фольклорность, сказочность переплетаются с тенденциями сатирическими, критическими. Но все эти направления не существовали в Болгарии в чистом виде, тем более что формирование реалистического искусства осознавалось в то время как главная задача, успешному выполнению которой могли опять-таки способствовать контакты с русской культурой.

Художественная жизнь Москвы и Петербурга, общение с русскими художниками и педагогами, знакомство с традициями нашей культуры сыграли важную роль в формировании молодых болгарских художников. Особенно значительное влияние оказало на них Московское училище живописи и ваяния. Болгарские художники попадали в самый центр его сложной, пестрой, насыщенной событиями жизни. В 50-е и особенно в 70-е годы Московское училище было гораздо демократичнее по своему облику, чем Академия художеств, хотя преподавателями в Академии были недавние его ученики. Этой демократичности атмосферы училища, разумеется, способствовали общие новые веяния в русской культуре. Стены классов

училища не отделяли его воспитанников от окружающей московской жизни — это сказалось и на порядках, существовавших в училище, и на тематике работ учащихся, на выборе сюжетов их произведений и их трактовке; постоянные связи возникали у учащихся и преподавателей с публикой, со зрителем.

В стенах Московского училища устраивались систематические выставки работ учеников, преподавателей и приглашенных художников. В отчете Московского художественного общества за 1849—1850 гг. говорится: «Училище наше предлагает свои залы и для всех известных русских и иностранных художников, которые желают знакомить московскую публику со своими произведениями. Москва, конечно, не забыла еще выставки ландшафтов Айвазовского. В нынешнем году нас посетил уроженец Москвы, воспитанник здешнего кадетского курпуса и С. Петербургской Академии художеств г. Федотов, которого Крылов благословил на поприще правописательного русского живописца»¹.

Наряду с живописными произведениями в училище систематически выставлялись гравюры, литографии, а также копии с произведений западных и русских художников. «Выставки с самого начала возникновения их, — говорится в отчете, — посещались охотно людьми всех сословий, а с начала 50-х годов стали постоянным публичным экзаменом»². Это были выставки не для избранных, а для всех, кто любит искусство, отмечает в своих воспоминаниях преподаватель училища Н. Рамазанов. Он подчеркивает, что «влияние картин на простолюдинов», целыми семьями приходивших в училище для ознакомления с картинами начпшающих художников, было очень велико»³.

В этот период на выставках преобладал портрет, выполненный с натуры, затем пейзаж и акварели. В 1850 г. на очередной выставке в училище было показано более 150 произведений: несколько работ преподавателей, работы учащихся, а также картины известных мастеров. В отчете о проведенной выставке говорится следующее: «...эти итоги выставляем мы в отчете..., чтобы показать, что деятельность молодых наших художников привлекает общественное внимание и находит достойных ценителей между любителями искусств: явление приятное и новое в движении нашей общественной жизни»⁴. Сведения о выставке в 1850 г. сообщались в журналах Совета Московского художественного общества⁵. Интересно отметить, что вместе с копиями, выполненными учениками с картин художников эпохи Возрождения, на выставках училища в годы ученичества болгарских художников систематически появлялись картины (и копии с них учеников) Кипренского, Тропинина, Брюллова и др.⁶, — это обстоятельство представляется особенно важным для формирования болгарских портретистов.

¹ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, ед. хр. 11, л. 46—47. Отчет Совета Московского художественного общества. 1849 г.

² Подробную характеристику выставок в училище, историю их возникновения, принципы организации находим в отчетах Московского художественного общества. См. «Выставки натурального и художественного классов и Училища живописи и ваяния Московского художественного общества. 1834—1862», ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 5, ед. хр. 18, л. 3.

³ Н. Рамазанов. Материалы по истории художеств в России. М., 1863, стр. 239.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 5, ед. хр. 18. Отчет Совета Московского художественного общества 1851 г.

⁵ В залах Училища живописи и ваяния была открыта «безденежно для всех сословий» выставка, на которой представлено было на суд публики до 150 произведений (оригинальных и копий).

⁶ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, ед. хр. 13, л. 7, 23 (сведения 1851 г.); л. 40 (сведения 1853 г.); ед. хр. 14, л. 14, 15 (сведения 1852 г.); оп. 1, ед. хр. 111, л. 60 (сведения разных лет).

В училище болгарские художники видели не только работы своих товарищей и учителей, но и картины современных русских художников.

Уже в 50-х годах на выставках проводились художественные лотереи; работы учеников продавались — это было важным экономическим подспорьем для так называемых несостоятельных учеников, а таких в училище было немало. Многие «несостоятельные» художники учились на средства членов Московского художественного общества (среди них был и «Доспевский, Станислав Дмитриевич, турецкий подданный из болгар», поступивший в училище «на средства действительного статского советника Николая Аполлоновича Волкова»⁷.

Сохранились данные, характеризующие социальный состав учащихся, соучеников болгарских живописцев; это дети мещан, крестьян, лакеев, вольноотпущенников, купцов, ремесленников и крепостных. Так, в списках 1852 г. читаем: «крепостной гр. Сенявина», «крепостной гр. Бахметьева», «крепостной княгини Вяземской», «крепостной князя Трубецкого» и т. д.⁸. Наряду с ними встречаются имена лиц духовного звания, священников, посещавших классы. Доспевский учился одновременно с будущими русскими художниками А. Саврасовым, Г. Новаковичем, В. Пукиревым, К. Маковским, А. Лебедевым и др.; все они были выходцами из народа — это во многом определило и их творчество и судьбы русского искусства.

Ежедневные встречи будущих художников происходили не только в классах училища. Н. Рамазанов так вспоминает о частых вечерах-сходках, где учащиеся встречались с литераторами, спорили по вопросам искусства: «Характер этих вечеров был одинаков со сходками почти всех молодых художников тридцатых и начала сороковых годов. Замечательно, что русские художники никогда не занимались так литературой и не сходились так близко с нашими литераторами, как в это время»⁹.

Обучение в училище начиналось в оригинальном классе, где рисовали с указанных оригиналов, затем в гипсово-головном, где рисовали гипсовые слепки с античных голов, затем в гипсово-фигурном и, наконец, в натурном, где рисовали с натурщиков. В числе преподавателей училища, с которыми встретился Доспевский и другие болгарские учащиеся в 50-е

⁷ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, ед. хр. 111, л. 138 об. Имя С. Доспевского в списках учащихся значится под № 135. Станислав Доспевский (1823—1877) — один из выдающихся болгарских художников эпохи национального Возрождения — родился и вырос в г. Самокове, в среде потомственных иконописцев. Его отец был живописец из Самокова Димитр Христов, дядя — Захарий Зограф, дед был одним из основателей Самоковской школы — Хр. Димитров. Настоящее имя Доспевского — Зафир Димитров, изменил он его на Станислава Доспевского уже после приезда в Россию. Первоначальное образование он получил в местном церковнославянском училище, а затем начал помогать отцу, переходя вместе с ним из монастыря в монастырь, из города в город, где он расписывал церкви. Известно и его сотрудничество с Захарием Зографом — в период 1838—1843 гг. вместе с отцом и дядей Доспевский работал над росписями в Рильском монастыре. Однако выделить работу, выполненную там молодым художником, трудно, так как над иконами и стенописью он работал одновременно с другими мастерами и не подписывал своей работы. В 1850 г. С. Доспевский приехал в Киев, чтобы поступить в иконописное училище при Киево-Печерской лавре; игуменом в это время там был болгарин Хрисант Дойчинов из Самокова, и он мог помочь своему молодому согражданину. Однако в Киеве Доспевский пробыл недолго и вскоре переехал в Москву.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, ед. хр. 11. Списки учеников училища 1852 г. Состав учащихся оставался стабильным и в последующие годы. В одном из документов училища (1871 г.), в частности, говорится: «Между посещающими училище молодыми людьми большинство принадлежит к самому беднейшему классу — это люди без всяких средств к существованию». ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, ед. хр. 32, л. 70. Об этом же говорят сведения о составе учащихся за эти годы. В делах училища 1872 г. сохранились документы об учениках, находившихся под судом «за участие в заговоре с целью ниспровержения существующего порядка управления в России». ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, ед. хр. 277, л. 132—134.

⁹ Н. Рамазанов. Там же, стр. 3—4.

годы, были художники М. И. Скотти (ученик Варнека, известного портретиста), А. Н. Мокрицкий (ученик А. Венецианова и К. Брюллова), прекрасно владевшие профессиональными навыками; они заставляли своих учеников много работать с натуры. Впоследствии, став известным художником, С. Доспевский тепло вспоминал со своим учителем А. Мокрицком.

Мокрицкий преподавал в училище с 1851 по 1861 г., требовал от художника всецелой преданности искусству, которое он трактовал как служение, высокий долг. В воспоминаниях В. Перова рассказано о том, как Мокрицкий учил молодых художников наблюдательности, умению постоянно изучать человека, особенности его поведения и внешности. Мокрицкий советовал своим ученикам постоянно рисовать с натуры, вести своеобразный дневник увиденного. «Сколько перед вами прошло типов красивых и жалких, счастливых и несчастливых, смеющихся и плачущих», — говорил он ученикам, вернувшимся в стены училища после летних каникул. По мнению Мокрицкого, художник не может быть равнодушным к окружающей жизни, — он обязан «воспроизвести в образах то, что уловил сердцем и разумом»¹⁰. Чтобы быть вполне художником, нужно быть творцом, нужно изучать жизнь, нужно воспитать ум и сердце. Это убеждение Мокрицкого практически лежало в основе системы обучения в Московском училище и отражало новые эстетические нормы русского искусства, обращаясь к жизни, к ее разнообразным проявлениям.

В ноябре 1851 г. после экзаменов у А. Мокрицкого — «переведен в оригинальный класс с голов <...> Доспевский». Одновременно с ним переведены Маковский, Пукирев, Неврев и др., а в декабре «Доспевский <...> переведен за успехи в высшие классы»¹¹. Вскоре Доспевский переводится после экзаменов «с оригинальных голов на оригинальные фигуры».

В отчете Совета Московского художественного общества имя Доспевского (или Доспецкого) фигурирует в списках отличившихся: в 1851 г. «по единогласному присуждению преподавателей училищ, Советом одобреному, назначены похвальные листы за успехи и старания <...> С. Доспевскому». Далее читаем: «В 1852 г. апреля 6 дня в Торжественном собрании Московского Художественного общества происходило следующее: <...> были розданы похвальные листы, назначенные от Совета в поощрение успехов <...> С. Доспевскому»¹². Подобные же награды С. Доспевский получил на Торжественном собрании Московского Художественного общества в 1853 г. Фамилию Доспевского мы находим в списках учащихся у преподавателей П. Десятова и Е. Васильева. Занятия в классах Десятова были особенно популярны в училище. 30 декабря 1851 г. в протоколе Совета сказано следующее: «Художник Десятов донес Совету, что число учеников в оригинальном классе увеличилось до того, что негде их помещать по недостатку мебели»¹³. Ученики Мокрицкого пишут в это время этюды с натуры, начинают писать маслом, выставляют свои работы на годичной выставке. Доспевский изучал пластическую анатомию и, вероятно, рисовал пейзажи с натуры, подобно своим соученикам. Нарисованные им позже городские пейзажи на стенах его дома в Пазарджике позволяют предполагать, что он начал заниматься пейзажем и перспективой именно в Москве. Нет сомнения в том, что болгарский художник занимался копированием картин — этот ряд упражнений тоже был популярен в училище. Доспевский, подобно другим ученикам, знакомился с теми произведениями (оригиналами и копиями), которые регулярно поступали в фонд

¹⁰ Цит. по кн. «В. Перов». М., 1934, стр. 169—170.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, ед. хр. 111, л. 54, об., 56, 61.

¹² ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, ед. хр. 14, л. 27 об., 31.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, ед. хр. 13, л. 96.

училища от членов Общества и его покровителей¹⁴. Он имел возможность увидеть и те московские коллекции и частные собрания произведений искусства, которые собирались любителями-коллекционерами.

Посещение учащимися Московского училища частных коллекций было делом обычным, и можно допустить, что Доспевский, подобно другим, видел подлинники картин русских и западных художников — то, чего он был полностью лишен на родине, в Болгарии, где он мог видеть только иконы и церковные росписи¹⁵.

Контакты болгарских художников с русским искусством в Московском училище были, таким образом, многогранными. Но что им ближе, интереснее в этот период их собственного развития? Что могли, готовы были воспринять болгарские художники, а что им чуждо? Они работали, занимались в стенах училища с огромным упорством, вчерашние иконописцы словно наверстывали упущенное, овладевая навыками художественной школы нового времени, — прежде всего они учились реалистически, правдиво отображать увиденное.

В середине 50-х годов в русском изобразительном искусстве уже зрели силы, утвердившие вскоре боевой программный характер нового этапа русской художественной культуры. «Общеинтересное в жизни — вот содержание искусства», «прекрасное есть жизнь» — эти положения, выдвинутые молодым Чернышевским в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», отразили новые тенденции прогрессивной эстетической мысли России. Национальные традиции русского искусства связывались с общественным, демократическим движением — русский художник готовился стать отображателем, толкователем народной жизни, участником ее преобразований.

В те годы в России во всю силу звучало имя Брюллова (1799—1852), прославившегося не только своими историческими полотнами, но и портретами (Кукольника, Жуковского, Струговщикова — 40-е годы; археолога М. Ланчи — 1851 г.).

Болгарские художники, несомненно, знали творчество Брюллова по оригиналам его произведений и воспроизведениям их в ученических копиях на выставках училища и на страницах русских изданий, имевшихся в училище, а также по рассказам учеников Брюллова. Болгарские художники были свидетелями других выставок, взволновавших московскую художественную жизнь в 1851 г., знакомились с пейзажами романтиков-академистов И. Воробьева, Айвазовского, реалистическими пейзажами братьев Чернецовых и картинами крестьянской жизни Венецианова.

Демократические и реалистические тенденции укрепляются в русском искусстве в дальнейшие годы — 60-е и особенно 70-е. Лидером нового направления русского искусства становится И. Крамской, призывающий к гражданственности русского искусства. В 1870 г. возникло знаменитое «Товарищество передвижных выставок», важная роль в деятельности которого принадлежала Перову, в том же 1870 г. возглавившему Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В центре русского искусства

¹⁴ О произведениях, полученных в дар училищем от Академии художеств в 1851 г.: см. ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, ед. хр. 13, л. 33; о поступлениях 1852 г. см. также ед. хр. 14, л. 14, 15; поступлениях 1853 г. — л. 12.

¹⁵ Ученики Училища живописи и ваяния, как правило, не занимались копированием произведений религиозного искусства, но известны факты участия их в украшении церкви. Очевидно, материальные затруднения, которые они, в основной своей массе, испытывали, заставляли их заниматься такой работой. Так, в архивах училища сохранилось письмо преподавателя исторической и портретной живописи Добровольского о работах учеников «по устройству и украшению иконостаса 2-го Московского кадетского корпуса» в 1849—1850 гг. ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, ед. хр. 102.

этого периода — жанровая живопись передвижников, их страстная проповедь идейного реализма.

В конце 60-х — начале 70-х годов (время расцвета искусства Перова, Крамского, Репина, Сурикова) роль Московского училища живописи, ваяния и зодчества в художественной жизни России особенно возросла. В этот период в стенах училища проходили курс обучения болгары Христо Цокев, Пасхаль Федоров и Атанас Петров, учились и другие начинающие художники из славянских стран¹⁶. В первые годы их ученичества в училище еще преподавали А. Мокрицкий и П. Десятов, а затем — бывшие воспитанники училища, бывшие соученики С. Доспевского — Пукирев, Саврасов, Маковский, а также В. Перов, Трутовский, С. Иванов и др., в классах учились И. Левитан, С. Коровин, Н. Чехов, К. Лебедев и другие живописцы.

В 1867 г. И. Аксаков писал в своем обращении в Московское училище живописи, ваяния и зодчества: «Из Болгарии прибыл в Москву для обучения живописи недостаточный юноша Атанасий Петров, — в уверенности, распространенной на его родине, что здесь не откажут ему в преподавании искусства и науки»¹⁷. Совет Московского художественного общества удовлетворил просьбу И. Аксакова о принятии А. Петрова бесплатно в число учеников училища, где уже раньше занимался Пасхаль Федоров, по неизвестным причинам временно прервавший обучение. Сюда поступил также и Христо Цокев, изменивший свое имя на Дмитрий Иоаннов (или Иванов). В своем письме на имя В. А. Дашкова секретарь Московского славянского благотворительного комитета Нил Петров в 1868 г. писал: «...в Московской школе живописи и ваяния учатся два болгарина, получающие пособия комитета: Афанасий Петров в 3-м живописном классе и Дмитрий Иванов в том же классе, а болгарин Пасхаль Федоров, бывший в 4-м живописном классе, желает снова поступить в школу»¹⁸.

Отвечая Н. Попову, Совет Московского художественного общества отметил, что «означенные молодые люди Афанасий Петров и Дмитрий Иванов оказывают хоть и не блистательные, но хорошие успехи как по рисованию, так и по живописи. Что касается до Пасхалия Федорова, то он недавно начал заниматься вновь в училище, получил за рисунок на последнем экзамене первый номер». Переписка Совета Московского художественного общества со Славянским благотворительным комитетом, а также переписка Московского комитета с Одесским болгарским настоятельством показывают, что успехи молодых болгарских живописцев живо интересовали как их соотечественников, так и русских деятелей Славянского комитета, которые помогли А. Петрову, Х. Цокеву и П. Федорову поступить в училище и оказывали им постоянную материальную поддержку во время их пребывания в России¹⁹.

В одном из писем периода 1871 г. в Славянский благотворительный комитет в Москве представитель Московского училища живописи сообщал: «На запрос ваш об успехах и занятиях в училище болгар: Федорова, Пет-

¹⁶ В документах, связанных с обучением болгарских студентов в училище, хранящихся в архивах Москвы, их имена варьируются: так, имя Петрова дается как Атанас, Атанасий, Анастасий, Афанасий, Анатолий; Пасхаль Федоров (Тодоров) упоминается как Паскал, Пасхал; Христо Цокев — как Иванов, Иоаннов, Дмитрий Иоаннов. Сравнение документов, относящихся к периоду 1867—1873 гг., дает основание утверждать, что речь идет об именах именно этих трех студентов.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, ед. хр. 224, л. 110. Более полное изложение переписки, связанной с А. Петровым и П. Федоровым, см. в нашей статье «Из истории русско-болгарских связей в изобразительном искусстве XIX в.» — «Известия на Института за изобразителни изкуства БАН», кн. 3, 1960.

¹⁸ Там же, л. 172 и об.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1750, ед. хр. 369, л. 100—101, а также ед. хр. 38.

рова и Иоаннова могу сообщить, что все они поступили уже в натурный класс и занимаются хорошо, в особенности Федоров и Иоаннов, Петров же слабее их, но он по причине болезненного состояния; из них Федоров занимается преимущественно иконописью под руководством Сорокина».

Однако из документов училища известно, что в последующие годы А. Петров достиг больших успехов в живописи и переходил из класса в класс с наградами ²⁰.

В архивах Московского училища живописи, ваяния и зодчества имеются материалы, связанные с окончанием А. Петровым и Д. Иоанновым училища. Из письма Н. Попова от 1873 г. мы узнаем, что П. Федоров поступил в Петербургскую Академию художеств позже — начал учиться там с 1872 г. ²¹. Что касается пребывания в училище А. Петрова и Х. Цокева (Д. Иоаннова), то они первоначально занимались в одном классе, а затем, очевидно, — в разных и потому закончили училище не в одно время.

На основании имеющихся данных, мы можем сделать некоторые заключения, касающиеся А. Петрова, современника и соученика Д. Иоаннова ²². Это был один из тех молодых болгар, которые приехали учиться в Россию благодаря помощи и средствам Одесского болгарского настоятельства. В одном из писем упоминалось место его рождения — город Лозен в Болгарии ²³. Судя по тому, что в письмах И. Аксакова, Н. Попова, Н. Палаузова и др. неоднократно говорится о несостоятельности А. Петрова, можно предположить, что он происходил из бедной семьи.

Если судить по тем наградам, которые А. Петров получал в период своего обучения в Московском училище, это был человек одаренный, с большим упорством овладевавший знаниями. Ни в одном из документов мы не находим упоминаний о занятиях А. Петрова иконописью. Он занимался рисованием и главным образом живописью, за что и был награжден медалями.

Очевидно, художник тяготел более всего к жанровым картинам, о чем можно судить на основании его дипломной работы 1875 г. под названием «Кухня», за которую ему была присуждена малая серебряная медаль.

В том же году картина А. Петрова «Кухня» была представлена на IV передвижной выставке и, по свидетельству очевидцев, имела большой успех. Сам факт, что в журнале «Всемирная иллюстрация» появилась статья о

²⁰ См. «Отчеты Совета Московского художественного общества за 1873—1874 гг.». ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, ед. хр. 32, л. 71 об., 76 об., 79 и прим. 12—УЗ. См. также нашу статью «Из истории русско-болгарских связей в изобразительном искусстве XIX в.» — «Известия на Института за изобразителни изкуства БАН», кн. 3, 1960, стр. 252—270. (В статье опубликованы некоторые данные о П. Федорове и А. Петрове.)

²¹ П. Федоров, как сказано в докладной записке конференц-секретаря Академии от 12 октября 1872 г., в Москве до поступления в Академию учился успешно; «...оказывая очень хорошие успехи, признан достойным, за написанный им этюд с натуры, малой серебряной медали». См. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 8, ед. хр. 174, л. 2. Сведения о некоторых работах П. Федорова (Тодорова) в Болгарии находим у А. Васильева — «Български възрожденски майстори», София, 1965, стр. 598—599. А. Васильев указывает на стенописи и иконы П. Тодорова в г. Котел, Ямболе, Тополовградской области и в Тырново.

²² В книге А. Васильева «Български възрожденски майстори» (стр. 595) указывается, что о биографии и творчестве А. Петрова практически не имеется никаких данных.

²³ См. ЦГАДА, ф. 1750, ед. хр. 64, л. 47 и об. Подробные сведения о прохождении курса А. Петровым см. в следующих документах училища: ЦГАЛИ, оп. 3, ед. хр. 31, л. 112, 175, там же, ед. хр. 32, л. 72 (А. Петров награждается в 1872 г. большой серебряной медалью за этюд масляными красками), л. 76 (А. Петров получил первые номера за работу с натуры), л. 79 (А. Петров переведен в первый класс училища); оп. 1, ед. хр. 238, л. 182 (на торжественном собрании награждается медалью), там же, л. 184 — одновременно с А. Петровым и Д. Иоанновым учится славянин Живко Югович.

ней, говорит о живописных достоинствах картины. Мы можем судить лишь о композиции ее, о верности художника лучшим традициям передвижников: правдивости в передаче образов, точности, достоверности в обрисовке бытовой атмосферы (картина была воспроизведена в ж. «Всемирная иллюстрация», 1875, т. 14, стр. 12, т. е. вскоре после ее экспонирования на выставке).

В статье, озаглавленной «Выставка ученических работ в школе живописи, ваяния и зодчества», неизвестный автор писал только об одной картине «Кухня» ученика училища А. Петрова. В статье говорилось: «Перед нами снимок с картины одного из лучших воспитанников школы живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества г. Петрова <...> первое, с чем художнику придется иметь дело, это верность бытовой правды. <...> Если картина страдает даже отчасти излишней выпуклостью, доведенной до педантизма, не следует забывать, что это — работа ученическая, один из росчерков, хотя, может быть, и талантливый, но ученического пера. Перспектива чрезвычайно удачно отдана тени, на которой резко и определенно выступает фигура женщины, колющей лушину.

Эта картина была и на четвертой передвижной выставке и обращала на себя внимание знатоков. Будем надеяться, что руководимый опытными наставниками г. Петров будет неуклонно следовать по пути, на котором запечатлены следы таких достойных подражания деятелей современной русской школы живописи, каковы Перов, Трутовский и В. Маковский».

Упомянутые в статье известные русские живописцы, учителя болгарского художника, участвовали на IV передвижной выставке целым рядом работ (среди них известные картины «Секрет» В. Перова, «Перед разлукой» К. Трутовского и др.). Тот факт, что начинающего болгарского художника, тогда учащегося, высоко оценила художественная общественность русской столицы, — явление весьма интересное. Видимо, это была не первая и не единственная работа живописца, который назван в статье «одним из лучших воспитанников Училища»: попасть на выставку передвижников наряду с выдающимися русскими мастерами было делом нелегким, для этого требовалось и профессиональное мастерство, и демократическая направленность творчества художника.

О том, что оно развивалось именно в этом русле, позволяют судить и две другие (также подписные) работы А. Петрова, находящиеся в настоящее время в отделе зарубежного искусства музея г. Яссы, Румыния — «Портрет старика» и «Портрет старухи» (обе — одинакового размера — 330 × 245). Портреты (написаны маслом, парные, не воспроизводились) представляют значительный интерес для понимания творчества А. Петрова. Весьма близкие к трактовке образа человека в портретах Х. Цокева своей углубленностью, стремлением передать значительность внутреннего мира умудренных нелегкой жизнью людей, они в то же время перекликаются с портретными характеристиками русских живописцев 60—70-х годов XIX в. Первое, что обращает на себя внимание в этих портретах, — это внутренняя сосредоточенность, которая является основой психологической характеристики каждого образа. Особенно сильно и убедительно передано это состояние в портрете старой женщины в платке, по виду — простой крестьянки. А. Петров сумел передать особую красоту и значительность человеческого характера, которая раскрывается в обоих портретах самыми скупыми живописными средствами; в колорите преобладают охристые, коричневые глубокие тона, нет никакого намека на детализацию или подробное описание: оба портрета написаны широко. Свободно, мазки положены по форме легко и артистично, они словно лепят лицо, выделяя его из полумрака (прием, столь типичный для портретов

С. Доспевского и Х. Цокева). Судя по композиции и колориту обоих портретов, они были задуманы и выполнены как парные. Быть может, они являлись подготовительными этюдами (в данном случае — законченными в виде самостоятельных портретов) к композиции, готовящейся художником. Без всякого преувеличения можно сказать, что портреты выполнены А. Петровым на высоком профессиональном уровне. Сейчас еще рано делать какие-то окончательные выводы о творчестве А. Петрова в целом, ясно лишь то, что болгарский художник был талантлив и развивался на почве русской школы весьма успешно, что и было отмечено его современниками.

На основании приведенных данных можно предполагать, что связи болгарских художников с передвижничеством были не случайным явлением. Об этом говорят прежде всего сами работы болгарских художников, выполненные в 70—80-е годы — их характер, направленность, манера выполнения. Болгарское искусство нового времени впитало главные тенденции русской прогрессивной школы — ее демократизм, реалистичность; портрет, жанровые картины, пейзаж — все эти жанры начинают свое развитие на болгарской почве последующих десятилетий, неся в себе заряд целостного, жизнеутверждающего мирозерцания, созвучного передвижничеству.

К VII Международному съезду славистов

С. В. НИКОЛЬСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОЙ, СЛОВАЦКОЙ, БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУР)*

Эпоха национального Возрождения в жизни южных и западных славян, процессы, совершавшиеся в эту эпоху, иногда производят впечатление чуда. Народы, культурная жизнь которых в XVIII в. едва теплилась, язык которых в результате длительного чужеземного гнета все больше выходил из употребления и даже самим представителям этих народов порой казался уже мертвым (известно подобное высказывание Й. Добровского о чешском языке), вдруг словно воспрянули к жизни и в результате стремительного развития в течение всего каких-нибудь нескольких десятилетий создали полноценную национальную культуру, вплотную приблизившись в этом отношении к другим народам Европы, а затем подарили человечеству ценности непреходящего мирового значения.

Еще в начале XIX в. наиболее значительным и известным произведением болгарской литературы было «Житие и страдания грешного Софрония» (1804), архаический жанр которого находит аналогию в древней литературе (и только некоторыми чертами в литературе Ренессанса и Просвещения). В это же время (да и позже) одной из главных забот деятелей болгарского (и чешского) национально-просветительного движения было создание элементарных букварей и грамматик. А спустя несколько десятилетий болгарская литература имела уже такого поэта, как Христо Ботев, и в лице лучших своих представителей поднималась до уровня передовой материалистической эстетики своего времени. Всего через три-четыре десятилетия после того, как Добровский высказал сомнение, не стал ли чешский язык уже мертвым, на этом языке были написаны такие произведения, как поэма Я. Коллара «Дочь славы» (1824) и поэма К. Г. Махи «Май» (1836). Едва возник словацкий литературный язык, как появились прекрасные произведения Я. Краля, А. Сладковича и др. Достаточно вдуматься в эти факты, чтобы оценить дистанцию, пройденную этими литературами за столь короткий срок.

Чуда, конечно, не было. Явления ускоренного исторического и культурного развития, примеры которых дает и жизнь иных, не славянских, народов, не столь редки в истории человечества. Как правило, они возникают на переломе эпох, в пору рождения новых социально-экономических формаций. (В XX в. сходный процесс переживают, например, многие на-

* В основу статьи положен текст доклада, прочитанного 8 сентября 1972 г. в Варшаве на Международном симпозиуме ЮНЕСКО по теме «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур».

роды Советского Союза, в том числе вообще не имевшие ранее письменности, а сейчас обладающие своей развитой литературой.)

Национальное Возрождение в жизни славянских народов теснейшим образом было связано с происходившим в общеевропейском масштабе процессом ломки старого феодального мира, процессом, получившим свое наиболее яркое выражение в мощном шквале французской буржуазной революции 1789 года. Этот процесс разрушения прежних устоев жизни и рождения нового общества затронул и славянские народы, послужил толчком к их развитию, вызвав нарастающий подъем общественной активности. Составным элементом этого процесса было формирование современных наций со своей особой культурой, в том числе искусством и литературой.

Ускоренное историческое и культурное развитие не следует представлять себе как простое, сокращенное и убыстренное, повторение пути, пройденного другими народами на протяжении более длительного времени. В новых и новых условиях, внутренних и внешних, на основании своеобразного опыта каждого народа, в результате одновременного проявления и синтеза разных тенденций зачастую возникают оригинальные и качественно новые явления, высвечиваются особые грани развития, создаются неповторимые ценности, обогащающие сокровищницу мировой культуры человечества. Это относится и к литературе. Она прошла в эпоху национального Возрождения путь от единичных опытов до развитых художественных форм и стала мощным духовным оружием в освободительной борьбе. Совершался, собственно говоря, процесс формирования национального художественного мышления, которое выделяется постепенно в самостоятельную и специфическую форму освоения мира. Начало этого процесса относится еще к древнему времени, но затем он был заторможен национальным гнетом и возрождался теперь почти заново, хотя, конечно, нельзя недооценивать, пусть и ослабленных, традиций, а также роли национального фольклора.

Своеобразие чешской, словацкой, болгарской, сербской, хорватской, словенской литератур состояло в том, что разные типы художественного мышления осваивались если не одновременно и параллельно в полном смысле этого слова, то, во всяком случае, со значительным наложением друг на друга. Лишь со сравнительно небольшой разницей во времени литература овладевала рационалистическим типом мышления, близким просветительству и классицизму, стихией чувства и мечты, внутренней жизни субъекта, свойственной романтизму, социально-аналитическим художественным осмыслением жизни, предвещавшим реализм. Специфика развития нередко выражалась в сосуществовании и взаимопереплетении тенденций. Отсюда и современные споры о том, был ли романтизм в болгарской литературе, трудности отнесения к классицизму или романтизму творчества Яна Коллара, который сам писал, что «соединил антику с романтизмом». То, что в других литературах существовало порознь или даже в виде антиподов, здесь нередко жило в сложном взаимопроникновении и нерасчленимом виде.

Следует заметить, что разные типы художественного мышления (просветительский в его рационалистическом и сенсуалистском варианте, преромантический и романтический, давший в славянских странах весьма своеобразные модификации, наконец, ранперереалистический) не были простой пересадкой и скоплением явлений, возникших в других, более развитых литературах, хотя опыт этих литератур и имел огромное значение для славянских народов. Еще А. Н. Веселовский показал, что литературные воздействия и влияния не реализуются без подготовленной почвы, без «встречных течений». В этой связи укажем, например, что просветительские тенденции закономерно и неизбежно рождались уже в силу логики

освобождения от религиозного средневекового мышления, возникали как оппозиция и антитеза этому мышлению. Они воплощали, собственно, процесс становления светского сознания, светского искусства (зародыш этого процесса можно обнаружить и в «Житии» Софрония Врачанского, в «мирском» аспекте содержания этого «Жития»). Опыт иных народов играл роль катализатора, облегчал поиски, подсказывал некоторые формы, наполнявшиеся затем своим содержанием и видоизменявшиеся.

Характерно и направление, в котором шло переосмысление инонационального опыта. Просветительское движение в порабощенных славянских странах приобретало национально-просветительский характер. Идеалы просвещенного разума и естественного права становились аргументом в пользу равноправия народов и национального самоутверждения. Интересно, что, обращая свои взоры к эпохе реформации, ощущая преемственность по отношению к этой эпохе, стремясь очистить имя Яна Гуса от обвинений в ереси, ранние чешские просветители усматривали в прежнем отношении к гуситству мракобесие «непросвещенной» эпохи. Напомним также, что к «здравым правилам разума» и духу просвещенной эпохи взывали авторы трактатов в защиту чешского языка. Наконец, весьма симптоматично, что идея французских просветителей, создавших знаменитую энциклопедию, трансформировалась у Й. Юнгмана в замысел создания н а ц и о н а л ь н о й энциклопедии, которая стала бы сводом знаний об отечественной жизни и национальных традициях.

Тем не менее на стадии просветительства, на начальной стадии становления новой литературы, национально-специфические черты рождающегося искусства проявлялись еще не столь сильно и были лишь одним, хотя и важнейшим, слагаемым антифеодального и антиабсолютистского протеста. Процесс индивидуализации художественного сознания как национального сознания стал особенно заметным в той фазе развития, когда заявили о себе тенденции преромантизма и романтизма.

Эти тенденции в названных литературах отличались значительным своеобразием¹. Как известно, романтизм в западноевропейских литературах был тесно связан с тем порывом в будущее и к идеалу, с верой в изменение и развитие бытия, которые были порождены событиями французской революции и последующими вспышками освободительных движений. Однако это был порыв, натолкнувшийся на недуги и противоречия послереволюционной действительности. Романтизм явился протестом личности, познавшей вкус свободы, вырвавшейся из плена иерархических, сословно-кастовых отношений феодальной эпохи, но ощутившей незримую власть новых, еще неведомых сил, сковывающих личность и искажающих ее естественное бытие. Романтическое утверждение личности, поднимавшееся до высот богоборческого бунта и давшее в Западной Европе огромные художественные достижения, обогатившее литературу раскрытием субъективного мира человека, нередко имело тенденцию (хотя и не во всех случаях) перерасти в индивидуализм, сопровождалось мотивами одиночества и тоски по утраченной связи с коллективом, мотивами мировой скорби, мрачного отчаяния и вызова обществу.

В славянских литературах (так же как и в литературах Венгрии, Румынии, Италии и некоторых других стран), развивавшихся в условиях предреволюционного, национально-освободительного движения, это второе слагаемое романтизма (ощущение противоречий буржуазного общества), как правило, звучало значительно слабее или даже отсутствовало, особенно на начальной стадии.

¹ См. подробнее: С. В. Никольский, А. Н. Соколов, Б. Ф. Стахеев, Некоторые особенности романтизма в славянских литературах (Доклад на IV Международном съезде славистов). Изд-во АН СССР, 1958.

Романтизм рождался здесь не после победоносной или исчерпавшей свои возможности буржуазной революции, не в обстановке обнаружившихся противоречий буржуазного строя, а в условиях нерешенных задач этой революции, неустраненных, хотя и изживших себя в сознании передовой части общества, институтов и норм феодальной системы. Особенности общественно-исторической обстановки, атмосфера подъема освободительного движения, неясность перспектив еще слабо обозначенного буржуазного развития отодвигали на задний план вопрос о противоречиях будущего общества и нередко порождали иллюзии относительно возможности избежать этих противоречий (надежды словацкого поэта Я. Краля на крестьянскую общину, внимание К. Сабины к идеям утопического социализма, представления большинства романтиков о том, что с ликвидацией национального гнета и демократическими преобразованиями возникает благополучное, гармоническое общество).

Утверждение национальной идеи при относительной слабости реальных сил, способных противодействовать гнету, приобретало характер мечты, выливалось в обращение к историческим доводам былой независимости, к примерам свободного национального развития других славянских народов, прежде всего русского, к доводам общности культуры славян, в обращение к фольклору, в котором поэты открывали «бессмертный дух» народа, оригинальность национальной психологии и эстетического мировосприятия.

Одна из главных особенностей преромантизма и романтизма в славянских литературах — сильно выраженное народно-коллективистское начало. В качестве протестующего и утверждающего себя субъекта здесь выступала не столько личность, сколько национальный коллектив. Характерно, например, прямое полемическое отношение словацких романтиков-штуровцев к романтизму байронического типа. Л. Штур писал даже, что «страсти индивидуума не суть предмет нашей поэзии. <...> У нас любовь, честь, страсть и т. д. отдельного человека никогда не могут быть главными, а только побочными. У нас индивидуум как индивидуум не может жить только для себя, а служит истинной всеобщности...»². С. Шматлак справедливо замечает, что в соответствии с таким подходом «общностью, в которой индивидуальность поэта могла больше всего реализоваться, а одновременно и преодолеть свою относительную единичность, является н а ц и я как общность отдельных индивидуумов, а затем ч е л о в е ч е с т в о как общность национальных индивидуальностей»³. Осознание и утверждение единства и специфики национального коллектива — основная черта эстетического сознания и художественного творчества эпохи национального Возрождения. В качестве главной силы нации, главного носителя национальной специфичности осознавался простой народ, крестьянские массы. Как известно, дворянство в Чехии и Словакии было денационализировано, в Болгарии полностью отсутствовало. И даже более состоятельные, верхушечные силы общества, шедшие на союз с угнетателями, ощущались как нейтральный, если не враждебный элемент. Опорой и силой национального движения были народные низы. Собственно с приливом в города неассимилированного сельского населения, остро почувствовавшего свое неравноправие, и начался массовый процесс роста национального самосознания. Характерно признание П. Славейкова, написавшего в автобиографии, что он выступал в своих произведениях

² L. Š t u r. Prednášky o poésii slovenskej. «Orol», 1875, s. 191.

³ S. Š m a t l á k. Poznámky k vyvinu slovenskej špickej poesie. «Slovenská literatúra», 1957, s. 303.

от имени «самого низшего класса горожан, большей частью пришельцев из села»⁴.

Своеобразие национального характера, национального строя мышления связывалось с духовным миром простого народа, крестьянства, представшего вдруг в ореоле почти мистической силы, благодаря удивительной национальной жизнеспособности, с которой оно пронесло сквозь века иноземного господства свой язык, обычаи, самобытный уклад жизни, свое художественное творчество.

Многими корнями и нитями художественное сознание эпохи национального Возрождения было связано с фольклором. Народное творчество, запечатлевающее и передающее в конкретно-чувственной форме представления, чаяния, идеалы его носителей и потребителей, вообще представляет собой первичную форму художественного сознания. До широкого распространения письменности, а для определенных социальных слоев и позже, фольклор выполнял функцию, сходную с функцией позднейшего профессионального искусства. Поэтому на начальной стадии формирования художественной литературы столь тесна ее связь с фольклором. Литература национального Возрождения, создававшаяся после сильного ослабления собственно литературных художественных традиций, как бы вновь пережила эту стадию, но теперь уже с акцентом на национальной специфике. Устное народное творчество, в первую очередь народные песни и патриотические легенды, не только стихийно воздействовали на литературу, особенно на поэзию, но и сознательно рассматривались как источник национально-самобытного искусства. Ян Коллар выразил общую для определенного этапа литературного развития мысль, назвав народные песни «ключами от святыни национальности». Нет необходимости останавливаться на известных фактах огромной работы по собиранию и изданию народной песни, связанных с именами Вука Караджича, Ф. Л. Челаковского, Я. Коллара, бр. Миладиновых и многих других. Для нашей темы важнее отметить, что в сознании литературных кругов устная народная поэзия, как аутентичное творчество народа, основного носителя национальной самобытности, часто ставилась даже выше индивидуального литературного творчества современников. Песни, легенды, пословицы рассматривались как сокровищница философии народа, его отношения к жизни, его морали и нравственности, его художественного вкуса. Задача усматривалась зачастую не в том, чтобы что-то позаимствовать из фольклора для литературы, а в том, чтобы поднять литературу до уровня народного творчества. Целый ряд литературных произведений был инспирирован соревнованием с фольклором и выдержан в духе народной поэзии.

Освоение народной поэзии шло по разным линиям. Наибольший интерес вызывали героико-эпические жанры, воплощавшие тему борьбы против чужеземных поработителей. Вспомним «Краледворскую рукопись» В. Ганки и Й. Линды, «Отзвук русских песен» Ф. Л. Челаковского, яношиковский цикл у Я. Краля, поэму «Смерть Яношика» Я. Ботто, гайдуцкие и юнацкие темы и мотивы у Г. Раковского, Л. Каравелова, Х. Ботева, а также у сербских писателей.

Характерны при этом не только слитность героя с коллективом, представителем которого он выступал, не только его высокие и идеализированные морально-этические качества — любовь к родине, героизм, готовность к самопожертвованию, верность долгу и слову, высокое понятие о чести — характерна сама склонность поэтов этого времени мыслить национальными типами, имеющими уже традицию в фольклоре. Русские

⁴ П. Р. С л а в е й к о в. Избрани произведения, т. 2, София, 1956, стр. 53—54.

богатыри былинных стихотворений Челаковского, а также «удалой молодец» и «красна девица» его лирических стихотворений, збойники словацких поэтов, болгарские гайдуки, образы которых венчает такой поэтический шедевр, как «Хаджи Димитр» Х. Ботева, — наиболее характерные герои определенной фазы литературного развития. Обобщенность этих образов была результатом не только индивидуального творчества поэтов, но и предшествующего коллективного творчества пародных масс, отбора и селекции материала, выделения и заострения определенных черт и т. д. Активность поэта выступала как продолжение работы творческой мысли народного коллектива.

Но не только в образе героя (эпическом или лирическом), а и во всем строе поэзии сказывается новое качество поэтического мышления — оно становится мышлением в национальных образах. Поэты преромантизма и романтизма открыли национальный колорит. Фиксация национально-отличительного становилась особенностью самих образных обобщений, художественной ткани, стиля.

Литературу начального, просветительского в собственном смысле этого слова, этапа национального Возрождения отличал сильный элемент рационализма, паидзательности, предполагающий непременную соотнесенность изображаемого с нормами разума. Поучительно-морализаторская направленность, отчетливо выраженная в прозе, по-своему сказывалась и в поэтических жанрах. Типичным было воплощение в образы отвлеченных понятий, «логизированное» построение произведений, чаще всего в устойчивой, нормативно заданной форме (басни, оды, жанры анакреонтической лирики и т. д.). Обычным стало назидательное заключение — мораль или аналогичные вкрапления в тексте, прямо выражающие мысль. Стихотворение строилось как иллюстрация заранее заданной истины. Нередко это было или порицание определенных пороков, или восхваление добродетелей. В последнем случае даже лирическое стихотворение мыслилось как «похвала» — похвала естественным чувствам, любви, верности и т. д. В отвлеченном виде схватывалось общее — должное (или недолжное) с точки зрения «здравых правил» разума. Теперь рационалистический образ субъективируется, причем трансформация во многом совершается за счет насыщения образа национально-значимым элементом. В этом направлении шло и развитие живописно-изобразительной и эмоционально-впечатляющей стороны образа. В качестве субъекта выступал, как мы уже сказали, национальный коллектив.

Национальное часто понималось поэтами Возрождения расширительно — в смысле не только собственно национального, но и общеславянского. Славянская культура воспринималась как своя, родная, общая. Лишь позже процесс дифференциации вступит в новую фазу (создание самостоятельного словацкого языка в 40-е годы, разграничение в это же время понятий «чех» и «славянин» К. Гавличком-Боровским и т. д.). Однако в художественной практике при широком обращении к общеславянскому фольклору процесс дифференциации шел и раньше. Ф. Л. Челаковский, создавший не только «Отзвук русских песен», но и «Отзвук чешских песен», писал, что каждая ветвь славянской пародной поэзии цветет своими цветами и обладает своим ароматом.

Самоутверждение национального сознания и национального художественного мышления не означало изоляции от культуры неславянских народов. Естественно, имел место известный элемент отталкивания от культуры господствующих наций. В романтизме южнославянских народов вы почти не встретите, например, экзотико-романтических «восточных мотивов». Восток слишком хорошо был знаком с другой, далеко не экзотической стороны. Однако отталкивание простиралось лишь до известных

пределов. Следует иметь в виду и «союзнические» тенденции, сопутствовавшие родственным демократическим устремлениям в разных странах. Близкие гуманистические течения вызывали силы взаимопритяжения. Отсюда популярность в славянских странах Гете, Гердера и других неславянских писателей и целых литературных направлений.

Единство национального коллектива осознавалось в искусстве национального Возрождения не только в национально-этнографическом, но и в историческом плане. Литературе этого времени в высшей степени свойственно ощущение исторической преемственности жизни народа, сознание единства национального коллектива во времени. Литература широко обращается (часто со значительной долей романтической идеализации) к историческому прошлому народа, к теме борьбы за свободу и независимость. Рождалось чувство историзма. Другой стороной этого процесса была все полнее овладевавшая умами идея развития — развития мира, человечества, народов.

Как известно, сознание предшествующих эпох во многом было статично — статично в том смысле, что религиозные убеждения не допускали идеи развития — в лучшем случае оно рисовалось как движение по замкнутому кругу. Жизнь соотносилась с вневременными ценностями, и золотой век — будь то рай или земное благоденствие — помещали, как правило, в прошлое. И даже самый мощный рывок вперед в истории предшествующих эпох носил название Ренессанса. В период национального Возрождения, родственного по названию Ренессансу, все явственнее вызревала и овладевала умами идея изменения, развития.

Эта общая закономерность умонастроений и представлений эпохи по-своему преломлялась и в сознании поработенных славянских народов, питая и поддерживая их веру в развитие нации и в грядущую свободу. В связи с революционными событиями во Франции Ф. Л. Челаковский писал: «...факелы, поднятые ими, разгонят тьму рабства всех видов. (...) Народы открыли глаза, и теперь их уже не удастся завязать никакими цепями. И пусть справедливая борьба народов хоть десять раз будет затихать, она вновь разгорится — за это нечего опасаться»⁵.

В зависимости от конкретной обстановки в странах будущность и свобода нации представлялись вначале туманными и отдаленными, а позже, с переходом к политическим формам борьбы (в Чехии и Словакии в 40-е, в Болгарии — в 50—70-е годы) — более определенными и близкими. На завершающей фазе национального Возрождения в сознании передовых писателей (Л. Каравелов, Х. Ботев в Болгарии; К. Сабина, Й. К. Тыл, К. Гавличек-Боровский в Чехии; поэты-штуровцы и особенно Я. Краль в Словакии) идея развития все явственнее конкретизируется и зреет как идея революционной, вооруженной борьбы за свободу.

Еще и раньше некоторые писатели приходили к мысли, что источник зла не только в национальном, да и не только в феодальном гнете (здесь как раз заметно стал сказываться и опыт развития Западной Европы, обнаживший противоречия нового общества). Характерно в этом отношении творчество К. Г. Махи и Я. Краля.

Центральной для философской поэзии Махи является тема «чужой вины», тема страданий человека по вине обстоятельств, не им вызванных. В повести Махи «Цыгане» (1836), поэме «Май» (1836) повторяется в сущности вопрос «Кто виноват?», повторяется одна и та же коллизия: виноваты обстоятельства, страдает и гибнет человек, виноваты одни — страдают и гибнут другие. Лейтмотивом проходит через повесть «Цыгане» крик доведенной до помешательства Ангелины, ее вопль жалобы на чужую вину:

⁵ «Korespondence a zápisky Fr. L. Čelakovského», d. II. Praha, 1907, s. 279.

«Это не я, это не я — это он, это он». Тот же вопрос повторяется в поэме «Май»:

По чьей вине проклятье несть я осужден?

А если волею чужою

Я действовал, так смертью злою

За что я гибну?

Перевод Г. Можаровой

Этот же вопрос звучит и в дневниковых записках Махи: «Ремесленник (drateník) поет, что он не виноват в своей беде»⁶. Сюжет у Махи заключается в себе как бы предельно заостренный, хотя и абстрактно поставленный, философский вопрос об источнике зла в человеческих отношениях. При этом Маха еще не разграничивает трагедий, типичных для окружающей жизни, и трагедий случайного стечения обстоятельств. Поэт как бы стремится найти универсальный закон, верный для всех случаев «несправедливых», так сказать, «неспровоцированных» страданий, и ищет его, обращаясь к необычайным ситуациям и конфликтам, полагая, что там он проявится наиболее полно. В его творчестве, как и в западноевропейском романтизме, выражено ощущение индивидуумом неведомых ему сил, роковым образом управляющих его судьбой, ввергающих его в несчастия, искажающих естественное отношение к миру.

Если большинство поэтов эпохи национального Возрождения разрабатывали принцип национальной индивидуализации образа, Маха больше шел от личности, ее неповторимости, осваивая иную сферу бытия и иную грань поэтического мышления. У таких поэтов, как Я. Краль, Сладкович, Ботев, оба эти момента выступают как бы в слитном виде. Для них, вместе с тем, характерно и более четкое ощущение социальных противоречий.

Особенность завершающего этапа в развитии художественного сознания эпохи национального Возрождения состояла в освоении социальной типизации. В чешской и словацкой литературе этот процесс особенно заметно дает о себе знать начиная с 40-х годов (творчество Й. К. Тыла, К. Гавличка-Боровского, несколько позже Б. Немцовой, в Словакии — Я. Краля); в болгарской (пожалуй, еще более остро) — в 50—70-е годы (Каравелов, Ботев и др.).

Изменения, происходившие в художественном сознании, в объекте внимания литературы, в характере фиксируемых черт и качеств, интересно проследить на очерковых заметках К. Гавличка-Боровского «Картины из России». Автор исходил из намерения запечатлеть «самобытные обычаи и национальные достопримечательности» русской жизни. Однако фиксация национально-значимых черт русского быта дополняется и обогащается новыми критериями и измерениями — вниманием к социальной структуре общества, характеристикой общественных «классов» в их отношении к другим сословиям» (формулировки К. Гавличка-Боровского). Ставя во главу угла вопрос о сохранении разными общественными слоями и группами национальной самобытности и старославянских традиций, писатель приходит вместе с тем и к понятию «угнетателей» и «угнетенных» в социальном смысле слова. Он не только делит русское общество на господ и народ, на «европейскую» и «отечественную» часть («фрак» и «кафтан»), но и стремится определить взаимоотношения конкретных общественных групп (дворяне, крепостные и свободные крестьяне, купечество, чиновничество и т. д.). Национально-этнографический очерк, направленный на выявление своеобразия русской жизни, приобретает черты социальнобытового и социально-политического жанра.

⁶ К. Н. М а с h а. Dílo, sv. III. Praha, 1880, s. 91.

Очерки Гавличка отражают процесс эволюции художественного сознания, типичный для последней, завершающей стадии национального Возрождения. На вопрос «Кто виноват?» литература отвечает теперь анализом реальной жизни, в котором все большую роль играет социально-аналитическое начало. Идет интенсивный процесс формирования социально-бытовых и социально-психологических жанров. Естественно, что это явление имело своим источником обострение и обнажение социальных противоречий в самой действительности, обострение напряжения не только между зависимой и господствующей нациями, но и внутри нации.

Важнейший аспект охарактеризованного процесса — усиление личной познавательной активности художника. Критерий правдивости и соответствия изображаемого реальной жизни получает выражение в такой особенности, как различие внешней видимости и внутреннего содержания современных общественных отношений и многих явлений жизни. Может быть, наиболее ярко сказал об этом К. Гавличек-Боровский: «Ни один из институтов, установленных абсолютистским правительством, собственно, не служит тем целям, для которых он провозглашен на словах. Почти каждый из них действует в прямо противоположном направлении»⁷. На почве раскрытия этого противоречия возникла, в частности, сатира (К. Гавличек-Боровский в Чехии, Х. Ботев в Болгарии, несколько позже Й. Заборский в Словакии).

Если на ранней стадии национального Возрождения совершалось формирование художественного мышления, хотя и выступавшего еще с сильным акцентом на логическом элементе, если затем усилилась роль субъективно-эмоционального начала (национального и личного), то теперь совершается как бы синтез на базе активного освоения самого жизненного материала. Начинался процесс формирования реалистического мышления, которое в своем развитии впитывало в себя и предшествующие традиции, подчиняя их, однако, уже новым творческим принципам.

На этом этапе относительной зрелости литературы можно наблюдать разнообразие жанров и индивидуально-стилевых форм. С возрастанием роли познавательно-оценочного подхода к действительности, основанного на наблюдении художника (хотя и выражающего объективно определенные общие тенденции сознания эпохи и различных слоев общества), растет и богатство форм. В период революции 1848 года в чешской литературе, например, получает развитие и героико-патриотическая драма («Ян Гус» Тыла) с сильно выраженной социально-демократической основой, и социально-бытовой роман («Бабушка» Б. Немцовой), и политическая сатира (К. Гавличек-Боровский). Определенные позиции еще длительное время будет сохранять и романтизм (Й. Фрич, К. Я. Эрбен), далеко не исчерпавший своего потенциала (а в некоторых отношениях и сдерживающий развитие реализма национально-идеализирующими тенденциями).

В болгарской литературе вслед за Каравеловым, Ботевым, Друмевым появится такой художник, как Вазов, в творчестве которого особенно показательно формирование жанра романа, воссоздающего жизнь в сложной системе многообразных явлений и связей.

Становление реалистического художественного мышления означало уже в определенной мере синхронизацию развития национальных славянских литератур с общеевропейским литературным процессом, хотя специфика, порожденная ускоренным развитием, будет сказываться и в дальнейшем в виде запоздалого проявления определенных тенденций, которые в новых условиях и в синтезе с новыми явлениями давали зачастую особое качество. Однако этот материал находится уже за пределами нашей темы.

⁷ «K. Havlíček-Borovský, politik i novinář». Praha, 1956, s. 442.

Вяч. В. ИВАНОВ

ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМАТИКА СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ*

Изучение праславянского языка с точки зрения его роли для воссоздания ранней истории славян составляет существенную часть традиционного славяноведения в том виде, в каком эта наука сложилась уже к началу нашего века. Позднее изучение славянских древностей в трудах Нидерле, Мошинского и других классиков этой науки в большой мере основывалось на языковых данных; недавние суммарные характеристики праславянской культуры в основном опираются на лингвистические реконструкции. Но для дальнейшего развития совместных исследований лингвистов, историков, археологов, этнографов и фольклористов в этой области представляется необходимым тщательное обсуждение возможностей, предоставляющихся каждой из этих научных дисциплин. В настоящей статье рассматриваются те стороны проблематики славянских древностей и этногенеза славян, которые непосредственно связаны с лингвистикой.

1. Прежде всего следует подчеркнуть, что на основании только языковых данных можно сделать выводы, относящиеся исключительно к носителям определенных языков. Изучение праславянского языка позволяет прийти к некоторым заключениям о характере того общества, которое на нем говорило, но соотношение этих выводов с данными других дисциплин, где отождествление объектов науки с языковыми фактами достижимо лишь косвенным образом, не может быть осуществлено внутренними средствами самой лингвистики. Но справедливо и обратное: каковы бы ни были гипотезы, касающиеся, например, древних балтийских племен и славян, соотношение между их языками может быть выявлено только с помощью сравнительно-исторической грамматики¹.

В этом состоит смысл утверждения, которое в свое время было отчетливо сформулировано А. Мейе, а по отношению к индоевропейскому было особенно подчеркнуто Н. С. Трубецким²: понятие «общеевропейского» или «общеславянского» языка является прежде всего лингвистическим и может быть определено по чисто языковым критериям. Для адекватного понимания проблематики славяноведения указанное положение

* Статья представляет собой переработанный и сокращенный текст доклада, прочитанного на первом заседании вновь созданной в Институте славяноведения и балканистики АН СССР группы по изучению этногенеза славян. О задачах работы этой группы см. статью В. Д. Королука в предшествующем номере журнала.

¹ В этом заключается пафос утверждений, высказанных в более ранней работе автора и В. Н. Топорова: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958 (перепечатано также в сб. «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1961).

² Н. С. Т р у б е ц к о й. Мысли об индоевропейской проблеме. «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

ние имеет исключительное значение: эта наука занимается исследованием разных аспектов истории и культуры всех тех народов, которые в настоящее время (и в прошлом) являются носителями языковых традиций, возводимых в конечном счете к общеславянскому языку. Но в таком случае языковой аспект славянских древностей является основным; расширенные же понимания других аспектов могут рассматриваться как производные от этого основного.

2. Признание узко языкового характера лингвистических выводов с неизбежностью приводит к постановке вопроса о том, как осуществлять совмещение их с заключениями, полученными представителями смежных наук. В простейших случаях возможно взаимное наложение материалов: так, данные о технической терминологии ремесел, например, ткацкого, гончарного, кузнечного, можно соотнести с фактами истории материальной культуры. Однако и в этом относительно более легком случае лингвистические выводы в большей степени подкрепляются выводами общей типологии развития соответствующих ремесел, чем конкретными археологическими подробностями так как соответствующие детали, например касающиеся отличий разных типов керамики, не удается связать с лексическими фактами: термины, подобные праслав. *gъrnьсь, могли обозначать разные виды глиняных сосудов и горшков. Тем не менее результаты исследования указанного термина представляются существенными для смежных наук, так как связь этого праславянского слова с лат. *fornix* 'свод, арка', удостоверяемая данными истории материальной культуры у славян (гончарный горн, крытый сводом из горшков, — в Польше; аналогичные факты — в Словении и т. п.), позволяет установить наличие существенных схождений между праславянской и древней италийской гончарной терминологией³, что важно для подтверждения ранних контактов между носителями соответствующих диалектов. Но особый интерес исследование ремесленной терминологии может представить в тех случаях, где (как это характерно для ключевых терминов соответствующих древних эпох) они не только обозначали определенные аспекты технической деятельности, но в то же время относились и к обширному кругу социальных функций, совмещенных с этой последней. Так, праслав. *kovaľь и родственные обозначения 'кузнеца'⁴ в отдельных славянских языках (в частности, в украинском) сохранились и в качестве названия особого мифологического персонажа, связанного с общеславянским мифом о змееборце-кузнеце, одолевшем змея и вспахавшем Змиевы валы по обе стороны от Днепра или проложившем его русло⁵ (из этих представлений разъясняются и древние названия днепровских порогов, как βουληπράχ = *vol-ьnъ pragъ* и т. п.).

Реконструкция соответствующего общеславянского мифа и особой социальной группы кузнецов, имевших не только технические, но и ритуальные функции, подтверждается семантикой соответствующих славянских слов (в.-луж. *kuzłto* 'колдовство' и т. п.), типологическими данными о роли кузнецов в культурах определенного типа и рядом индоевропейских параллелей⁶, в частности этимологической связью корня праслав.

³ См. детальное обоснование этого важного соответствия в кн. О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 197—200.

⁴ Там же, стр. 334 и след.

⁵ А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2, апрель — июнь, М., 1865, стр. 8—12.

⁶ См. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. «Славянское языкознание. Доклады советских ученых к VII Международному съезду славистов». М., 1973, стр. 155—159.

kov- и индоиранского *kav-i*, для которого восстанавливается значение 'шаманствующий' (откуда в дэвовском авестийском 'вождь')⁷. На этом примере можно видеть, что надежность семантической реконструкции удостоверяется наличием определенной исторической закономерности, справедливой для разных культур и касающейся не одного изолированного их аспекта (технического), а целого пучка функций (технической — ремесленной, связанной с ней социальной и религиозной). В качестве другого подобного примера можно указать на реконструкцию древних значений праслав. *obъ-tjo- 'общий' (ст.-сл. *обыць* 'κοινός, серб.-хорв. *obnū*), **ob(b)-lъ* (чеш. *obly* 'круглый')⁸, откуда восстанавливается древнее обозначение круглого поселения, что соответствует и археологическим данным⁹ и типологии раннеславянской социальной структуры, имеющей существенные черты сходства с организацией тех коллективов, для которых обычны поселения круглой формы.

3. Наиболее убедительные результаты при наложении друг на друга выводов лингвистических исследований ранней истории славян и гипотез, выдвинутых в смежных науках, изучающих те же периоды, могут быть достигнуты в тех случаях, когда удаётся соотнести не отдельные факты, а целые комплексы выводов, относящихся к определенным типам культур. Так, восстанавливаемое для балтийского и славянского использование производных от индоевропейского корня **vel-* > **vel-* в качестве названия 'скотьего бога' (др.-рус. *Велесъ* в договорах русских с греками, позднейшее *Волосъ* и т. д.) или бога загробного мира (лит. *vėlės* 'призраки мертвых') согласуется с реконструкцией общеиндоевропейского представления о загробном мире как пастбище, что подтверждается, с одной стороны, соответствующими данными хеттских, древних индо-иранских и древнегреческих текстов¹⁰, с другой стороны, употреблением обозначения 'пастуха' по отношению к богам в тех же языковых и культурных традициях, отражающих скотоводческий тип общеиндоевропейской культуры¹¹; характер этой последней удостоверяется и значительным числом взаимосвязанных лексических реконструкций, относящихся не только к скотоводству, но и к его продуктам (в частности, шерсти) и к их использованию. Той же значимостью скотоводческих терминов объясняется и их переносное употребление в ритуальных контекстах типа 'пасты' по отношению к слову или клятве, например слов. *roti, kojihže ne pasem* (во Фрейзингенских отрывках), что находит соответствие и в других индоевропейских языках (в частности, тохарском и хеттском), где глаголы, родственные праслав. *pasti, выступают в аналогичных контекстах¹².

⁷ Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972, стр. 21.

⁸ О соотношении суффиксов в этих словах см. В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 208 (там же литература вопроса).

⁹ W. Hensel. Kształtowanie się osadnictwa słowiańskiego. «Slavia Antiqua», t. II, Poznań, 1949—1950, s. 6.

¹⁰ P. Thieme. Studien zur Indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952, S. 46, u. a.; H. Otten. Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958, S. 139—140; M. Vieyra. Ciel et enfers hittites (à propos d'un ouvrage récent). «Revue d'assyriologie et archéologie orientale», v. 59, 1965, № 3, p. 128; J. Puhvel. (Meadow of the Otherworld' in Indo-European tradition. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd. 83, 1969; V. V. Иванов, V. N. Топоров. A comparative analysis of the group of the Baltic mythological terms from the root **vel-*. «Baltistica», VIII (2). Vilnius, 1973.

¹¹ См. подробнее: В. В. Иванов. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным. «Вестник истории мировой культуры». 1957, № 1.

¹² В. Н. Топоров. Slovenica. «Вопросы славянского языкознания», вып. 4, М., 1958, стр. 92—93; В. В. Иванов. К этимологии русского *пасты*. В сб. статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. М., 1961, стр. 111—119.

4. Основным преимуществом указанных лексических реконструкций является то, что они имеют дело одновременно с достаточно широким кругом значений соответствующих терминов, которые соотносимы с несколькими аспектами древнеславянской и общеиндоевропейской культуры. Поскольку целью диахронической типологии является выявление некоторых импликаций (типа «если для материальной культуры данного общества реконструируется роль развитого скотоводства, то проекция скотоводческих отношений обнаруживается и в сфере религии»), ключевые слова данной области, совмещающие несколько соответствующих значений, позволяют проверить надежность реконструкций. Восстанавливаемый тип культуры (как материальной, так и духовной) предполагает несколько разнородных следствий. Если лексические реконструкции, каждая из которых осуществляется порознь, все в целом соответствуют единому типу культуры, то это позволяет считать надежным восстановление всего культурного типа и, вместе с тем, дает дополнительные критерии для проверки реконструкции значений отдельных слов. Сказанное можно пояснить на примере, относящемся к изучению распространения колесных повозок и коней у индоевропейских племен. Как давно предполагал выдающийся археолог Чайлд, диффузия колесных повозок, запряженных конями, могла совпадать с путями миграции ранних индоевропейских племен в пору их разделения¹³. Этот вывод археолога совпадает с лингвистическими данными, которые подтверждают наличие соответствующей терминологии во всех древних индоевропейских языках. Вместе с тем индоевропейские диалекты в этом отношении достаточно сильно отличаются друг от друга. Показательно наличие разных диалектных названий для колеса и колесницы, одно из которых есть в балтийских языках (лит. *rātas*, мн. ч. *rātai* 'повозка, колесница'), как и в германских, кельтских, италийских, индо-иранских, а другое (ст.-сл. *коло*, *кола*) объединяет славянские с другими восточно-индоевропейскими (греческим, индоиранским) и некоторыми западно-индоевропейскими (среди них с теми же германскими), а также фригийским и тохарским. Реконструкция культуры, располагающей колесными повозками, предполагает ряд условий, необходимых для их изготовления, например наличие развитой металлургии бронзы¹⁴ и использование соответствующих видов деревьев, в частности горных пород¹⁵. В свете этих импликаций и недавних многочисленных находок наших археологов на Кавказе очерчивается достаточно ограниченный ареал возможного очага диффузии колесных повозок, охватывающий Закавказье и прилегающие области Древнего Ближнего Востока. Для общеиндоевропейского восстанавливаются как упомянутые термины, обозначающие повозку и ее части (рус. *воз*, *ось* и т. д.), так и название коня (в славянском замененное другим и, возможно, отраженное только косвенно — в заимствованном названии осла — ст.-сл. *осьльъ*, ср. родственное арм. *eš* 'осел' < **ekwo-* 'конь'¹⁶ при важной типологической параллели: шумерск. ANŠU.KUR.RA 'горный осел', в позднейших

¹³ V. G. Child. Prehistoric migrations in Europe. Oslo, 1950. Ср. также: В. В. Иванов. Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка. «Вопросы языкознания», 1956, № 2.

¹⁴ Этот тезис был развит в ряде работ Чайлда, в частности в его статье: V. G. Child. The diffusion of wheeled vehicles. «Ethnographisch-Archäologische Forschungen», II. Berlin, 1954.

¹⁵ S. Pigott. The beginnings of the wheeled transport. «Scientific American», vol. 219, 1968, № 1, p. 85—86; е г о ж е. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence. «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 34. London, 1969, p. 266—318.

¹⁶ C. Watkins. Language of gods and language of men; remarks on some Indo-European metalinguistic traditions. В сб. «Myth and law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European comparative mythology». Berkeley — Los Angeles — London, 1970, p. 7.

клинописных текстах используемое как обозначение 'коня') и бронзы, а также ряд обозначений тех деревьев, из которых могли изготавливаться колесницы, и термины, обозначающие отдельные части упряжи (дышло, ярмо — слов. *oǰé*, ст.-сл. *уго*, и т. п.). Поэтому реконструируемая индоевропейская культура скорее всего должна быть приурочена к области, находившейся в пределах раннего очага диффузии колесных повозок. Давно установленный факт постепенного движения западноазиатских форм колесных повозок через Северное Причерноморье в Центральную Европу¹⁷ подтверждается новейшими археологическими открытиями в Венгрии¹⁸, в свете которых делается вывод о том, что культура, характеризовавшаяся наличием изделий из бронзы (и меди) и колесных повозок, из Северного Причерноморья в конце III тысячелетия до н. э. проникла в долину Дуная. С другой стороны, западноазиатский тип упряжи начиная с XV в. до н. э. распространяется в евразийских степях¹⁹. Указанные процессы хронологически и пространственно могут быть соотнесены с миграцией индоевропейских племен, часть которых, включавшая и носителей того диалекта, из которого позднее развился праславянский, переселилась из Западной Азии в Северное Причерноморье и далее двигалась на запад²⁰. Общеиндоевропейские истоки можно предположить и для целого комплекса ритуалов, связанных с культом коня. На этом пути открываются широкие возможности для сопоставления археологических свидетельств с данными ранних письменных источников. Представляется, в частности, возможным, что обычай наряжения коней в маски, отраженный в житии Даниила Галицкого (см. Ипатьевскую летопись под 1252 г.), имеет общее происхождение с теми масками коней-грифонов в пазырыкских курганах, которые сопоставляются с представлениями о «небесных конях», распространившимися в Восточной Азии благодаря позднейшим миграциям индоевропейцев-тохар на восток²¹. С той же символикой коня как птицы, подтверждаемой разными индоевропейскими культурными и языковыми традициями, связан и обычай украшать крыши домов двумя коньками (или двумя изображениями птиц), причем в германском ареале устойчиво сохраняется соотнесение этих двух коньков с двумя «конскими» именами дуальных вождей (*Hengest* и *Horsa*), функции которых разъясняются из реконструированной для общеиндоевропейского дуальной социальной организации²². В восточнославянских, в том числе и в новгородских, обрядах принесения коня в жертву при закладке дома²³

¹⁷ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953, стр. 301—302.

¹⁸ I. Bóna. Clay models of bronze age wagons and wheels in the middle Danube basin. «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XII. Budapest, 1964; M. Gimbutas. Bronze age cultures in Central and Eastern Europe. The Hague, 1965.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о всадниках Поволжско-Уральских степей. «Советская археология», 1961, № 4; T. Sulimirski. Prehistoric Russia. An outline. London, 1970, p. 275.

²⁰ Применительно к праславянам указанный процесс обрисован в статье: Z. Golab. «Kentam» elements in Slavic. «Lingua poznaniensis», XVI. Warszawa — Poznań, 1972, p. 76 a. f. Ср. также: M. Gimbutas. The slavs. London, 1971.

²¹ E. G. Pulleyblank. Chinese and Indo-Europeans. «Journal of the Royal Asiatic Society», London, 1966, p. 34; ср. близкие выводы и в статье: П. М. Кожин. К вопросу о происхождении иньских колесниц. «Сборник Музея антропологии и этнографии», XXV, II., 1969.

²² D. Ward. The Divine Twins. Berkeley and Los Angeles, 1968; В. В. Иванов. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках. «Балто-славянский сборник», М., 1972.

²³ В. Г. Митронов. Языческое жертвоприношение в Новгороде. «Советская археология», 1967, № 1. Существенный интерес представляет сопоставление со сходными южнославянскими и другими балканскими обрядами (G. Vrabie. Baladă populară româna. București, 1966, p. 69 и след.; M. Eliade. Comentarii la legenda

можно видеть подтверждение того, что в символах (на крыше) и в их названиях отражена особая обрядовая роль головы коня, доказываемая и фольклорными свидетельствами. На славянской почве достаточно хорошо засвидетельствован и культ двух мифологических близнецных существ, связанных с конями, который позднее отразился в христианизированных образах двух святых — коневодов Флора и Лавра²⁴. Функция соответствующих близнецных божеств, сходных с древнеиндийскими ашвинами (от др.-инд. *aśva-* < **ekwo-* 'конь'), восстанавливается благодаря реконструкции социальной структуры, где каждое из таких божеств соотносено с одним из дуальных предводителей и с одним из рядов символической двоичной классификации²⁵. Таким образом, исследование проблематики индоевропейских и праславянских обозначений повозки и упряжи связывается как с другими аспектами изучения истории славянской материальной культуры, так и с реконструкцией основных характеристик духовной культуры и социальной организации. Реконструкция каждого из отдельных звеньев в этой цепочке взаимосвязанных явлений могла бы остаться спорной, но наличие определенных отношений импликации между ними доказывает вероятность всей системы в целом.

5. На основании проведенных в последние десятилетия исследований в области лингвистической реконструкции индоевропейских и праславянских древностей достигнуты существенные результаты, которые должны постоянно учитываться и представителями смежных дисциплин, занимающихся восстановлением дописьменной истории славян. Реконструирован набор природных реалий, позволяющих дать достаточно точную экологическую характеристику той природной среды, к которой относились названия животных и растений в праславянском и общиндоевропейском. Для историка славянских древностей первостепенное значение имеет вывод автора новейшей монографии об индоевропейских названиях деревьев, согласно которой праславянский лучше всех других групп индоевропейских языков сохранил индоевропейскую систему обозначения деревьев²⁶. Из этого следует, что «носители общеславянского языка в общеславянский период жили в экологической зоне (в частности, определяемой по древесной флоре), сходной или тождественной соответствующей зоне общиндоевропейского, а после общеславянского периода носители различных славянских диалектов в существенной степени продолжали жить в подобной области»²⁷. С точки зрения отмеченной выше существенной особенности лексических реконструкций, которые благодаря многозначности значений основных терминов могут относиться одновременно к нескольким аспектам культуры, следует подчеркнуть, что в праславянский период достаточно хорошо сохраняются многообразные семантические внутритекстовые связи, позволяющие восстановить культовую роль отдельных деревьев. В частности, славянские и балтийские языки

Meșterului Manole. București, 1943), достаточно древний характер которых подтверждается свидетельствами византийских авторов (см. сводку их данных и сравнительно-этнографический анализ в работе: Д. К. Зеленин. Тотемы—деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.—Л., 1937, стр. 10—12).

²⁴ Н. В. М а л и ц к и й. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства. «Известия Академии Истории материальной культуры», 1932, т. XI, вып. 10, стр. 21—26.

²⁵ Относительно славян соответствующие выводы были намечены еще в 1941 г. А. М. Золотаревым; см. А. М. З о л о т а р е в. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; ср. рецензию: В. В. Иванов. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. «Советская археология», 1968, № 4. Ср. также сходный вывод о дуализме у славян: Е. G a s p a r i n i. L'orizzonte culturale del «mir». «Ricerche slavistiche», X. 1962, p. 3—21.

²⁶ P. F r i e d r i c h. Proto-Indo-European Trees. Chicago, 1970, p. 166.

²⁷ Ibid., p. 167.

и фольклорные традиции на этих языках свидетельствуют о непосредственном продолжении тех общиндоевропейских представлений, которые связывались с дубом и с дубовой рощей на горе как святилищем бога грозы (праслав. *Perunъ*, лит. *Perkūnas*, ср. лат. *quercus* <**perk^w*- 'дуб')²⁸. Такие засвидетельствованные в раннеславянских письменных источниках формулы, как *Перунов дуб* на горе (грамота 1302 г. галицкого князя Льва Даниловича, определяющая границы владений епископа Перемышльского), приурочены к той самой области (прикарпатской), древнее название которой в ряде западных индоевропейских диалектов образовано от общиндоевропейского имени бога-громовержца, ассоциировавшегося с дубом, ср. сохраненную у античных авторов кельтскую форму древнего названия Карпат 'Архонх (ὄρη), *Hercynia* (*silva*) при др.-в.-нем. *Virgunnia*, *Firgunnea* (Рудные горы), ср.-в.-нем. *Virgunt* (Судеты)²⁹, соответствующее лит. *Perkūnija* (первоначальное значение 'священная дубовая роща на возвышенности, посвященная богу-громовержцу').

Некоторые существенные архаизмы сохранены и в таких праславянских названиях животных, как термин, обозначающий лосося (водившегося не только в реках бассейна Балтийского и Северного морей, но и в реках Кавказа и других азиатских водных бассейнах), древность которого подтвердилась благодаря обнаружению соответствия не только в балтийском и германском, но и на крайнем востоке индоевропейского ареала — в тохарском (с развитием значений 'лосось' > 'рыба', связанным с миграцией тохар из водных бассейнов, где водились лососевые). Однако при непрерывности традиционных названий деревьев, легко объясняемой гипотезой о расселении из Северного Причерноморья (а еще ранее — Кавказа, древесная флора которого близка к северо-причерноморской), в отношении названий животных обнаруживаются некоторые существенные изменения, которые можно было бы объяснить, исходя из гипотезы о переселении древних индоевропейских племен с юга на север (соответственно с юго-востока на северо-запад), ср. сохранение только в южных индоевропейских языках названий таких животных, как 'лев' (арм. *inǰ*, др.-инд. *simha* с иранскими соответствиями).

Предложенная в последнее время гипотеза, согласно которой при миграции на запад носителей диалектов общиндоевропейского языка из первоначальной территории, находившейся в западной (или центральной) Азии, часть диалектов (в том числе и тот диалект, из которого развился праславянский) образовала вторичное единство в Северном Причерноморье³⁰, может найти подтверждение в таких лексических фактах, как название 'морья', общее для западных индоевропейских языков (гот.

²⁸ В. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. «Вопросы славянского языкознания», вып. 3, М., 1958; V. I v a n o v, V. T o r o g o v. Le mythe indo-européen du dieu de l'orage poursuivant le serpent; reconstruction du schéma. «Echanges et communications. Mélanges offerts à C. Lévi-Strauss à l'occasion de son 60ème anniversaire». Paris — The Hague, 1970, p. 1180—1206; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале). «Sign. Language. Culture». Paris — The Hague, 1970.

²⁹ Ср. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен. «Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений», М., 1973, стр. 22—25.

³⁰ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка. «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы». М., 1972, стр. 23. О культуре Европы до миграции индоевропейцев с востока ср. M. Gimbutas. *Cult, myth, and images of Old Europe, 7000—3000 B. C.* London, 1973; W. Goodenough. *Evolution of pastoralism and Indo-European origins*, В. сб. «Indo-European and Indo-Europeans», Philadelphia, 1970.

marei, др.-ирл. *muir*, лат. *mare*), балтийских (лит. *mārės*) и славянского (*morje)³¹, при наличии других терминов в остальных индоевропейских языках. Существенным в той же связи представляется и такое обозначение времен года, как 'осень', общее для славянских (ст.-сл. *jesenъ*, рус. *осень*, чеш. *jesen*), балтийских (прус. *assanis*), германских (гот. *asans* 'время уборки урожая') языков, но являющееся не общей их инновацией³², а архаизмом, подтверждаемым хет. *zeni* 'в конце лета' ('осеню'; *zen-* < **sen-* — сезон, включающий 8-й месяц; хет. форма локатива *zeni* тождественна др.-рус. *осени*, с.-хорв. *jeseni*).

6. Первоначальная западноазиатская территория реконструируемой общиндоевропейской культуры находилась достаточно близко к древнейшим центрам ближневосточных городских цивилизаций, что доказывалось как приведенными выше аргументами, касающимися распространения колесных повозок, так и фактами, подобными открытому В. М. Илич-Свитычем пласту семитских заимствований в общиндоевропейском. Этому географическому приурочению соответствует высокий уровень и технического ее развития, и соответствующих социальных установлений. Для общества этой эпохи устанавливается социальная дифференциация. В частности, необходимо подчеркнуть общиндоевропейский характер такого термина, как др.-рус. *людинъ* 'свободный человек', находящего наиболее точные соответствия в балтийском и германском³³. Восстанавливаемое на основании лит. *liūdis* и родственного латыш. *laudis* (в диалектах 'свои люди', ср. рус. *свои люди*) значение 'свободный земледелец, принадлежащий к своей замкнутой социальной группе' подтверждается явственно земледельческим характером архаических римских ритуалов типа *Liberalia* и слов других индоевропейских языков, родственных лат. *liber* 'свободный' от **leudh-* 'расти'³⁴. Противоположный латинский термин *seruus* 'раб' происходит из *pecu-seruus 'скотовод-пастух', что доказывается этимологическим отождествлением лат. *seruare pecus* 'сторожить скот' и авест. (*spā*) *pasuš. hauriuid* '(пес), сторожащий (мелкий рогатый) скот', ср. предполагаемую некоторыми исследователями связь с этим корнем этнонима *сербы*³⁵. Таким образом, противопоставление 'свободный' — 'несвободный, раб' возводится, по лингвистическим данным, к противопоставлению 'свой, земледелец' — 'чужой, скотовод' (к семантике последнего противопоставления можно привести многочисленные параллели из той же «Авесты»). В случае, если польск. *pasierb* 'пасынок' связано с тем же корнем³⁶, в семантическом развитии этой группы слов можно видеть частичную параллель и к соотношению между ст.-сл. *рабъ*, *работа*, гот. *arbaiŕs*, арм. *arbaneak* 'слуга, помощник' и греч. *ορφανός* 'сирота', которое

³¹ Существенность последнего термина для определения первоначальной прародины была отмечена еще проницательным Шахматовым; см. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка («Энциклопедия славянской филологии», вып. 11), Пг., 1915, стр. XIII, примеч. 2; см. там же о заимствовании термина в прибалтийско-финские языки.

³² Ошибочное предположение проф. Х. Станга (Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderüherstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen, Oslo 1972, S. 74), который не учел хеттского соответствия.

³³ Ср. Chr. S. Stang. Ibid., S. 32, 74.

³⁴ См. анализ семантического развития слов этой группы: E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européens. 1. Economie, parenté, société. Paris, 1969, p. 321—325; там же о лат. *liberi* 'дети'.

³⁵ A. Grégoire. L'origine et le nom des croates et des serbes. «Byzantion», 17, 1944—1945; K. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957, s. 147 и далее (там же ср. об объяснении этнонима *хорват* из скифской формы того же слова); иранизмом его считают и другие ученые).

³⁶ Ср. о разных этимологических объяснениях: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 53—54, там же об этнониме *сербы* как прилизме.

(как и близкие по значению слова западных индоевропейских языков) правдоподобно объясняется изменением ранних имущественных отношений.

Наличие терминов, относящихся к 'богатству', 'воровству' (ст.-сл. *maimti*, соответствующее хет. *tai-*), 'нищете' (ср. праслав. **ne-bogъ*, **u-bogъ*, архаизм которого подтверждается недавним обнаружением сходного по семантической структуре хет. *a-šiu-ant-* 'нищий', где *šiu-* < **dien-* 'бог'), подтверждает картину существенной экономической дифференциации общества; древность соответствующих социальных терминов удостоверяется такими точными сближениями, как ст.-сл. *нищъ* 'πτωχός' (рус. *нищий*, с.-хорв. *nišiti* 'бедный') и др.-инд. *nīstya* 'находящийся вовне = вне касты, чужой', где суффикс **tjo-* имеет общиндоевропейское значение, связанное с определением положения «по координатам не в материальном пространстве, а в социальном поле общества»³⁷.

К числу несомненных архаизмов праславянской социальной терминологии относится ряд деталей системы терминов родства, в частности разграничение кузенов по отцу и по матери³⁸, что соответствует данным о кросскузенном браке, вытекающем из дуально-эзогамной организации общиндоевропейского общества, предположенной Бенвенистом и вслед за ним рядом других исследователей³⁹. Ценность этого вывода состоит в том, что он согласуется с данными о наличии черт дуальной организации, сказывающихся в двоичной символической классификации в праславянском⁴⁰.

Относительная простота соответствующих структур в праславянской культуре не всегда может рассматриваться как архаизм. Теоретически можно считать с возможными упрощениями более сложных систем, унаследованных от общиндоевропейского; одним из факторов, способствовавших такому упрощению, могло быть удаление от тех ближневосточных культурных центров, близ которых локализуется общиндоевропейская территория. Но необходимо отметить, что целый ряд черт общиндоевропейских поэтических текстов, реконструированных в работах последних лет, достаточно хорошо отразился и в славянских традициях⁴¹. В частности, тема прославления боевой славы (слав. *slav-* < **kle/ou-*) предводителя дружины, восстановленная в качестве основной для индоевропейского прототипа древних индо-иранских, древнегреческих и древнегерманских фольклорных текстов⁴², достаточно хорошо отражена и в общеславянской ономастике, и в соответствующих фрагментах текстов, которые можно восстановить для праславянского периода⁴³.

7. Для смежных исторических дисциплин исключительное значение имеет то, что славянское языкознание, как и сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков, уделяет все большее внимание временному и пространственному приурочению тех процессов, которые

³⁷ E. Benveniste. *Hittite et indo-européen*. Paris, 1962, p. 104.

³⁸ Ср. М. В. Крюков. Система родства китайцев (Эволюция и закономерности). М., 1972, стр. 55—56 (к истории изучения и типологии древнерусской системы).

³⁹ См. Л. Г. Герценберг. Там же, стр. 67—72; там же новейшая литература вопроса, к которой следует теперь присоединить: Н. Р. G a t e s. The kinship terminology of Homeric Greek (Supplement to «International Journal of American linguistics», vol. 37, 1971, № 4), p. 45 и далее (там же об отличии балто-славянской терминологии от других диалектов).

⁴⁰ Ср. выше, сноску 25, а также: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

⁴¹ См. о метрике: С. W a t k i n s. Indo-European metrics and archaic Irish verse. «Celtica», vol. VI, 1962.

⁴² R. S c h m i t t. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.

⁴³ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. В кн. «Славянское языкознание», М., 1963.

устанавливаются на основе собственно языковых соотношений. Благодаря используемым в настоящее время способам определения относительной хронологии диахроническая лингвистика с достаточной четкостью разграничивает разные эпохи развития праславянского, начиная с той древнейшей эпохи, когда он практически неотличим от прабалтийского (поздним этапом эволюции которого в настоящее время он считается многими исследователями), вплоть до выделения отдельных диалектов в пределах еще реально единого общеславянского⁴⁴. Характер развития таких поздних заимствований общеславянской эпохи, как имя императора Карла Великого (771—814 гг. н. э.), дающее архаические фонетические рефлексy и словообразовательные производные (рус. *королевич*, пол. *królewicz*, с.-хорв. *кравлевић* — производное на *-itje- от основы на -jǐ- из основы на *-jǐ-⁴⁵), позволяет считать, что в этот период общеславянский язык был еще реальностью⁴⁶, хотя географическое и историческое расчленение общеславянской области уже началось с V—VI вв. н. э. благодаря движению славян на Балканы. Если языковые процессы этой эпохи поддаются соотнесению с археологическими данными, подтверждающими единство материальной культуры славян в VI—VII вв. н. э.⁴⁷, то значительно более сложным остается вопрос о соотнесении самых ранних этапов эволюции праславянского языка с конкретными археологическими данными. Существенно продвинувшиеся в последние годы исследования гидронимики верхнего и правобережного Поднепровья и Повислшья очень ценны для определения тех этнических слоев, которые на этих территориях могли предшествовать праславянам, но их значение особенно велико именно по отношению к наиболее древним эпохам ввиду исключительной архаичности названий рек (прежде всего крупных). Для периодов же, непосредственно предшествовавших появлению письменных памятников, гидронимика дает сравнительно мало. Так, выделение венетского пласта гидронимов в Северной Польше и иллирийского в южной Польше⁴⁸ еще не может служить достаточным аргументом для описания пути славянских миграций, так как пережиточное сохранение названий рек на протяжении исключительно больших временных интервалов делает гидронимику инструментом более мощным, чем те тонкие методы, которые были бы нужны по отношению к хронологически менее удаленному периоду.

Основные этапы развития праславянского языка лежат между концом общеславянской общности в I тысячелетии н. э. и предполагаемой миграцией западных индоевропейских племен из Азии в Северное Причерноморье (или на Балканы), начавшейся вскоре после разделения индоевропейских диалектов около III тысячелетия до н. э. Для наиболее ранних этапов этого развития реальной оказывается не столько конкретная локализация праславян, сколько определение места праславянского и прабалтийского среди других близких индоевропейских диалектов.

⁴⁴ H. B i r n b a u m. Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslawischen. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXXV, H. 1, 1970; e го же. Problems of typological and genetic linguistics viewed in generative framework. The Hague—Paris, 1970.

⁴⁵ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 295, § 418.

⁴⁶ А. М. Селищев. Славянское языкознание. т. I. М., 1941, стр. 15.

⁴⁷ В. Д. Баран. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; см. там же о выделении двух основных типов раннеславянской культуры. Диалектные различия в пределах позднего общеславянского суммированы в кн. A. Furdal. Pozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głuosowego. Wrocław, 1961; H. B i r n b a u m. The dialects of Common Slavic. «Ancient Indo-European dialects». Berkeley — Los Angeles, 1966.

⁴⁸ T. M i l e w s k i. Nazwy z obszary Polski podejrzane o pochodzenie weentyjskie lub iliryjskie. «Slavia Antiqua», XI, 1964, s. 37—86.

В частности, исключительный интерес представляет выявление некоторых социальных терминов, общих только для германского, балтийского и славянского и позволяющих предполагать лексическую инновацию в таких важнейших для общиндоевропейской лексики областях, как терминология дара и обмена: ст.-сл. *другъ*, выступающее, как и соответствующие балтийские и германские термины⁴⁹, в качестве замены термина взаимности типа др.-инд. *ari*, хет. *araš*, ср. хет. *araš aran* 'друг друга'; ст.-сл. *дѣль*, *дѣлти*⁵⁰; ср. также характерные соответствия между ст.-сл. *гость* и др.-исл. *gestr* 'гость' (в том числе о боге), лат. *hostis*; ст.-сл. *господь*: лат. *hospēs* и т. д. Для определения места праславянского в кругу родственных диалектов много дает выявляемая в последнее время специфика грамматической и акцентологической систем балтийских и славянских языков, сохранивших целый ряд архаизмов, утраченных в древнегреческом, армянском и индо-иранских языках, где морфология глагола подверглась существенной перестройке. Поэтому объединение этих языков в восточно-индоевропейскую группу вместе с балто-славянским⁵¹ только на основании немногих фонологических критериев (таких, как развитие заднеязычных и связанного с ним изменения *s в определенных позициях⁵²) оказывается несостоятельным. Благодаря этому грамматические исследования последнего времени подтверждают возможность отнесения балтийских и славянских языков к западно-индоевропейской (по терминологии Мейе и Порцига) или «древнеевропейской» (по терминологии Краэ) группе индоевропейских диалектов, что давно уже стало вероятным благодаря исследованию их лексики⁵³. Однако оба эти термина едва ли можно считать удачными, если учесть, что они относятся к периоду совместного обитания носителей этих диалектов в Северном Причерноморье. Последняя локализация, согласующаяся и с приведенной выше характеристикой славянских названий деревьев по отношению к индоевропейским, позволяет думать, что передвижение носителей прабалтийского языка на север из этой области, вызвавшее существенные изменения в отношениях между балтийскими и славянскими языками, не может датироваться достаточно древним временем. К существенно более поздней эпохе, связываемой с вторичным появлением носителей восточноиранских языков в Северном Причерноморье, относятся те лексические связи праславянского с иранским (в частности, в религиозной терминологии), которые всего отчетливее выявляются по мере привлечения новых данных иранских языков⁵⁴. Совместное изучение указанных ранних эпох в истории праславян оказывается возможным прежде всего на основе лингвистических данных, остающихся поэтому центральными для всей проблематики славянского этногенеза.

⁴⁹ Ср. Chr. S. Stang. *Ibid.*, S. 73.

⁵⁰ *Ibid.*, S. 17 и 70 (со ссылкой на анализ данной группы слов у Н. С. Трубецкого).

⁵¹ См. В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.

⁵² Ср. о балто-славянском в этой связи: H. Andersen. On some old Balto-Slavic isoglosses. «*Donum Balticum*». Stockholm, 1970, p. 14 и след.

⁵³ Ср. выводы последней книги Станга: Chr. S. Stang. *Ibid.*

⁵⁴ О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. «Этимология. 1965». М., 1967; В. Н. Топоров. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. «Этимология. 1967». М., 1969; В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам», IV, Тарту, 1969, стр. 50—51. О возможной роли индо-иранских племен в распространении коневодства в Северном Причерноморье ср. в связи со сказанным выше о коневодстве: Е. Е. Кузьмина. Навершие со всадниками из Дагестана. «Советская археология», 1973, № 2, стр. 187 и след.; см. также обзор новой литературы о миграциях индоевропейцев: J. Mallory. A short history of the Indo-European problem. «*The Journal of Indo-European studies*», vol. 1, 1973, № 1.

Ю. С. МАСЛОВ

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СОДЕРЖАНИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СОВЕРШЕННОГО/НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Грамматическая категория совершенного/несовершенного вида (в дальнейшем: СВ/НСВ), как она представлена в славянских языках, отмечена чертами неповторимого своеобразия. Недаром при изучении славянских языков неславянами именно категория вида усваивается с наибольшим трудом. И вместе с тем за нашими видовыми противопоставлениями очень часто стоят такие смысловые различия, которые никак не являются чем-то специфически славянским. Напротив, значения, передаваемые у нас видами, встречаются вновь и вновь в самых разных неславянских языках, индоевропейских и неиндоевропейских. Конечно, эти значения выражаются здесь в иных, часто несходных формах и по-иному комбинируются между собой и с другими, невидовыми значениями. Далеко не все языки имеют грамматическую категорию вида и систему взаимоотношений видовых форм; да и в тех языках, где есть категория вида и соответствующая система форм, эта категория и эта система обнаруживает лишь частичное, нередко даже лишь отдаленное сходство со славянскими СВ и НСВ. Но во всех языках, в их содержательной стороне, есть некая «зона смыслов», так или иначе выражаемых и соответствующих тому, что в славянских языках выражают виды (а также способы действия — Aktionsarten). Эта зона смыслов, языковых (т. е. так или иначе выраженных) значений, представляет собой функционально-семантическое поле, которое можно назвать, используя идеи и термин А. В. Бондарко, полем «аспектуальности»¹, или, если угодно, «акциональности»². Поле аспектуальности охватывает все то, что относится к качественно-временной и количественной характеристике явления, обозначенного глаголом,

¹ См. А. В. Бондарко. К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке). «Вопросы языкознания». 1967, № 2, стр. 18—31.

² См. W. Flämig. Zur Funktion des Verbs. III, Aktionsart und Aktionalität. «Deutsch als Fremdsprache», 2, 1965. Н. 2, S. 4—12. (Вместе с другими двумя разделами — «Tempus und Temporalität» и «Modus und Modalität» перепечатано также в сб. «Probleme der Sprachwissenschaft», Mouton, 1971 = *Janua linguarum, series minor*, № 118; S. G. Anderson. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem, I. Uppsala, 1972 (= *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Germanica Upsaliensia*, № 10). Я предпочитаю термин А. В. Бондарко как сохраняющий связи с терминами «аспект» (= вид) и «аспектология». Кроме того, при использовании термина «акциональность» возникает нежелательная омонимия с уже существующим термином; ср. «акциональный пассив» (= пассив действия), в противоположность «статальному пассиву» (= пассиву состояния).

к тому, как протекает и как распределяется это явление во времени³. Условно можно различать аспектуальность «качественную» и «количественную».

В каждом языке поле аспектуальности содержит, кроме специфических для данного языка (идиоэтнических) компонентов, также компоненты, свойственные целой группе родственных языков, и, наконец, определенный набор компонентов универсальных и почти универсальных, т. е. общих всем или же многим разным языкам мира⁴. В наши дни быстрое развитие аспектологических исследований на материале разных языков позволяет, пусть лишь в порядке сугубо предварительной и черновой наметки, построить модель некоторых универсальных компонентов аспектуальности, релевантных для функционирования грамматической категории СВ/НСВ в славянских языках.

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ «КАЧЕСТВЕННОЙ» АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

1.1. С качественной стороны явление, обозначенное глаголом, может мыслиться как действие (изменение, становление) или как недействие (состояние, статическое отношение). Основания деления лежат отчасти в области залоговых отношений (активность/неактивность субъекта, зависимость/независимость от его воли), но, наряду с этим, также и в сфере аспектуальности: противопоставление динамики и статики, изменения во времени и неизменности, становления и пребывания, в терминологии Ф. Рупдгрена — «Fiens» и «Stativ»⁵.

Противопоставление динамических и статических глаголов отмечается исследователями в качестве специфической черты иберийско-кавказских языков и, несколько иначе, в китайском и дунганском⁶. На аналогичном противопоставлении строилась, по-видимому, на определенном этапе своего развития и общиндоевропейская система глагола, как и система семитохамитская. Так или иначе различие действия и недействия проявляется и в таких языках, где на первом плане функционируют другие противопоставления.

1.2. Действия разделяются далее на предельные, т. е. имеющие естественный предел своего протекания, и не предельные, не имеющие такого предела. Предельное действие (П-действие) вызывает переход одного из актантов в какое-то вполне определенное (предусмотренное природой данного действия) новое состояние, с достижением которого действие «исчерпывает себя» и должно прекратиться, напр. 'засыпать', 'входить (в комнату)', 'надеть (шальто)', 'ложиться (на кровать)', 'перечисывать (страницу)' и т. д. Непредельное действие (НП-

³ Ср. общее определение вида у А. М. Пешковского: «Категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, М., 1938, стр. 122). Интересно отметить, что определение, довольно близкое к приведенному, дает Ч. Ф. Хоккет: «Aspects have to do, not with the location of an event in time, but with its temporal distribution or contour» (Ch. F. Hoekett. A course in modern linguistics, New York, 1958, p. 237).

⁴ Ср. С. Д. Кадцельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 11, 14 и др.

⁵ См. например, F. Rundgren. Das althebräische Verbum. Abriss der Aspektlehre. Stockholm — Göteborg — Uppsala, 1961.

⁶ В китайском выделяются «глаголы действия» и «глаголы недействия» (например, 'знать', 'называться', 'находиться'), однако некоторые глаголы, обозначающие состояние (обычно — зависящее от воли субъекта вроде 'стоять', 'сидеть на корточках' и т. п.), образуют подгруппу внутри глаголов действия (см. С. Е. Яхонтов. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957, стр. 78—83).

действие), напротив, является таким, «которое начинают не для того, чтобы его закончить»⁷; это действие не предусматривает достижения какого-либо предела и потому не несет в себе самом предпосылок своего прекращения, напр. 'ходить', 'хранить', 'учительствовать', 'суетиться', а также 'радоваться', 'любить', 'ненавидеть' и т. д. НП-действия не всегда могут быть отделены от состояний, которые ведь тоже, не имея развития, не имеют и естественного конечного предела.

Предельные и непредельные (терминативные и атерминативные) глаголы (П- и НП-глаголы) — или значения глаголов — выделяются (часто под другими названиями) исследователями самых разных языков. В германистике и романистике изучение соответствующих групп глаголов имеет уже устойчивую традицию. Наряду с лексематической предельностью/непредельностью (как свойством данного глагола) здесь выделяется также предельность/непредельность на уровне словосочетания (например, немецк. *gehen* — непредельный глагол, но сочетание *nach Hause gehen* выражает предельное значение). По-видимому, таково же положение в турецком и других тюркских языках⁸, вероятно, в финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, корейском и японском⁹ и т. д.

1.3. Внутри П-действий имеет место третье противопоставление: действие может достигать своего естественного предела и тем самым **з а в е р ш а т ь с я «с к а ч к о м»** — переходом одного из актантов в новое состояние, либо оно может **о с т а в а т ь с я «н е з а в е р ш е н н ы м»**, не доведенным до конца, не достигающим естественного предела. Именно это последнее значение выражается формами имперфекта П-глаголов, когда он выступает, например, в греческом и латыни, в качестве *imperfectum de sonatu*. Но более частым является другой случай: реальное достижение или недостижение предела действия может оставаться неизвестным говорящему или же быть несущественным в контексте данного высказывания. Важным может оказаться лишь тот момент или отрезок в протекании действия, когда предел еще не достигнут, независимо от того, известна ли «дальнейшая судьба» этого действия и какова она. В этом случае действие фиксируется в его незавершенном течении, в его процессе (например, протекающее действие как фон для другого события)¹⁰. Это осуществляется, в частности, с помощью форм имперфекта в латыни и неороманских языках, в албанском, армянском, в тюркских (тур. *-iyordu*) и др., с помощью форм, образованных от презентной основы в древнегреческом, форм типа *iaqtulu* в арабском и других семитских языках и т. д. То же значение «незавершенности» выражают перечисленные формы и у НП-глаголов действия, как и у глаголов недействия.

1.4. Состояния тоже подразделяются дальше, а именно на «п е р в и ч н ы е», или «просто состояния», и «в т о р и ч н ы е», или «состояния в результате действия» (обычно — предшествующего и законченного предельного действия). Формы языкового выражения тех и других состояний часто оказываются глубоко различными: обозначение вторичных состояний нередко опирается на обозначение предельного и притом завершенного

⁷ Формулировка, предложенная еще в прошлом веке Фр. Дием. См. F r. D i e z. Grammatik der romanischen Sprachen, III Teil. Bonn, 1844, S. 195.

⁸ См. L. J o h a n s o n. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. (=Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Turcica Upsaliensia, № 1), S. 194—200.

⁹ См. А. А. Х о л о д о в и ч. О предельных и непредельных глаголах. «Филология стран Востока», Л., 1963, стр. 3—11.

¹⁰ Так называемая «Inzidenzschema»; см. W. P o l l a k. Studien zum Verbalaspekt im Französischen. Wien, 1960, S. 129—140; е г о ж е. Aspekt und Aktionsart. «Linguistik und Didaktik», № 1, 1970, S. 43 и след.

действия. С другой стороны, и завершенность действия может быть выражена с помощью указания на созданное им состояние. Во многих языках отмечаются образования с комплексной семантикой (действие + состояние), с упором либо на действие («акциональный перфект» с результативным оттенком), либо на состояние («статальный перфект»), иногда — в рамках одной и той же полифункциональной формы. В ряде языков в глаголах состояния развивается в определенных типах контекстов ингрессивный оттенок (значение начала состояния).

1.5. Все отмеченные в п. 1.1—1.4 подразделения не являются «жесткими». Напротив, границы рубрик подвижны и текучи. В большом числе случаев существует возможность разного осмысления объективно одного и того же явления, и соответственно — его разной «языковой стилизацией». С этой подвижностью граней связана и диахроническая лабильность видо-временных систем (ср. хотя бы семантическую эволюцию древнего индоевропейского перфекта в разных ветвях индоевропейской семьи или во многом сходную эволюцию более молодых аналитических перфектных образований), явления «возобновления вида», как отмеченные в истории ряда языков, так и постулируемые в порядке реконструкции¹¹.

1.6. Аспектуальные значения, перечисленные в п. 1.1.—1.4, своеобразно комбинируются в рамках категории СВ/НСВ славянских языков. В современном русском дело обстоит следующим образом (мы оставляем пока в стороне выражение многократности).

1.61. Обозначение «просто состояний» (включая статические отношения вроде 'весить', 'стоять', 'принадлежать' и т. п.) и обозначение НП-действий осуществляется с помощью НСВ, а точнее — с помощью глаголов *imperfectiva tantum* (НП-глаголов *стоять*, *бегать*, *быть*, *принадлежать* и т. д.). Правда, в ряде случаев могут быть использованы также образования СВ, именно — глаголы ограничительных способов действия вроде *постоять*, *побегать*, *пробыть*, но это связано с «количественной» аспектуальностью, о которой речь будет ниже (см. 2.33).

1.62. Область П-действий составляет главную зону противостояния СВ и НСВ, причем в этой зоне используются СВ- и НСВ-формы одних и тех же П-глаголов (*заснуть/засыпать*, *войти/входить*, *переписать/переписывать*, *дать/давать* и т. д.) и пары глаголов, связанных между собой видовой соотносительностью при минимальном лексическом различии, типа *писать* — *написать*, *желтеть* — *пожелтеть*¹². СВ применяется здесь, если указывается, что предел был или будет достигнут (*Он заснул*, *Я переписал статью*, *Листья пожелтели*, *Можно войти?*), а НСВ — в остальных случаях, т. е. прежде всего при недостижении предела (*Он уже засыпал*, *как вдруг раздался громкий стук в дверь*; *Я давал ему эти словари, но он не взял их*) и, чаще при неизвестности или несущественности в данном контексте достижения/недостижения предела (*Когда он переписывал статью, в комнату влетела бабочка*). Кроме того, НСВ может, а иногда даже должен быть употреблен и при заведомой достигну-

¹¹ См. статьи Е. Куриловича по вопросам аспектологии, собранные в сб. его работ «*Esquisses linguistiques*» (Wrocław — Kraków, 1960); а также: J. K u r y ł o w i c z. *The inflectional categories of Indo-European*. Heidelberg, 1964; е г о ж е. *Notes de conjugaison I—II*. «*Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*», XXVIII—XXIX, 1971; см. и работы Ф. Рундгрена, в особенности F. R u n d g r e n. *Erneuerung des Verbalaspekts im Semitischen*. Uppsala, 1963.

¹² Как известно, традиционной является одинаковая трактовка видовой соотносительности и в типе *заснуть/засыпать* и т. д. (где НСВ образован от СВ способом имперфективации) и в типе *писать/написать* (где СВ образован от НСВ присоединением приставки). Обоснование разного подхода к одному и другому типу см. в статье: Ю. С. М а с л о в. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и в болгарском языках). В кн. «Славянская филология». Л., 1964, стр. 82 и сл.

Таблица 1

Универсальные компоненты «качественной» аспектуальности и их выражение с помощью СВ и НСВ (применительно к однократным действиям и состояниям)

Явления, обозначаемые глаголами		Передаются в русском и других славянских языках с помощью		
действия	предельные	достигающие предела	СВ (иногда НСВ) } формами II-глаголов (и парами типа <i>писать</i> — <i>написать</i>)	
		рассматриваемые в течении, независимо от достижения/недостижения предела		НСВ
		не достигающие предела		НСВ *
непредельные		НСВ *	} НП-глаголами imperfectiva tantum	
Недействия (состояния и статические отношения)	первичные	НСВ *		
	вторичные	особыми формами СВ и производными от СВ (иногда — и от НСВ)		

* Иногда также в порядке выражения «количественной» аспектуальности с помощью СВ — глаголами ограничительных способов действия (см. 2.33).

гости предела действия — в случаях факультативной или обязательной нейтрализации видового противопоставления (например, в историческом настоящем) и в некоторых других случаях, рассматриваемых ниже (см. 3.2). С другой стороны, у глаголов ограничительных способов действия вроде *пописать*, *почитать*, образованных от глаголов, способных иметь предельные значения, СВ используется и при заведомой недостижимости естественного предела (*Немного пописал и бросил; Он, правда, почитал «Критику чистого разума», но не прочитал ее всю*). Это употребление связано с «количественной» аспектуальностью и будет рассмотрено ниже (см. 2.33).

1.63. Состояния, возникающие в результате законченного II-действия, обозначаются особыми формами СВ — предикативными причастиями, деепричастиями, иногда и прошедшим на -л, например, в *Стол накрыт, Письмо отправлено, Он был выпивши, Скалы нависли над морем*. Ср. и непредикативное употребление причастий и адъективированных причастий со значением «окачественного» вторичного состояния — от СВ-основ (*открытый, заснувший, заплесневевший и заплесневелый* и т. д.), иногда и от НСВ-основ (*мытый, жареный, беглый, рослый* и др.) и даже от основ глаголов состояния (*бывший, лежалый* — где состояние есть результат предшествующего состояния, а не предшествующего действия: раньше был и теперь является бывшим, долго лежал и потому теперь является лежалым, недоброкачественным).

1.64. Сказанное в предыдущих разделах о русском языке *mutatis mutandis* относится и к другим славянским. Все это можно подытожить в таблице (см. табл. 1). Мы видим, что между выделенными аспектуальными значениями и членами оппозиции СВ:НСВ есть определенная связь, которая, однако, не является отношением взаимно-однозначного соответствия. Грамматическая видовая оппозиция отнюдь не изоморфна тем

семантическим оппозициям, которые выражаются с ее помощью. Но картина станет еще более сложной, когда кроме качественной мы учтем также и количественную характеристику явления, обозначенного глаголом.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ «КОЛИЧЕСТВЕННОЙ» АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

2.1. Явление, обозначаемое глаголом, может мыслиться как однократное (разовое), многократное (повторяющееся), либо как существующее постоянно, всегда. Однократное явление может обладать разными степенями длительности, а кроме того длительность по-разному комбинируется с многократностью. Повторяемость, в свою очередь, является ограниченной или неограниченной, регулярной или нерегулярной и т. д. Все эти и иные подобные различия «количественной» аспектуальности выражаются в языках мира с помощью лексических, словообразовательных, словоизменительных и синтаксических средств, а чаще всего — сочетанием средств разных уровней. Большой материал по «глагольной множественности» из нескольких десятков языков разной структуры и разных семей собран в монографии В. Дресслера¹³.

Применяемый здесь термин «количественная аспектуальность» в значительной мере условен. В ряде случаев количественные различия приобретают отчетливые качественные оттенки.

2.2. В славянских языках выражение количественно-аспектуальных значений глубоко затрагивает категорию СВ/НСВ. Рассмотрим положение дел в русском, отметив, однако, что в некоторых деталях оно отличается от положения в других славянских языках.

2.3. При обозначении однократных, разовых явлений действуют следующие правила.

2.31. Если речь идет об однократном явлении, степень длительности которого несущественна в данном контексте и не указывается специально, выбор вида осуществляется на основе вышележащих положений, касающихся выражения качественной аспектуальности.

2.32. Если подчеркивается длительность однократного действия или состояния, по границы длительности не указываются хотя бы приблизительно, используется НСВ. Показателями неограниченной длительности явления или неограниченного развертывания процесса служит слово *всё*, в ряде случаев (при нарастании процесса) сочетание *всё* с формами сравнительной степени (напр. *все больше*), удвоение глагола и т. д.: *Он всё молчал; все писал и писал; он все толстел; лодку всё дальше (и дальше) уносило от берега; сидишь-сидишь*. Слово *всё* в указанном значении никогда не сочетается с СВ. Встречающееся иногда удвоение форм СВ (*уж я ножичком полосну, полосну*) выражает интенсивность действия и различные эмоционально-экспрессивные оттенки, но не значение неограниченной длительности.

2.33. При выражении ограниченной длительности наряду с НСВ в определенных случаях встречается и СВ. Выражение с помощью НСВ возможно, разумеется, во всех случаях: *Он два часа переписывал работу, Он будет бегать по городу до вечера, Всю неделю сидел дома* и т. д. (также с обстоятельствами ограниченной, но точно не указываемой длительности — *долго, недолго, некоторое время* и т. п.). Параллельно существуют, как известно, специальные образования СВ со значением ограниченной длительности, а именно глагола ограничительных способов действия —

¹³ W. Dressler. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien, 1968.

делимитативного (*пописать, побегать, посидеть* и т. д.) и пердуративного (*пробегать, просидеть*; при случае возможно и *прописал всю ночь* как и другие подобные окказионализмы).

Делимитативные и пердуративные глаголы чаще всего образуются от НП-глаголов и по своей лексической семантике являются, несмотря на СВ, непредельными: соответствующие действия или состояния (бегание, сидение и т. п.) сами по себе не имеют естественного предела. Значение СВ связано здесь с внешним, чисто временным пределом, с определенной «порцией времени», ограничивающей течение действия или состояния. Это то, что Дж. Грубор, исследовавший аналогичные факты сербохорватского языка, обозначил термином «временска извршеност»¹⁴. Характерно, что делимитативные (и редкие пердуративные) глаголы, образованные от глаголов, способных иметь предельные значения, таких как *писать, читать, варить* и т. д., как отмечено выше (1.62), тоже не предполагают, несмотря на свою принадлежность к СВ, достижения соответствующими действиями их естественного предела. *Пописал, почитал* указывают лишь на то, что работа продолжалась некоторое время, а затем была прекращена и, скорее всего (что подсказывается контрастом с *написал, прочитал* и т. п.), оставлена незаконченной. Перед нами снова лишь «временска извршеност», как бы обрубаящая естественное течение действия.

Между выражениями типа *стоял полчаса* и *постоял полчаса* (или *стоял полчаса* и *простоял полчаса*) — отношения синонимии, подходящие под понятие «конкуренции» СВ и НСВ (и, можно добавить, конкуренции способов действия): основной смысл высказывания остается тем же, изменяются лишь оттенки значения, — оттенки, по-видимому, относящиеся не к числу универсальных компонентов аспектуальности, а к числу ее специфических компонентов. Во всяком случае оттенки эти вряд ли могут быть отражены в переводе на язык, не имеющий СВ и НСВ и ограниченных способов действия (Другое дело *постоял* без неглагольных показателей длительности, например, *Он постоял и ушел*; в этом случае «малая мера времени», выраженная приставкой, обязательно должна быть выражена в переводе соответствующим лексическим добавлением, например в немецком *er stand eine Weile da...*).

2.4. При обозначении мн о г о к р а т н ы х, повторяющихся действий и состояний, наиболее важным различием для русского и других славянских языков является различие ограниченной и неограниченной кратности.

2.41. Нормальное, стилистически немаркированное средство обозначения неограниченной кратности, а также обычности явления — НСВ: *Он ежедневно переписывает по 2 страницы; Редко засыпает раньше часа; На этом диване часто сидели*. Параллельно существует выражение неограниченной повторяемости также с помощью СВ в так называемом наглядно-примерном значении, когда повторяющееся и даже обычное действие изображается как бы на наглядном примере одного конкретного случая: *Он ложится в 12, но редко заснет раньше часа*. СВ в наглядно-примерном значении факультативен (в приведенном сейчас контексте всегда возможно *засыпает*), стилистически окрашен (выделяется особой экспрессивностью и «пластичностью», уместен в художественной и разговорной речи, но не в деловых стилях письменной) и ограничен рядом дополнительных условий, описанных в литературе. Например, в русском языке невозможно **часто заснет раньше часа* (без введения в контекст указания

¹⁴ См. Б. Грубор. Аспектна значења. «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», knj. 293, 1953, стр. 8.

на другое соотносительное действие: *а потом проснется среди ночи*), и вовсе невозможно *редко (часто и т. д.) заснул.

В ряде славянских языков, в частности в западнославянских, СВ в наглядно-примерном значении распространен шире, чем в русском. Так, в польском он свободно сочетается, в том числе и в формах прошедшего времени, с *często, często gęsto* и т. д. (аналогично также в чешском и словацком). Однако и в этих языках основным средством выражения неограниченной кратности является, конечно, НСВ.

Сходные отношения «конкуренции» видов наблюдаются при выражении способности, умения, готовности совершить действие (оттенки, развивающиеся на базе значения неограниченной кратности). Ср. НСВ: *Она поет и играет на рояле* — СВ: *Она поет, и на рояле сыграт.*

2.42. Сочетание подчеркнутой длительности и неограниченной повторяемости действия или состояния имеет место при использовании обстоятельств типа *часами, неделями, по целым дням, по 2 часа, подолгу*. С этими обстоятельствами употребляются формы НСВ (*часами переписывал упражнения, по два часа сидел над задачами*), в частности — формы НСВ нескольких пердуративных глаголов (*просиживать, простаивать*), всегда выступающие только с неограниченно-кратным значением. Претеритальные формы СВ в подобных контекстах в русском языке невозможны, но презентные формы СВ в наглядно-примерном значении возможны и здесь: *Бывало по 2 часа просидит над задачей.*

2.43. О г р а н и ч е н н а я п о в т о р я е м о с т ь имеет место там, где соответствующие обстоятельственные слова (*трижды, несколько раз* и т. д.) или другие элементы контекста указывают на конечный (хотя и не всегда точно определяемый) ряд повторений действия или состояния. В русском и других славянских языках с обстоятельствами ограниченной повторяемости свободно сочетаются формы обоих видов. Ср. *Он три раза переписал (или переписывал) заявление*. Здесь оба выражения равноправны, хотя и отличаются некоторыми оттенками. С другими глаголами естественнее НСВ: *Пока вас не было, он уже три раза приходил сюда; Его два раза исключали из университета; Она дважды приносила мне эту книгу*. В этих примерах формы *пришел, исключили, принесла* воспринимались бы как неправильные, так как повторное выполнение соответствующих действий предполагает аннулированность результата предшествующего акта, а такая аннулированность имплицитруется формами НСВ в противоположность формам СВ¹⁵. При некотором изменении контекста наряду с *приносила* становится возможным *принесла*: *Она дважды принесла мне апельсины* (так как это были разные апельсины, в отличие от «этой книги» в предыдущем примере); ср. еще: *В докладе он трижды привел примеры из Задонщины* (но не **трижды привел своего ребенка на прием к врачу*). С другой стороны, сфера применения СВ при ограниченной повторяемости расширена в русском языке, по сравнению со сферой применения НСВ, за счет глаголов дистрибутивного способа действия (в русском все они — *perfectiva tantum*): *Все сотрудники переболели гриппом, Кошка переловила всех мышей*. Суммарное значение СВ выступает и в таких примерах как *Он со всеми поцеловался*, где при замене СВ на НСВ снимается ограничение кратности и возникает неограниченно-кратное значение (*Он со всеми целовался*).

¹⁵ Оттенок аннулированности результатов действия в формах НСВ отмечался в литературе по славянской аспектологии неоднократно. Последнее и наиболее развернутое описание относящихся сюда фактов русского языка дает Дж. Форсайт, обозначивший соответствующий оттенок удачным термином «two way action». См. J. Forsyth. A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970 p. 12—13 и др.

Таблица 2

Универсальные компоненты «количественной» аспектуальности и их выражение с помощью СВ и НСВ

Давления, обозначаемые глаголами		Передаются в русском и других славянских языках с помощью
Однократные	степень длительности особо не указывается	соответственно рубрикам табл. 1 (не считая примечания)
	подчеркнута неограниченная длительность	НСВ
	подчеркнута ограниченная длительность	НСВ (и СВ — глаголами ограничительных способов действия)
Различие существенно	однократности/многократности несущественно	НСВ
Многократные	неограниченно-кратные (включая длительно-кратные) и потенциальные	НСВ (и, с некоторыми прелятиями, также СВ)
	ограниченно-кратные	СВ и НСВ

2.5. Есть случаи, когда различие однократности/многократности оказывается несущественным; речь идет о том или ином факте вообще, безотносительно к тому, имел ли этот факт место один раз или же повторялся. В таких случаях используется НСВ: *Вы ему писали? Писал. Вы встречались (когда-нибудь) с NN? Так же: Вы бывали в Таллине?* (несмотря на то, что *бывать* — глагол многократного способа действия, в подобном вопросе не обязательно подразумевается многократность).

В противоположность этому формы СВ, если нет указаний на повторение действия, однозначно имплицитно означают однократность: *Я ему написал* — если не сказано, сколько раз и нет других элементов, свидетельствующих о многократности (напр.: *много писем*), то имеется в виду один раз. Также: *Он мне позвонил; Он побывал в Таллине; Перепишите эту страницу* и т. д.

2.6. Обозначение формами СВ и НСВ «количественной» аспектуальности подытожено в табл. 2. Мы снова отмечаем, что между аспектуальными значениями и членами грамматической оппозиции СВ : НСВ есть некоторая связь, но нет отношений взаимнооднозначного соответствия. Грамматические и смысловые оппозиции опять оказываются отнюдь не изоморфными друг другу.

3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

3.1. Изложенные выше соображения ни в коей мере не являются общим описанием семантики категории СВ/НСВ¹⁶. Нас интересовали только универсальные компоненты этой семантики, и даже уже — только те

¹⁶ Такие описания имеются в литературе по русской и славянской аспектологии. В частности, из числа последних работ см.: А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967; А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М., 1971; О. П. Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968; W. Smiech. Funkcje aspektów czasownikowych we współczesnym języku ogólnopolskim. Łódź, 1971; J. Forsyth. Ibid. и др.

из них, которые относятся к аспектуальности (ведь категория СВ/НСВ участвует и в выражении других, неаспектуальных значений).

3.2. В п. 2.5 были приведены примеры, относящиеся к так называемому общефактическому, или обобщенно-фактическому значению НСВ. Однако это значение выступает не только в случаях, когда различие однократности/многократности является несущественным, но и в ряде других, когда явно подразумевается или же прямо указана однократность, например: *Будете выходить на Невском? Однажды мне уже рассказывали эту историю.* В «семантическом спектре» НСВ это очень важное значение, но при современном состоянии исследований по общей и сопоставительной аспектологии решить вопрос о его принадлежности к универсальным или же к специфическим компонентам аспектуальности представляется затруднительным. Трудно с уверенностью сказать, отражает ли противопоставление конкретно-фактического значения СВ и общефактического значения НСВ (ср. *Вы не встретили NN?* и *Вы не встречали NN?*) какие-либо универсальные компоненты аспектуальности (или, может быть, какого-то другого функционально-семантического поля) или же здесь перед нами скорее специфическое смысловое различие, стоящее ближе к тем «коттековым» противопоставлениям, которые типичны для случаев «конкуренции» видов¹⁷.

Нужно, однако, подчеркнуть, что как бы ни решался вопрос о статусе общефактического значения НСВ, это значение заметно участвует в усложнении общей картины соответствий между выделенными выше аспектуальными значениями и выражающими их членами грамматической категории СВ/НСВ: именно это значение дает множество случаев, в которых при заведомой достигнутой пределе действия употребляется НСВ.

3.3. Мы не коснулись в предшествующем изложении некоторых дополнительных факторов, еще больше усложняющих картину соответствий между семантическими оппозициями и их грамматическим выражением. Но и сказанного достаточно, чтобы увидеть громадную сложность семантической структуры категории СВ/НСВ. Здесь причудливо переплетены полифункциональность и изофункциональность, антонимическая противопоставленность и синонимическая взаимозаменяемость грамматических форм. И все же, при всей сложности полученной картины и при отсутствии взаимнооднозначных соответствий между выделенными аспектуальными значениями и членами категории СВ/НСВ, можно отметить некоторые односторонне-однозначные соответствия, а именно: 1) действие, рассматриваемое в его течении, как процесс, вне мысли о достижении естественного («внутреннего») предела, как и об ограничении течения временным («внешним») пределом, «порцией времени»; 2) первичное состояние, рассматриваемое в его пребывании, вне мысли об ограничении «внешним» временным пределом; 3) явление, неограниченная длительность протекания или пребывания которого специально подчеркнута; 4) явление, рассматриваемое безотносительно к его однократности или многократности — все эти значения всегда выражаются в русском и в других славянских языках только формами НСВ. Перевернуть

¹⁷ В чисто логическом плане противопоставление конкретно-фактического и общефактического значения довольно близко к тому, которое Л. Юхансон обозначает термином «Prägnanzopposition» и констатирует в турецком (особенно — в сфере настоящего), а также в английском и в испанском (см. L. Johnson. Ibid., S. 118—193). Однако условия функционирования Prägnanzopposition в названных сейчас языках глубоко отличны от условий функционирования рассматриваемой оппозиции в славянском глаголе (что может быть связано с различием «ориентации», т. е. с направлением маркированности/немаркированности в одном и другом случае). Остается неясным и то, в какой мере Prägnanzopposition Юхансона может претендовать в качестве аспектуального значения на универсальную значимость.

эти положения, однако, нельзя: НСВ — «экстенсивный» член видового противопоставления, он фигурирует во всех клетках наших таблиц, т. е. обладает максимально широким семантическим спектром, и далеко не всякая форма НСВ выражает одно из перечисленных сейчас значений.

Что касается СВ, то в свете приведенных данных ему можно дать следующую характеристику: СВ не может обозначать течение процесса, пребывание состояния, неограниченную длительность. Он представлен в меньшем числе клеток наших таблиц, а в ряде клеток фигурирует с теми или иными ограничениями. Таким образом, он обладает более узким (более «интенсивным») семантическим спектром, чем НСВ, и все же, как мы убедились, спектром, достаточно разнообразным.

Если же мы захотим сформулировать тот общий положительный признак, который присущ разным употреблениям СВ, т. е. его «общее значение», мы вынуждены будем выйти за рамки универсальных компонентов аспектуальности, т. е. за рамки нашей темы. Потому что общее значение СВ (как, вероятно, и общие значения, выделяемые в других грамматических категориях разных языков) принципиально относится не к универсальным, а к специфическим компонентам в содержании языковых знаков. Общее значение есть обобщение, вырастающее на базе определенного набора частных значений. И хотя отдельные частные значения в той или иной мере являются отражением универсальных компонентов в содержании грамматических категорий, конкретный набор, конкретная комбинация частных значений и функций, закрепленных в том или ином языке за определенной грамматической формой, а следовательно и общее значение этой формы обычно составляют ее идиоэтническую специфику.

Т. И. ВЕНДИПА

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОГРЕССИВНОЙ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ КОНКУРЕНЦИЯ СУФФИКСОВ -IK(A), -IC(A) В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Бодуэновская палатализация заднеязычных согласных и связанные с ней проблемы являются одним из интересных и спорных вопросов славянского языкознания. Уже около ста лет (начиная с 1893—1894 гг., когда И. А. Бодуэн де Куртенэ описал и теоретически обосновал явление перехода заднеязычных в свистящие¹, названное впоследствии третьей палатализацией) среди ученых идут споры о фонетических условиях этой палатализации, о ее хронологических рамках, об отношении к первой палатализации, радиусе действия, регулярности — нерегулярности и т. д. По всем этим вопросам были высказаны разнообразные мнения, однако единства во взглядах ученых по ним до сих пор нет, и поиски новых решений продолжают.

Одной из важнейших отличительных черт третьей палатализации, как указывает С. Б. Бернштейн, является ее непоследовательность. «В совершенно тождественных условиях, в одних и тех же форматах она проявляется факультативно»² (примером могут служить колебания в образовании итеративных глаголов типа **narikati—naricati*, а также колебания суффиксов *-ika/-ica* в пределах одной лексемы). О причинах непоследовательности третьей палатализации были высказаны различные гипотезы, авторы которых объясняли это явление с фонетической, фонологической, акцентологической, стилистической, словообразовательной точек зрения. Не останавливаясь подробно на достоинствах и недостатках каждой из гипотез (этот вопрос может служить предметом специального исследования), можно сказать, что, несмотря на их многообразие, до сих пор нет достаточно ясного представления о причинах возникновения конкурирующих образований, их семантической структуре и лингво-географическом распространении. Следует, однако, отметить, что если вопрос об итеративных глаголах типа **narikati—naricati* в какой-то степени решен (формы с наличием третьей палатализации признаются церковнославян-

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Два вопроса из изучения о «смягчении» или палатализации в славянских языках. «Ученые записки Юрьевского университета», 1893, 2; е г о ж е. Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation). «Indogermanische Forschungen», Bd. IV, 1894.

² С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 208.

низмами)³, то вопрос о вариантных образованиях с суффиксами *-ika/-ica* до сих пор остается не решенным.

Более того, согласно традиционной точке зрения, факультативность или непоследовательность Бодуэновской палатализации характерна в основном для восточнославянского языкового континуума, так как в южнославянских языках процесс смягчения и перехода заднеязычных в свистящие (после определенных гласных переднего ряда и сонорного «r») прошел более последовательно; отклонения от этого процесса или колебания носят случайный характер и являются единичными. Однако исследование этого процесса в южнославянской языковой зоне⁴ позволило высказать сомнение в правильности этого предположения, так как колебания суффиксов *-ika/-ica* в пределах одной лексемы (или их словообразовательная конкуренция) оказались свойственны не только восточнославянским (а точнее великорусскому)⁵ языкам, но и южнославянским. Более того, как показало исследование, и в великорусской, и в южнославянской языковых зонах это явление распространено среди определенного круга лексики, а именно лексики фитонимического происхождения.

Итак, в южнославянских языках так же, как и в великорусском, представлено явление словообразовательной конкуренции суффиксов *-ika/-ica*, однако представлено оно в значительно меньших размерах и в семантическом плане более однородно. Среди южнославянских вариантных образований с суффиксами *-ika/-ica* так же, как и среди великорусских, можно выделить образования с абсолютно тождественным значением (т. е., по сути дела, словообразовательные дублиеты) и образования, имеющие близкое, но не тождественное значение. Однако ярче всего представлены образования, имеющие разное значение, образования, в которых различие форм влечет за собой и различие содержаний.

Что касается распространения лексических параллелей с суффиксами *-ika/-ica*, то обращает на себя внимание наличие их преимущественно в сербскохорватской и болгарской языковых зонах.

Особенно интересной оказалась сербскохорватская языковая зона. Здесь конкуренция исследуемых суффиксов выражена ярче всего, причем представлена она главным образом в лексике фитонимического происхождения: *+бедреника — бедреница — бедронец, Pimpinella* P (СБР)⁶; *+бетуника — бетуница — битуника — битуница* 'буквица, *Betonica officinallis* P (СБР); *бодлика — бодлица* 'чертополох, *Carduus* P (СБР); *буника — буница* 'белена черная, *Hyoscyamus niger* P (СБР); *+буњика — буњица* 'белена черная' (СБР); *+вјетреника — вјетреница* 'ветряница, *Anemone* P (СБР); *+вриштика — вриштица* 1. 'вереск обыкновенный, *Calluna vulgaris* P (СБР); 2. 'болотный вереск, *Erica tetralix* P; *грахорица — грахорица* 1. 'чина, *lathyrus* P (СБР); 2. 'горошек, *Vicia* P (СБР); *грашика — грашица* 'чина' (СБР); *+дарика — дарица* 'зубровка, *Hierochloa* P (СБР); *+дробника — дробница* 1. 'рябина, *Pirus silvestris* P (СБР); 2. 'черешня, *Prunus avium* P (СБР); *зеленика — зеленица* 1. 'самшит, *Vuxus sempervirens* P (СБР); 2. 'растение *ilex aquifolium* P (СБР); *јаглика — јаглица* 'примула, *Primula* P (СБР); *+јандрешика — јандрешница* 'цикорий, *Cicho-*

³ См. П. Потапов. К вопросу о так называемом третьем смягчении заднеязычных в славянских языках. «Научные записки Одесского пед. ин-та», 1941, т. VI, с. 129—150; М. Еžoва. Z problemów tak zwanej trzeciej palatalizacji tylnojęzykowych w językach słowiańskich. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968. С. Б. Бернштейн. Там же, стр. 210.

⁴ Исследования проводились на основе многочисленных словарей, справочников, ботанических указателей и т. д., ссылки на которые будут даны ниже.

⁵ Подробнее об этом речь идет в нашей статье «Конкуренция суффиксов *-ika/-ica* в восточнославянских языках» (в печати).

⁶ Знаком + отмечены образования, имеющие абсолютно тождественное значение. В скобках дается указание на источник. Список источников см. в конце статьи.

gium P (СБР); *јежика* — *јежица* 'мордовник, Echinops P (СБР); *јелика* — *јелица* 'ель, Picea P (СБР; MRWSK; RHSJ; TCXC); +*кирика* — *кирица* 'василек, Centaureum umbellatum' (СБР); +*каморика* — *каморица* 'растение Phillyrea latifolia P (СБР); *конопљика* — *конопљица* 'конопля, Cannabis P (СБР, MRWSK, RHSJ); +*корјеника* — *корјеница* 'корень' (MRWSK, RHSJ); +*крабљика* — *крабљица* 'бутень, Chaerophyllum P (СБР); *кукрिका* — *кукрица* 'почка' (MRWSK, RHSJ); +*леденика* — *леденица* 'растение Mesembryanthemum crystallicum P (СБР); +*љуљика* — *љуљица* 'плевел, lolium perenne P (СБР); *љутика* — *љутица* 'лук, Allium P (СБР); *медуника* — *медуница* 1. 'медуница, Pulmonaria P (СБР); 2. 'шалфей, Salvia glutinosa P (СБР); *метлика* — *метлица* 'попынь, Artemisia P (СБР); *метљика* — *метљица* 'тамариск, Tamarix P (СБР); *младица* 'молодой отросток' (MRWSK, RHSJ, TCXC); *млчица* — *млчица* 'молочай, Euphorbia P (СБР); +*опланика* — *опланица* 'камнеломка, Saxifraga P (СБР; MRWSK; RHSJ; TCXC); *оштрика* — *оштрица* 1. 'осока, Carex P 2. 'ежа, Dactylis P (СБР); *паприка* — *паприца* 'перец стручковый, Capsicum annuum P (СБР; MRWSK; RHSJ; TCXC); +*раника* — *раница* 'язвенник, Anthyllis P (СБР); +*рањеника* — *рањеница* 'язвенник' (СБР); *росика* — *росица* 'роза шиповника' (MRWSK, RHSJ); +*солика* — *солица* 'растение Ymber grandinis P (MRWSK, RHSJ); *срченика* — *срченица* 1. 'горечавка, Gentiana P (СБР); 2. 'пустырник, Leonurus P (СБР); +*тамарика* — *тамарица* 'тамариск, Tamarix P (СБР, СПР); +*тетика* — *тетивица* 1. 'майник, Smilacina P (MRWSK, RHSJ); 2. 'растение Smilax aspera P (СБР); *трстика* — *трстица* 1. 'испанский тростник, Arundo donax P (СБР); 2. 'камышник, Phragmites P (СБР); *турика* — *турица* 'репейник, Agimonia eupatoria P (СБР); +*црнопирика* — *црнопирица* 'пырей, Agropyrum P (СБР); *чемерика* — *чемерица* 'чемерица, Veratrum P (СБР, MRWSK, RHSJ, TCXC); *чубрика* — *чубрица* 1. 'микромерия, Micromeria P (СБР); 2. 'чабер, Satureja P (СБР); +*шапика* — *шапица* 'борщевик, Heracleum P (СБР); *шашика* — *шашица* 1. 'ситник, juncus P (СБР); 2. 'камыш, Scirpus P (СБР); *шеварика* — *шеварица* 'тростниковая или камышовая заросль' (MRWSK, RHSJ, TCXC).

Остальные образования с конкурирующими суффиксами *-ika/-ica* с семантической точки зрения довольно не однородны: здесь и обозначения лиц, и названия с предметно-бытовым значением, например: *живика* — *живица* 'живая изгородь' (RHSJ, TCXC); *зельника* — *зельница* 'пирог со шпинатом или щавелем' (MRWSK, RHSJ, TCXC); +*јараника* — *јараница* 'подруга, приятельница' (MRWSK, RHSJ); *липка* — *липица* 'древесина липы' (MRWSK, RHSJ); +*родика* — *родица* 1. 'родственница'; 2. 'двоюродная сестра'; 3. 'роженица'; 4. 'плодоносящее дерево' (MRWSK, RHSJ); +*трика* — *трица* 'разг. тройка (в игральные карты)' (MRWSK, RHSJ, TCXC); +*тропика* — *тропица* 'водянка' (MRWSK, RHSJ); *шибика* — *шибица* 'палочка, хлыстик' (MRWSK, RHSJ, TCXC).

Как видно из приведенного материала, значительную часть этих образований составляют названия с тождественным значением; все остальные образования имеют близкое, но не тождественное значение, т. е. они, как правило, совпадают в одном и расходятся в другом значении, например: *бодлика* 1. 'чертополох, Carduus P'; 2. 'татарник, Onopordon'; *бодлика* 'чертополох, Carduus P'; *конопљика* 1. 'конопля, Cannalis P'; 2. 'стебель конопли' (MRWSK, RHSJ, TCXC); *конопљица* 1. 'конопля, Cannalis P'; 2. 'вид птицы' (MRWSK; RHSJ) и т. д.

Кроме этих образований, в сербскохорватской языковой зоне зафиксированы также образования с суффиксами *-ika/-ica*, имеющие различное значение (не исключена здесь и омонимия корней), например: *борика* 1. 'пихта, Abies P (СБР); 2. 'сосна, Pinus P (СБР); 3. 'бор' (MRWSK,

RHSJ, ТСХС); *борица* 1. 'ядовитое растение, волчегодник, *Daphne* P (СБР); 2. 'рута, *Ruta* P (СБР); 3. 'марена, *Rubia tinctorum* P (СБР); *голика* 'болотный вереск, *Erica* P (СБР); *голица* 'персик, *Prunus persica* P (СБР) и т. д. Следует отметить, что таких образований зафиксировано значительно больше, чем образований с близким или тождественным значением (из-за недостатка места список этих образований здесь не приводится). Это дает основания предположить, что для сербскохорватского языка характерна в основном четкая семантическая дифференциация образований с суффиксами *-ika/-ica*, противопоставленность их по значению или по оттенкам значений (в говорах русского языка наблюдается несколько иное соотношение этих образований: чаще всего они имеют близкое или тождественное значение).

Следует отметить, также, что словообразовательный параллелизм суффиксов *-ika/-ica* широко представлен не только в говорах сербскохорватского языка, но и в литературном языке. Об этом свидетельствуют следующие образования, отмеченные в «Словаре хорватского или сербского языка» (Загреб, 1880—1958): *јелика* — *јелица* 'ель'; *коноплика* — *коноплика* 'конопля'; *корјеника* — *корјеница* 'корень'; *кукрика* — *кукрица* 'почка'; *младика* — *младица* 'молодой отросток, побег'; *опланика* — *опланица* 'камнеломка'; *наприка* — *наприца* 'перец'; *росика* — *росица* 'роза шиповника'; *тетивика* — *тетивица* 'майник'; *трстика* — *трстица* 'камышник'; *чемерика* — *чемерица* 'чемерица'; *шеварика* — *шеварица* 'тростниковая или камышовая заросль'; *живика* — *живица* 'живая изгородь' и т. д. В русском литературном языке такие образования отсутствуют, за исключением *метлика* — *метлица* 'метлица'; *чемерика* — *чемерица* 'чемерика', *голубика* — *голубица* 'голубика', *кострика* — *кострица* 'костра' (17-томный академический «Словарь современного русского литературного языка» дает эти образования в обоих вариантах, без указания на диалектный характер).

В семантическом отношении сербскохорватские параллельные образования с суффиксами *-ika/-ica* более однородны, чем великорусские: это в основном ботаническая лексика, в то время как в говорах русского языка конкурентные образования представлены и в лексике предметно-бытового характера, например, *падалика* — *падалица* 'опавшие кедровые шишки' (Обь, Томск, 1965), *пресника* — *пресница* 'пресная пицца' (Арх., Опыт, 1852; Сибир., Ильин, 1916; Ряз., Деул., 1969; КСРНГ и т. д.). Обращает на себя внимание также отсутствие «ягодных названий». Это позволяет сделать вывод, что явление словообразовательной конкуренции суффиксов *-ika/-ica* в пределах одной лексемы в сербскохорватской языковой зоне имеет свои характерные особенности, заключающиеся в определенной лексемной выборности или ограниченности.

Интересно, что ряд сербскохорватских образований с суффиксами *-ika/-ica* соответствует великорусским с теми же суффиксальными элементами. Эти соответствия могут иметь различный характер: иногда наблюдается полное соответствие, т. е. соответствие и на лексемном, и на семемном уровнях, иногда только на лексемном или только на семемном уровне. Так, например, полное соответствие представлено в следующих параллелях: *зеленика* — *зеленица* 'самшит, *Vuxus sempervirens* P; *медуника* — *медуница* 'медуница, *Pulmonaria* P; *чемерика* — *чемерица* 'чемерица, *Veratrum* P; *чубрика* — *чубрица* 'чабер, *Satureja* P; частичное соответствие (главным образом лексемного характера, поэтому его можно назвать скорее внешним, чем внутренним) представлено в следующих образованиях: серб. *живика* — *живица* 'живая изгородь' ↔ в.-рус. *живика* — *живица* 1. 'ежевика, *Rubus caesius*'; 2. 'смола'; 3. 'невысохший пласт сена'; серб. *метлика* — *метлица* 'полынь, *Artemisia* P ↔ в.-рус. *метлика* — *метлица*

‘метлица, *Aspera spicaecufis* P; серб. *турика* — *турица* ‘репейник, *Agrimonia* P ↔ в.-рус. *турика* ‘грязь, дыпки’, *турица* 1. ‘мусор после очистки зерна’; 2. ‘мышь’; 3. ‘самка тура’.

В ряде случаев можно выделить и такие соответствия, когда сербскохорватские образования с суффиксами *-ika/-ica*, не вступающими в отношении конкуренции друг с другом, соответствуют великорусским параллельным образованиям с конкурирующими суффиксами *-ика/-ица* (следует отметить, что эти соответствия в основном лексемного плана, так как по значению они резко расходятся): серб. *каменика* ‘камнеломка, *Saxifraga* P, *каменица* 1. ‘скабиоза, *Skabiosa* P; 2. ‘уменьш. камешек’; 3. ‘каменный сосуд’; 4. ‘каменоломня’; 5. ‘устрица’ (MRWSK, RHSJ, TCXC) ↔ в.-рус. *каменика* — *каменица* — ‘костяника, *Rubus saxatilis*’; серб. *коленика* ‘торица, *Spergula* P; *коленица* ‘живокость, *Delphinium* P ↔ в.-рус. *коленика* — *коленица* — ‘плохой, грязный деготь’; серб. *матица* ‘мотыга’; *матица* 1. ‘мать’; 2. ‘матка (у пчел)’ (MRWSK, RHSJ, TCXC) ↔ в.-рус. *матица* — *матица* — 1. ‘мать’; 2. ‘самка какого-либо животного’.

Итак, как видно из приведенного материала, в сербскохорватской языковой зоне также представлена словообразовательная конкуренция суффиксов *-ika/-ica* в пределах одной лексемы. Однако в отличие от говоров русского языка она наблюдается в более ограниченном и семантически более однородном круге лексем. В ряде случаев в конкурирующих образованиях с суффиксами *-ika/-ica* наблюдаются даже соответствия с великорусским диалектным материалом. Это дает основания высказать предположение о достаточной древности процесса словообразовательного варьирования суффиксов *-ika/-ica*, о наличии каких-то общих причин, вызвавших это явление.

В болгарской языковой зоне явление словообразовательного варьирования суффиксов *-ika/-ica* в пределах одной лексемы представлено значительно скромнее, чем в сербскохорватской, но в семантическом плане несколько разнообразнее: помимо названий трав здесь отмечены названия ягод и деревьев, зато отсутствуют образования предметно-бытового характера, т. е. в болгарском языковом континууме конкурирующие образования с суффиксами *-ika/-ica* наблюдаются только в лексике фитонимического происхождения. Таким образом, здесь еще четче проявляется выборность лексем, участвующих в словообразовательном варьировании суффиксов *-ika/-ica*.

Так же, как в сербскохорватской языковой зоне, среди болгарских параллельных образований можно выделить образования, имеющие абсолютно тождественное значение, и образования, имеющие близкое, но не тождественное значение. К первым относятся: *брусника* — *брусница* ‘брусника, *Vaccinium vitis idaea* P (АМББР, ГРБЯ); *водника* — *водница* ‘груша, *Pirus communinis* P (АМББР); *гърника* — *гърница* ‘дуб летний, *Quercus pedunculata*’ (АМББР); *дъбика* — *дъбица* ‘дуб, *Quercus* P (АМББР); *ливадна острига* — л. *острика* — л. *острица* ‘осока обыкновенная, *Carex vulgaris* P (АМББР, ГРБЯ); *острига* — *острика* — *острица* ‘острица лежачая, *Asperugo procumbens* P (АМББР); *ралика* — *ралица* ‘шпорник посевной, *Delphinium consolida*’ (АМББР, ГРБЯ); *устига* — *устица* — *устица* ‘львиный зев, *Antirrhinum majus* P (АМББР).

Образования, имеющие близкое, но не тождественное значение, представлены следующими лексемами: *воленика* — *воленница* 1. ‘мята лесная, *Mentha silvestris*’, 2. ‘бабина душица, *Thymus* P (АМББР, ГРБЯ); *гълъбика* — *гълъбица* ‘голубика, *Vaccinium uliginosum* P (АМББР); *звъника* — *звъница* ‘зверобой пронженный, *Hypericum perforatum* P (АМББР); *материка* — *материца* ‘бабина душица, *Thymus* P (АМББР);

метлика — *метлица* 'мятлик луговой, *Poa pratensis* P' (АМББР); *тлъстика* — *тлъстица* 'портулак овощной, *Portulaca oleracea* P' (АМББР, ГРБЯ); *тутуника* — *тутуница* 'калина, *Viburnum Lantana*' (АМББР); *чемерица* — *чемерика* — *чемерица* 'чемерица белая, черная, *Veratrum album* L., *V. nigrum* P' (АМББР, ГРБЯ); *чубрика* — *чубрица* 1. 'чабер, *Satureja* P'; 2. 'бабина душица, *Thymus* P' (АМББР, ГРБЯ). Кроме этих общих значений, почти каждая лексема имеет свое дополнительное значение, отличающее ее от вариантной лексемы, например: *тутуника* — 1. 'калина, *Viburnum lantana* P'; 2. 'малина, *Rubus idaea* P' (АМББР); *тутуница* — 'калина, *Viburnum lantana* P' (АМББР); *звъника* — 1. 'колокольчик, *Campanula* P' (АМББР); 2. 'зверобой, *Hypericum perforatum* P' (АМББР); *звъница* — 'зверобой, *Hypericum perforatum*' (АМББР) и т. д. В количественном отношении эти образования не уступают образованиям с суффиксами *-ika/-ica*, имеющим тождественное значение.

Отметим, что все приведенные выше лексические параллели с суффиксами *-ika/-ica* взяты из болгарского ботанического словаря Б. Ахтарова. Ни трехтомный «Словарь современного болгарского литературного языка» (София, 1955—1959), ни словарь Н. Герова, ни «Болгарская диалектология» (вып. 1—6), ни другие диалектные источники не дают такого обширного материала. Вообще, следует заметить, что в этих словарях ботаническая номенклатура представлена ничтожно малым количеством названий, что в значительной степени затрудняет исследование данной проблемы.

Кроме этих образований, в болгарской языковой зоне отмечены такие названия, в которых суффиксы *-ika/-ica* не вступают в отношения конкуренции друг с другом, т. е. эти образования противопоставлены по значению, например: *върбика* — 'вербена лекарственная, *Verbena officinalis* P' (АМББР); *върбица* — 'бальзамин садовый, *Balsamina hortensis* P' (АМББР); *черника* — 1. 'черника, *Vaccinium myrtillus* P'; 2. 'чернушка полевая, *Nigella arvensis* P'; *черница* — 'шелковица, *Morus* P' (АМББР, ГРБЯ) и т. д. В количественном отношении они несколько уступают образованиям с конкурентными суффиксами *-ika/-ica*. Такое соотношение этих образований сближает болгарскую языковую зону с великорусской.

Итак, семантическая структура лексических параллелей с суффиксами *-ika/-ica* в болгарском языке менее разнообразна, чем в говорах русского языка. Параллельные образования в основном представлены ботаническими названиями; в лексике предметно-бытового характера они отсутствуют. Среди ботанических конкурентных образований обращает на себя внимание преобладание «травяных названий». Это дает основания предположить, что в болгарской языковой зоне словообразовательная вариантность суффиксов *-ika/-ica* характеризуется определенной выборностью лексем, что делает это явление более четкими и последовательным, чем в говорах русского языка.

При ближайшем рассмотрении конкурентных образований с суффиксами *-ika/-ica* можно выделить болгарско-русские соответствия а) в лексемном и семемном плане: *брусника* — *брусница* 'брусника, *Vaccinium vitis idaea* P, *гълъбика* — *гълъбица* 'голубика, *Vaccinium uliginosum*', *чемерика* — *чемерица* 'чемерица, *Veratrum* P, *чубрика* — *чубрица* 'чабрец, *Thymus* P' и б) только в лексемном плане: болг. *метлика* — *метлица* 'метлик луговой, *Poa pratensis* P' ↔ в.-рус. *метлика* — *метлица* 'метлица, *Arpa spica vent'*. Следует отметить, что эти соответствия в строгом смысле слова не являются полными, так как и болгарские, и русские параллели могут различаться дополнительными оттенками значений, например: в.-рус. *брусника* имеет значение также 'бересклет, *Evonymus* L; болг. *гълъбица* 'смолевка, *Silene conica*' и т. д. Однако в целом эти различия не влияют на характер соответствия.

В ряде случаев наблюдаются и такие соответствия, когда болгарские образования с *-ика*, *-ица* (с суффиксами, не вступающими в отношении конкуренции друг с другом) соотносятся с великорусскими лексическими параллелями с теми же суффиксами, например: болг. *медуника* 1. 'бот. кадило мелколистный, *Mellittis melisso phyllum*'; 2. 'воробейник, *Lithospermum purpureo-coeruleum* P' (АМББР) и в.-рус. *медуника* — *медуница* 'медуница, *Pulmonaria* P'; болг. *черника* 1. 'черника, *Vaccinium myrtillus* P'; 2. 'чернушка полевая, *Nigella arvensis*'; *черница* 'шелковица, *Morus* P' и в.-рус. *черника* — *черница* — 'черника'.

Интересно отметить также, что в болгарской языковой зоне так же, как и в великорусской, в ряде случаев наблюдается тройной параллелизм форм с суффиксами *-ига/-ика/-ица*, например *острига* — *острика* — *острица* 'острица, *Asperugo procumbens*'; *устига* — *устика* — *устица* 'львиный зев, *Antirrhinum majus* P' (АМББР).

Итак, в болгарской языковой зоне, как и в великорусской, наблюдается явление словообразовательной конкуренции суффиксов *-ика/-ица* (реже *-ига/-ика/-ица*) пределах одной лексемы; однако в количественном отношении эти варианты образований значительно уступают великорусским. Что касается их семантической структуры, то обращает на себя внимание строгая семантическая однородность, ограниченность одним семантическим классом, определенная выборность лексем, допускающих варьирование исследуемых суффиксов: в большинстве своем это ботаническая терминология, среди которой основное место занимают названия трав. В ряде случаев среди болгарских конкурирующих образований с суффиксами *-ика/-ица* наблюдаются довольно четкие лексические и семантические соответствия с великорусскими диалектными образованиями. Это дает основания заключить, что факультативность Бодуэновской палатализации, в частности колебания суффиксов *-ика/-ица* в пределах одной лексемы, характерны не только для великорусской диалектной зоны, но и для южнославянской (а точнее болгарско-сербскохорватской).

Исследование македонской и словенской языковых зон показало, что в них также представлены колебания суффиксов *-ика/-ица*, хотя здесь и нет такого разнообразия словообразовательных параллелей с суффиксами *-ика/-ица*, как в великорусской, болгарской или сербскохорватской языковых зонах. Более того, по сравнению с этими зонами, варианты образований с конкурирующими суффиксами *-ика/-ица* в македонской и словенской зоне практически отсутствуют. Так, в словарях македонского языка зафиксировано только три таких образования: '+*белезика* — *белезица* (с пометой «диал») — 1. 'браслет'; 2. 'круглая связка орехов, ягод' (МОРМЈ, РМЈ); *власенига* — *власеника* — *власеница* 'вид травы' (какой?) (МОРМЈ, РМЈ, МРС); '+*чубрика* — *чубрица* 'чабер, *Satureja*' (МОРМЈ, РМЈ); в словарях словенского языка — одно: *vodenika* — *vodenica* — 'бот. бодяк, *Cirsium*' (PSNS, GSSJ, BPSNB). Македонские параллели *белезика* — *белезица*, *чубрика* — *чубрица* имеют тождественные значения, в *власенига* — *власеника* — *власеница* — близкое, но не тождественное, так как *власеница* имеет еще и значение 'власяница'. Словенская параллель также имеет близкое, но не тождественное значение: *vodenika* обозначает еще 'чертополох, *Carduus oleraceus*', а *vodenica* — 'водянку'. Во всех остальных случаях суффиксы *-ика/-ица* не вступают в отношении конкуренции друг с другом, что ведет к различению образований по значению или по оттенкам значений (хотя здесь и не исключена омонимичность основ), например: мак. *вратика* 'поповник, *Tanacetum* P' (МОРМЈ, РМЈ), *вратица* 'привратница' (МОРМЈ, РМЈ); словен. *črnika* 1. 'бот. дуб вечнозеленый, *Quercus ilex* P' (PSNS, CBP, SSKJ); 2. 'бот. девица в зелени, *Nigella lamasena* P' (PSNS, CBP, SSKJ); *črnica* 1. 'чернозем' (PSNS, SSKJ, GSSJ);

2. 'монахиня' (PSNS, SSKJ, GSSJ); 3. 'бот. конопля, Cannabis P' (CBP, PSNS, SSKJ); 4. 'зоол. приморская птица' (PSNS, SSKJ) и т. д. Эти образования в количественном отношении значительно превосходят параллельные образования с конкурирующими суффиксами *-ika/-ica* (в целях экономии места здесь не приводятся). Это позволяет сделать вывод, что для словенской и македонской языковых зон характерна в основном четкая семантическая дифференциация образований с суффиксами *-ika/-ica*, при которой различие в плане выражения влечет за собой и различие в плане содержания.

Интересно отметить также, что среди параллельных образований с суффиксами *-ika/-ica*, зафиксированных в македонской и словенской языковых зонах, можно выделить ряд соответствий (не касающихся, однако, семантической стороны) с великорусскими вариантами образованиями с теми же суффиксами; ср. макед. *чубрика — чубрица* 'чабер, *Satureja P* ↔ в.-рус. *чубрика — чубрица* 'богородская трава, *Thymus serpyllum*'; словен. *vodenika — vodenica* 'бодяк, *Cirsium P* ↔ в.-рус. *водяника — водяница* 'вороника, *Empetrum nigrum*'. В ряде случаев в словенской зоне выделяются образования с суффиксами *-ika/-ica* (не являющимися конкурирующими), которые частично соотносятся с великорусскими параллелями с теми же суффиксами и в семантическом плане, например: словен. *zelenika* 'самшит, *Buxus sempervirens P* — *zelenica* 'островок, оазис в пустыне' (PSNS) и в.-рус. *зеленика — зеленица* 1. 'зеленик, *Lycopodium P*'; 2. 'самшит'; словен. *kamenika* 'ромашка аптечная, *Matricaria chamomilla*', *kamenica* 'костяника, *Rubus saxatilis P* (CBP, PSNS) и в.-рус. *каменика — каменница* 'костяника'; словен. *metlika* 'полынь, *Artemisia P* (CBP, PSNS), *metlika* 1. 'бот. айра, *Aira P*, 2. 'хрящевница, *Chondrilla*', 3. 'кохия, *Kochia P* (CBP, PSNS) ↔ в.-рус. *метлика — метлица* 'метлица, *Apera spica venti*'; словен. *črnika* 1. 'дуб, *Quercus ilex P*'; 2. 'девица в зелени, *Nigella lamasena P* (PSNS, SSKJ); *črnica* 1. 'чернозем'; 2. 'монахиня'; 3. 'конопля, *Cannabis P* 4. 'приморская птица' (PSNS, CBP, SSKJ, GSSJ) ↔ в.-рус. *черника — черница* 'черника, *Vaccinium myrtillus*'. Как видно из приведенных примеров, нет ни одной македонской или словенской параллели, которая полностью (т. е. и на лексемном, и на семемном уровне) соответствовала бы великорусской. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ряд соответствий, пусть только в лексемном плане, все-таки наблюдается. А это особенно важно, так как в конечном счете позволяет выделить в исследуемых зонах определенный круг лексем, в которых представлены словообразовательные колебания суффиксов *-ika/-ica*.

Итак, в словенской и македонской языковых зонах словообразовательная конкуренция суффиксов *-ika/-ica* в пределах одной лексемы практически отсутствует. Несколько вариантных образований, зафиксированных здесь в семантическом плане повторяют указанную уже выше закономерность, а именно: колебание суффиксов наблюдается в лексике, связанной с ботанической терминологией. Это позволяет высказать предположение о связи процесса словообразовательной конкуренции суффиксов *-ika/-ica* с семантической структурой языка.

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы.

1. Факультативность или нерегулярность Бодуэновской палатализации, проявляющаяся, в частности, в колебаниях суффиксов *-ika/-ica* в пределах одной лексемы, наблюдается не только в великорусском диалектном континууме, но и южнославянском. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что это явление не носит общеславянского характера: в украинско-белорусской и западнославянской языковых зонах словообразовательная конкуренция суффиксов *-ika/-ica* отсутствует.

2. В семантике вариантных образований с конкурирующими суффиксами *-ika/-ica* в южнославянской и великорусской языковых зонах наблюдается определенная общность: колебания суффиксов *-ika/-ica* представлены преимущественно в лексике фитонимического происхождения. Однако в южнославянских языках это явление в семантическом плане более ограничено, чем в великорусской языковой зоне. Так, например, в южнославянских языках словообразовательная конкуренция суффиксов *-ika/-ica* наблюдается главным образом в лексике, связанной с обозначением трав, реже деревьев; в говорах русского языка колебания суффиксов *-ika/-ica* представлены более разнообразным кругом лексем: это и названия ягод, и названия трав, огородных культур, деревьев и даже грибов; кроме того, в великорусском диалектном континиуме словообразовательное варьирование исследуемых суффиксов наблюдается и в лексике предметно-бытового характера, например: *жерлика (-ица)* 'рыболовная снасть'; *кострика (-ица)* 'костра'; *тупика (-ица)* 'тупой топор'; *битика (-ица)* 'овечья шерсть осенней стрижки' и т. д.

3. Лексемный состав параллельных образований с суффиксами *-ika/-ica* в южнославянской и великорусской языковых зонах в основном разный, однако в ряде случаев наблюдаются и соответствия, например, в.-рус. *брусника (-ица)* ↔ болг. *брусника (-ица)*; в.-рус. *метлика (-ица)* ↔ серб. *метлика (-ица)*; в.-рус. *чубрика (-ица)* ↔ макед. *чубрика (-ица)*; в.-рус. *водяника (-ица)* ↔ словен. *vodenika (-ica)* и т. д. Несмотря на то, что эти соответствия в большинстве своем касаются лишь плана выражения, они позволяют выделить определенный круг лексем, в которых чаще всего наблюдаются словообразовательные колебания суффиксов *-ika/-ica*. Это лексемы *брусника (-ица)*, *голубика (-ица)*, *медуника (-ица)*, *метлика (-ица)*, *чемерика (-ица)*, *чечевика (-ица)*, *чубрика (-ица)* и др.

4. Южнославянские (в основном болгарские и сербскохорватские) словообразовательные варианты с конкурирующими суффиксами *-ika/-ica* чаще всего соотносятся с параллельными образованиями говоров средне-великорусского наречия (в частности Псковской, Владимирской и Подмосковной диалектных зон) и значительно реже — с соответствующими образованиями говоров южновеликорусского наречия (Смоленской, Брянской зон) и северовеликорусского наречия (Костромской, Вологодской зон).

Итак, факультативность или непоследовательность Бодуэновской палатализации характерна не только для великорусской языковой зоны, но и южнославянской, и нет, по-видимому, никаких оснований противопоставлять восточнославянский (и, в частности, великорусский) языковой континуум южнославянскому с точки зрения регулярности — нерегулярности этой палатализации.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- АМБЕР — Материали за български ботаничен речник. Редактирани от Б. Ахтаров. София, 1939.
- ГРБЯ — Н. Геров. Речник на българският език с тълкувание речити на български и на руски, кн. I—VI. Пловдив, 1895—1904.
- Ильин, 1916 — П. Ильин. Сибирские архаизмы, варваризмы, неологизмы и провинциализмы. Рукопись. 1916. КСРНГ.
- КСРНГ — Картотека словаря русских народных говоров (г. Ленинград, Ин-т русского языка АН СССР, Ленинградское отделение).
- МОРМЈ — В. Миличик. Обратен речник на македонскиот јазик, Скопје, 1967.
- МРС — Македонско-русский словарь. М., 1963.
- Обь, Томск, 1965 — Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби (под ред. В. В. Палагиной). Томск, 1965—1967, т. 1—3.

- Опыт, 1852 — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- PMJ — Речник на македонскиот јазик, т. I—III. Скопје, 1961—1966.
- Ряз., Деул., 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) под ред. И. А. Оссоветского. М., 1969.
- СБР — Д. Симоновић. Ботанички речник научних и народних имена бильака са именима на руском, енглеском, немачком и француском језику. Београд, 1959.
- СПР — Словарь полезных растений на двадцати европейских языках. Под ред. проф. Л. Л. Балашева. М., 1970.
- ТСХС — И. И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь, М., 1970.
- BPSNB — J. Barlé. Prinosi slovenskim nazivima bilja. «Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena», kn. XXX, s. 181—228; kn. XXXI, s. 169—292, Zagreb, 1936—1937.
- GSSJ — G. Glonar. Slovar slovenskega jezika, Ljubljana, 1936.
- MRWSK — J. Matešič. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Wiesbaden, 1965.
- PSNS — M. Pleteršnik. Slovensko-němski slovar, I—II; Ljubljana, 1894—1899.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, dio I—XVI. Zagreb, 1880—1958.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika, t. I. Ljubljana, 1970.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Т. П. АГАПКИНА

ПЕРЕПИСКА ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (К ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ 20—30-х ГОДОВ)

Публикуемые материалы, будь то целые письма или фрагменты, связаны прежде всего с именем выдающегося польского поэта — Владислава Броневского. Он внес значительный вклад в развитие польско-советских культурных связей; изученные же нами документы проливают дополнительный свет на эту сторону его деятельности.

Эти материалы касаются переводческой деятельности Броневского, его контактов с советскими писателями и собственной его роли в становлении польско-советских литературных отношений тех лет. Все началось с увлечения Броневского поэзией Блока¹, затем развернулась его организаторская работа по развитию связей с нашей культурой — на первом этапе в рамках сотрудничества с общественно-литературным журналом «Нова Культура» (1923—1924), на страницах которого появлялись переводы произведений советской литературы, осуществленные польскими писателями, а также статьи польских критиков о советской литературе. С середины 20-х годов Броневский был связан — на всем протяжении их существования — с коммунистическими журналами «Дзвигня» и «Месичник Литерацки», а также с либерально-демократическим еженедельником «Вядомости Литерацке» — наиболее популярным литературным органом в период межвоенного двадцатилетия (с 1926 по 1939 г. Броневский был его ответственным секретарем). На страницах этих изданий, а также в «Скамандере» поэт опубликовал свои переводы из Маяковского, Есенина, Пастернака.

Общественная позиция Броневского, слава которого как революционного художника с конца 20-х годов шагнула за пределы его страны — благодаря прежде всего русским и украинским переводам, снискала ему в польском обществе тех лет как друзей, так и врагов. Однако глубокая убежденность, принципиальность, смелость Броневского не могли не вызывать к нему уважения даже его идейно-политических противников, что, в частности, отмечала уже тогда польская критика². Уважением и авторитетом пользовался Броневский и среди крупных писателей-современников, далеких от него по своим идейно-художественным воззрениям и общественно-политической позиции (Ю. Каден-Бандровский, З. Налковская). Сохранился целый ряд писем, которые характеризуют Броневского как популяризатора русской и советской литературы. Такowymi являются и письма Ю. Кадена-Бандровского с приглашением сотрудничать в газете «Глос Правды», где он вел тогда литературный отдел.

«Дорогой пан Владислав, вопрос о Вашем сотрудничестве в литературном отделе я обсуждал между прочим с редактором. Я четко обрисовал Вашу позицию. Редактор стоит на позиции моей, так сказать, литературной автономии.

Я полагаю поэтому, что не будет никаких возражений и мы сможем работать вместе! < ... > Итак, подумайте, пожалуйста, об этом разделе русской литературы...». И в

¹ В архиве Дома-музея Броневского в Варшаве хранятся рукописи оставшихся неопубликованными переводов около 20 стихотворений Блока (teczka XXX, № 3—22).

² K. Z a w o d z i ń s k i. Poezja. «Rocznik Literacki», 1932, s. 39.

другом письме Кадена: «Прошу подумать об этих русских, ну и о наших поэтах. Не могли бы Вы написать что-нибудь, скажем, о рабочей поэзии?»³

О предложении Кадена-Вандровского Броневский пишет в одном из писем к Янине Броневской: «Каден по-прежнему приглашает меня сотрудничать в литературном приложении к „Глосу Правды“; правда, эта газета довольно дрянная, но информационные статьи о русской литературе я могу публиковать там без компромата»⁴.

С «Глосом Правды» Броневский не сотрудничал, а его реакция на предложение Кадена-Вандровского весьма показательна. В переписке этих лет — с Яниной Броневской, с друзьями — много и часто говорится о русской и советской литературе, о еголичных переводческих планах. В списке авторов, произведения которых Броневский со второй половины 20-х годов переводил, все больше появляется русских и советских прозаиков: Гоголь, Л. Толстой, Достоевский, Л. Андреев, Сейфуллина, Вс. Иванов, Каверин, О. Брик, Пильняк и другие. По письмам к Янине Броневской видно, что он всегда спешил с переводами, подгоняемый постоянными денежными трудностями. Неоднократно он сетует на то, что переводит «галопом», каждый раз надеется, что это — в последний раз, и мечтает сам «обязательно написать новеллу»⁵. Броневский много лет вынашивал планы обращения к прозе. Его занятия русской прозой в определенной степени перекликались с собственными творческими замыслами, а может быть, их и порождали. Что касается гонораров, вопрос о которых часто сопутствовал разговорам о переводах в письмах к жене, то можно заметить, что трудное материальное положение писателя, вынужденного думать о литературном заработке, все же не делало его неразборчивым в выборе средств. Вот что читаем в письме к Янине Броневской, в котором он сообщает о том, что ему предложили написать предисловие к «Сочинениям» Достоевского: «Предисловие должно иметь печатный лист, и я мог бы на нем заработать 300 злотых, но есть разные „но“. А именно: чтобы такое предисловие как следует написать, нужно заново перечитать всего Достоевского и несколько книжек о нем. На это у меня нет времени, а им это нужно сейчас. Я мог бы сделать одно из двух, или написать свободное впечатление на базе произведений Достоевского, или какую-нибудь биографическую заметку, которая наверняка имела бы характер студенческой работы. Что делать? Если я решусь на первое, тогда не знаю, как я в самом деле выпутаюсь со временем...»⁶. В другом письме он сообщает: «Предисловия к Достоевскому не напишу — раздумал...»⁷.

Были у Броневского свои «симпатии» и «антипатии» в русской литературе, со временем некоторые из них изменялись, например в отношении К. Бальмонта. Броневский делал переводы стихотворений для вечера, который польский ПЭН-клуб устраивал в честь приезда в Варшаву в апреле 1927 г. Бальмонта, жившего в эмиграции.

«Собственно больше всего меня раздражает Бальмонт — я еще никогда не имел дела с такой тупой шилой, с такой занудой, слюнявым эстетом... там, где другие видят вещи просто и ясно, выискать, как блоху, какую-то „Тайну“ и написать ее с большого „Т“. Это — старая и немного уже свихнувшаяся зануда, ископаемое из эпохи „обнаженных душ“, „пра-бытия“ и т. п. чепухи сецессиона...»⁸, — писал он Янине Броневской, а спустя много лет включил один из своих переводов из Бальмонта в книгу «Мои поэтические привязанности».

К Сергею Есенину Броневский был привязан всю жизнь. Известны переводы Броневского его стихов, высказывания о нем. «Польские судьбы» Есенина исследованы в современных работах достаточно тщательно. Дополнительным и весьма красноречивым штрихом к истории этих судеб служат два архивных документа из Дома-музея Бронев-

³ Оба письма (первое от 12 VII 1926 г., второе без даты) написаны на личном бланке Кадена-Вандровского, хранятся в Доме-музее Броневского.

⁴ Письмо от 11 IX 1926 г. — из личного архива Янины Броневской, любезно предоставившей автору работы возможность ознакомиться и использовать материалы, касающиеся творчества поэта и польско-советских литературных связей.

⁵ Письмо от 4 II 1927 г. — Личный архив Я. Броневской.

⁶ Письмо от 1928 г. — Там же.

⁷ Письмо от 22 V 1928 г. — Там же.

⁸ Письмо от 20 IV 1927 г. — Там же.

ского⁹ в Варшаве — письмо Вандурского и фрагмент черновой наброска статьи Броневского о Есенине. Вандурский, постоянно живший в Лодзи, и Броневский, живший в Варшаве, время от времени обменивались книгами и сведениями о советской литературе. В одном из писем Вандурский сообщает Броневскому о «страшном известии» и прилагает к этому вырезку из польской газеты с сообщением о «вчерашнем» самоубийстве поэта.

«Бедный Сергучика не выдержал: „машина“ раздавила „волка“... Я интуитивно чувствую мотивы: „скушно стало...“⁹. Что ему „строительство“? — „Бунт“ окончился — „пошла к чертовой матери вся ливорюция...“ Эс-эровский романтизм (Есенин никогда не был коммунистом) — он не мог принять трезвого марксистского отношения к действительности. — Жалко, жалко родного парня: ему было, кажется, 25 лет... Не помогла старая Дункан, не помогли „кабаки“... Убежал: „скушно стало“...»

Ты обязательно должен написать о бедняге — притом в самых ближайших номерах „Вядомосци“. Все-таки он был тебе ближе всех других русских поэтов — и никто его так хорошо не переводил, как ты. Я сам чувствую себя подавленным, будто потерял близкого друга. Последний раз я видел его в Харькове, на поэтическом вечере в театре, в 1921 году: ничто тогда не предвещало в нем ипохондрика. Он был только в сильном замешательстве — и как-то по-юношески смущен, — его стесняло общество шумливого Марленгофа и того другого, актера из театра Таирова, — я уже не помню его имени...

И все же — это прекрасная смерть для такого поэта: он революционно закончил жизнь, — этот будто бы хулиган, а по сути дела замечательный парень — „отрок“ — Алеша Карамазов... Потому что много в нем было достоевщины: „россиянин! Вспыхнул — и угас“¹⁰.

В одном из последующих писем Броневскому (от 15 I 1926) Вандурский заметил: «Твоя статья о Есенине очень хороша. Вообще, ты пишешь все замечательнее, сердечно поздравляю тебя с этим».

Статья Броневского¹¹, в которой он впервые в польской литературе воссоздает наиболее полно жизненный и творческий путь Есенина и которую похвалил Вандурский¹², была в известной степени написана под влиянием письма Вандурского. Его слова о Есенине: «вспыхнул и угас» — Броневский развил в метафорический образ. Сердца поэтов он уподобил кривому пламени свечи, зажженной на ветру. Сердца поэтов сгорают, писал он, — «живыми остаются только слова, которые могут исцелять или убивать, радовать и причинять боль. Эти слова остались в наследство от русского поэта огромной семье поэтов мира». Броневский пишет о том, что Есенин всегда был погружен в «русскую деревню», всегда видел ее «сквозь золото и лазурь»: «А как сильно пахнет в его стихах земля, как глубоки и зеркальны реки и небо, в которые заглядывала его мысль. Но есть в его душе и другая сторона, противоположная той и равно правдивая — это неукротимое буйство, степной размах, богохульство, гнев и бунт...». В этой статье, которой Броневский дал подзаголовок «После кончины русского поэта», сказалась неподдельная скорбь польского поэта — видно, что для него, как и для Вандурского, было «страшным известием» узнать о случившемся.¹

В черновых записях статьи о Есенине (оставшихся неопубликованными) Броневский пишет: «... О врожденном лирике, быть может, о самом прекрасном поэте сегодняшней России, о крестьянине с Поволжья, с волосами, пышными, как снопы, и глазами, как небо, — Сергее Есенине, я пишу впервые — уже после его смерти. Как же мне

⁹ Выделенные в тексте слова написаны Вандурским по-русски.

¹⁰ Письмо от 9 I 1926. Архив Дома-музея Броневского. В этом же письме Вандурский упоминает о книге Бориса Пильняка «Машины и волки», которую он выслал как раз Броневскому. Видимо, выражение в начале письма — «машина» раздавила «волка» — и было навеяно названием книги Пильняка. Что касается поездки Есенина в Харьков, Вандурский, видимо, допустил неточность, потому что Есенин ездил в Харьков в марте 1920 г. и находился там с А. Б. Марленгофом и Л. О. Повицким. См.: В. Белоусов. Сергей Есенин. Литературная хроника, ч. I. М., 1969, стр. 158—160, 269—271.

¹¹ «Wiadomości Literackie», 1926, № 3.

¹² Видимо, он знакомился с нею до появления ее в печати, поскольку его письмо с отзывом датировано двумя днями ранее появления статьи в печати.

грустно, что эти слова не будут ни радостным приветствием, ни благодарностью за столько самых чистых волнений и сердечных истин, щедро расплеснутых прекраснейшим словом, — а последним прости, горстью земли на сосновом гробу»¹³. Немного, видимо, найдется в мировой литературе откликов на смерть Есенина, равных этим по своей искренности и глубине чувства.

Одновременно с появлением статьи Броневского было опубликовано несколько переведенных им произведений Есенина — на страницах «Вядомостей Литерацких», «Скамандера»; в середине 1926 г. выпла отдельной книжкой поэма «Пугачов», перевод которой был встречен восторженно¹⁴. Нередко критики называют Есенина самым любимым поэтом Броневского. Однако сам Броневский не расставлял по ранжиру близких ему поэтов — к каждому из них у него было свое отношение. Трех: Есенину, Маяковскому, Пастернаку — он посвятил стихотворения.

В межвоенные годы Броневский перевел несколько стихотворений Б. Пастернака, в том числе «Шекспир», «Девятьсот пятый год» (фрагменты), «Памяти Ларисы Рейснер» и др. Броневский, как он сам писал, любил Пастернака за синоним поэзия-жизнь. Пастернак знал его много лет и относился к нему с глубоким уважением. В библиотеке Броневского хранится экземпляр книги Пастернака «Девятьсот пятый год» (изд. 3, Л., 1932) с дарственной надписью автора: «Стойкому другу и слутнику на тернистых путях нашей жизни. 13 VIII 35». В послевоенные годы он писал Броневскому: «...Вы большой, настоящий поэт»; «Для меня предмет гордости, что Вы и Тувим переводили меня»¹⁵.

1927 год был годом первых личных контактов советских и польских писателей. Тогда в Польше побывали Маяковский, Сейфуллина, Эренбург.

В одном из писем Броневский описал свое впечатление о первой встрече с Маяковским. Встреча эта могла состояться только в ночь с 15 на 16 апреля и только в посольстве. Последнее подтверждает и Янина Броневская. Запись Броневского интересна его восприятием Маяковского — поэта и человека, восприятием, не совпавшим с тем, какое раньше по стихам сложилось у Броневского. Интересна запись и штрихом, характеризующим обстановку встречи, происходившей нелегально.

«... Тереза¹⁶ <...> узнала по телефону, что приехал Маяковский и что нас ждут. Мы пошли втроем, со Ставаром¹⁷ и Терезой, в 11 часов и познакомились с поэтическим гостем. Огромный, с крупными чертами лица, голос низкий и такой сильный, что когда он говорит, пианино гудит, он притворяется циником, а чувствуется в нем какая-то несмелость. Говорили о том и о сем, а позднее М. декламировал нам свои стихи. Уж так случилось, что я предпочитаю Маяковского того, каким он был семь лет тому назад, а не сегодня. Он читал много своих стихов, самого последнего времени: преувеличенно презрительное отношение ко всему, что видит на этом старом земном шаре, пародия «поэтичности». Мне кажется, что у меня сейчас нет определенного отношения к этому писателю, я должен над этим глубже задуматься. Но давние вещи, которые он читал — «Левый марш», «Наш марш», — наполняются совершенно новым содержанием в исполнении автора. Представь себе живой и говорящий локомотив... Мы сидели до двух, потом я пошел домой. Маяковский находился здесь только проездом, он остановится в Варшаве на три недели, когда будет возвращаться. Я дал ему „Дымы над городом“ с автографом: „Поэту революции“. Немного поспорил о Есенине...»¹⁸

В дальнейшем, в своей «литературной автобиографии», Броневский написал: «Маяковский сделал меня социалистическим поэтом». В папке «неопубликованных перево-

¹³ Архив Дома-музея Броневского в Варшаве,teczka XXIX, № 19.

¹⁴ Хвалебно отзывалась о переводе И. Кживицкая — в письме Броневскому от 12 VII 1926 (Архив Дома-музея Броневского). Историко-литературный анализ перевода Броневского поэмы «Пугачов» и других переводов Есенина, как и упоминаемой статьи, дается в работах польских исследователей В. Петровского и З. Збыровского.

¹⁵ Письмо Пастернака Броневскому от 2 II 1960 г. — Архив Дома-музея Броневского.

¹⁶ Тереза Жарноверувна, художница.

¹⁷ Анджей Ставар — известный польский критик.

¹⁸ Письмо из личного архива Я. Броневской.

дов» (№ XXX) Архива Дома-музея Броневского хранится несколько неопубликованных переводов стихотворений Маяковского.

Наконец в эти же годы Броневский участвует в интереснейшем мероприятии — серийном издании советской литературы в Польше, которое называлось «Современная русская беллетристика». В это издание вошли произведения Вс. Иванова, Б. Лавринева, П. Романова, Б. Пильняка, В. Лидина, С. Клычкова, К. Федина. В дальнейших томах, согласно замыслу, должны были появиться произведения других советских писателей (Серафимовича, Малышкина и др.), однако серия прекратила свое существование в первой половине 1928 г. Из реализованных изданий серии «Современная русская беллетристика» все произведения были переведены Яном Барским, за исключением сборника Б. Пильняка, перевод которого сделан Броневским. Одно из писем Броневского к жене принадлежит к числу немногих среди известных до сих пор документов, проливающих свет на историю этого издания. В письме, в частности, говорится: «Готовится библиотека переводов новейшей русской литературы, надо будет перевести более десяти очень интересных книжек, причем переводы будут оплачиваться гораздо лучше. (...) О деталях этого мероприятия расскажу тебе при ближайшем свидании. Это связано с тем, которых я встретил в ... Знаешь? Ну вот, но пока я еще не могу рассчитывать на это наверняка»¹⁹. На самом письме даты нет, но по свидетельству Я. Броневской оно относится к периоду между 29 XII 1926 г. и февралем 1927 г. Сборник Пильняка, переведенный Броневским и вышедший в серии «Современная русская беллетристика», был издан в конце 1927 г. (хотя на книге значится 1928 г.). В связи со всем этим заслуживает внимания тот факт, что 21 I 1927 г. Броневский был в советском посольстве и разговаривал в течение нескольких часов с П. Л. Войковым. Разговор касался также переводов Броневским и его коллегами русской литературы на польский язык²⁰. Этот разговор по времени совпадает в общем с тем, о котором писал Броневский в приведенном выше письме. Дело в том, что серия «Современная русская беллетристика» была издана с ведома и при известном содействии советского посольства в Варшаве. Некоторые документы подтверждают этот факт²¹. По неизвестным причинам издание серии прекратилось на VII выпуске.

Эту серию можно рассматривать как своего рода первый опыт согласованных действий польских литераторов (коммунистов и связанных с коммунистическим движением) и советских. Участие в этом мероприятии Броневского не было случайным эпизодом. Он принадлежал к польским литераторам, которые в интересах развития культурных отношений между нашими странами устанавливали и укрепляли связи с советскими представителями в Польше, что в тех исторических условиях требовало немало мужества и смелости. В последующие годы Броневский не прерывал своих контактов с советскими представителями в Польше, посещал и закрытые просмотры фильмов, которые устраивались в посольстве. Видимо, на одном из таких просмотров он видел фильм С. Эйзенштейна «Октябрь», который на польских экранах не демонстрировался. Фильм произвел на Броневского огромное впечатление, о чем можно судить по его отзыву: «Я видел замечательный фильм „Октябрь“, или, как его здесь называют, „10 дней, которые потрясли мир“. Это заснятая на фильм история Октябрьской революции, но сделано это так блестяще, что после Эйзенштейна я глубоко презираю всех других режиссеров», — писал он Я. Броневской в письме от 4 V 1928 г.²²

В 30-е годы связи Броневского с советской культурой расширились. Он продолжает переводить советских авторов, весной 1934 г. посещает Советский Союз, встречается с приезжающими в Варшаву советскими писателями²³, даже в тех случаях, ко-

¹⁹ Письмо из личного архива Я. Броневской.

²⁰ См. Н. Жукowski. Полномочный представитель СССР. М., 1968, стр. 178, 186.

²¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, М., 1967, стр. 86, 241.

²² Личный архив Я. Броневской.

²³ Об этом свидетельствуют, в частности, хроникальные заметки в «Видомостях Литерацких».

гда эти встречи были запрещены польскими полицейскими властями, как, например, во время приезда в Польшу Л. Никулина и С. Кирсанова. О роли Броневского — организатора польско-советских культурных связей свидетельствуют письма к нему советских писателей и польских литераторов-коммунистов, эмигрировавших тогда в Москву. Часть этих писем связана с I Всесоюзным съездом советских писателей, состоявшимся в 1934 г. Из писем к Броневскому польских литераторов-эмигрантов, живших в 30-е годы в Москве, известно, что на советский писательский съезд приглашались известные польские писатели: Броневский, Тувим, Кручковский, Налковская, Домбровская, Берент²⁴. Эти приглашения были посланы в адрес Броневского (для него самого, Тувима, Кручковского) или на редакцию «Ведомости Литератских»²⁵. Из числа этих приглашенных на съезде никого не было. Известно лишь, что для Л. Кручковского это оказалось затруднительным по материальным соображениям²⁶, разрешения на поездку Броневского (он должен был ехать с Я. Броневской) не дали власти²⁷.

В период подготовки съезда писателей Броневский получил от секретариата Международной организации революционных писателей (МОРП) приглашение участвовать в предсъездовской анкете, ответы на которую публиковались на страницах журнала МОРП «Литература мировой революции»²⁸. К 1934—1935 гг. относятся письма В. Беляева, от имени редколлегии журнала, приглашавшего Броневского выступать в «Литературном современнике» со своими стихами²⁹, письма из журнала «Интернациональная литература»³⁰, от организаторов книги «День мира»³¹. В 1935 г. Броневский был также приглашен участвовать в Международном конгрессе писателей в защиту культуры, который собирался тогда в Париже³² и был организован при участии советских писателей. В частности, одно из приглашений Броневскому было подписано среди других И. Г. Эренбургом³³.

Этим же годами датируются некоторые письма советских писателей Броневскому. В большинстве своем они связаны с переводами произведений на польский язык и интересны тем, что передают «климат» и характер связей тех лет, историко-литературные факты, отношение писателей к своим произведениям и переводам.

Три из сохранившихся писем принадлежат А. С. Новикову-Прибою. Броневский перевел на польский язык эпопею «Цусима», которая проложила путь в Польшу другим произведениям писателя и создала ему большую популярность. Успех «Цусимы» привлек внимание к более ранним произведениям ее автора. В 1934—1935 гг. появляются переводы еще двух его новелл. «Женщина в море» выходит тремя изданиями в двух переводах, дважды в двух переводах выходит «Ералашный рейс». «Женщина в море» и «Ералашный рейс» были произведениями иного плана, чем «Цусима», и кроме того, качество первых их переводов отнюдь не способствовало успеху у читате-

²⁴ Письма на польском языке, в том числе от 14 VII 1934 г. и более ранние. Архив Дома-музея Броневского в Варшаве. Папка «Письма, относящиеся к Съезду советских писателей в Москве».

²⁵ Письмо без даты, по содержанию — до 14 VII 1934. Там же.

²⁶ Об этом Л. Кручковский писал Броневскому 11 V, 19 VII, 7 VIII 1934 г. Там же. Папка «Переписка с польскими литераторами».

²⁷ Информация Янины Броневской.

²⁸ Письмо на бланке журнала «Литература мировой революции» от января 1934 г., на французском языке, подписано С. Динамовым, С. Людквичем, Беллой Иллешем, Леоном Муссеиаком. — Архив Дома-музея Броневского в Варшаве.

²⁹ Письмо без даты, на русском языке. Там же.

³⁰ Письмо на бланке журнала от 4 I 1935, машинопись, на французском языке, подписано С. Динамовым; письмо на бланке журнала от 19 IX 1935, на польском языке, подписано С. Динамовым. — Архив Дома-музея Броневского в Варшаве.

³¹ Подробнее об этом см.: Т. П. А г а л к и н а. К истории создания книги «День мира». «Советское славяноведение», 1968, № 3.

³² Письмо на бланке секретариата конгресса от 1 VI 1935 г. на французском языке, подписано М. Шоффе. — Архив Дома-музея Броневского.

³³ Телеграмма из Парижа от 17 VI 1935. На французском языке.

лей. Перевод «Цусимы» вышел в 1934—1935 гг.³⁴, приблизительно в это время ее автор, как известно, продолжал активно работать над второй редакцией эпопеи и вводил серьезные изменения в ее текст и композицию. Письма А. С. Новикова-Прибоя к В. Броневскому передают беспокойство писателя по поводу польского перевода эпопеи, его горячую заинтересованность в том, чтобы в переводе были по возможности учтены новейшие дополнения и исправления.¹ Сколь велика была эта заинтересованность, видно по тому, что автор пересылал переводчику некоторые рукописные главы, которые еще только готовились к публикации в советских изданиях.

Сохранившиеся в архиве В. Броневского письма А. С. Новикова-Прибоя составляют лишь часть их переписки. Не сохранились письма самого Броневского. По свидетельству вдовы советского писателя,² Новиков-Прибой получил от Броневского два или три письма, которые хранились в личном архиве писателя и погибли во время войны вместе с некоторыми другими документами. Между январем 1934 г., когда в «Вядомостях Литерацких» был опубликован фрагмент «Цусимы» и когда, следовательно, Броневский работал над переводом эпопеи, и 12-м июня — днем, которым датировано первое из упомянутых писем Новикова-Прибоя, — Броневский побывал в Советском Союзе, в Москве, и естественно предположить, что он встречался с автором переводимой им книги.

Публикуемые письма А. С. Новикова-Прибоя написаны им от руки чернилами. Они хранятся в Доме-музее Владислава Броневского в Варшаве, в папке писем советских литераторов.

12/VI—34

Б. Кисловский, 5, кв. 8
Москва

Дорогой Владислав Антонович!

Большое спасибо Вам за письмо и за высланную «Цусиму» на польском языке. Книга получилась солидная и хорошо выглядит с внешней стороны³⁵.

Одновременно с этим письмом высылаю Вам отдельным пакетом недостающие главы и эпилог. Недостаёт одной только главы — о моем пребывании на японском броненосце «Асаки». Я над ней сейчас работаю. Пока Вы эти главы переведете, к тому времени и я кончу и немедленно вышлю Вам последнюю главу.

Отрывок (в четыре печатных листа), какой Вы получите, идет в журнале «Новый мир»³⁶.

В каком порядке нужно печатать весь материал, когда Вы будете выпускать отдельной книгой, — об этом я Вам напишу особо.

Жду от Вашего издательства обещанные злоты.

Крепко жму Вашу руку

А. Новиков-Прибой

Р. S. Очень благодарен Вам буду, если Вы соберете отзывы о «Цусиме».

А. Н.

³⁴ Появлению перевода эпопеи предшествовала публикация на страницах «Вядомостей Литерацких» (1934, № 1) одной из ее глав (также в переводе Броневского) — под названием «Броненосец „Орел“ в бою». Это была та глава, которая в окончательном варианте эпопеи получила наименование «Первая кровь».

³⁵ Польский перевод эпопеи вышел в трех отдельных книгах. Речь идет о первой из них. Она сохранилась и находится в Москве.

³⁶ Последние главы и эпилог впервые были опубликованы по-русски в «Новом мире», 1934, № 8.

9/IX—34

Дорогой Владислав Антонович!

Послал я Вам последние главы «Цусимы». Но от Вас ответа не получил. Между тем всю вторую книгу я проредактировал, разбил ее на четыре части, дал название каждой части (как и в первой книге), перебросил главы из одной части в другую. Теперь книга приобрела надлежащий вид и можно пускать ее в печать.

Прошу Вас сообщить поскорее, нужно ли послать Вам вторую книгу? И как обстоит дело с переводом? Жду от Вас ответа.

Всего доброго.

Ваш А. Новиков-Прибой

P. S. Посланные Вами польские газеты с рецензиями обо мне получил. Спасибо.

А. Н.

В хронологически последнем (от 18 ноября 1934 г.) из известных нам писем к Броневскому Алексей Силыч сообщал о новом фрагменте эпопеи: «Написал я еще одну главу ко 2-й книге „Цусимы“. Печатается эта глава в 12-й книжке „Нового мира“ под названием „Под пение петухов“. В ней изображено как крейсер 1-го ранга „Владимир Мономах“ погиб из-за кур. Если Вам эта глава нужна, то сообщите поскорее — вышло ее Вам в рукописи». Глава, о которой идет речь в этом письме, была действительно опубликована впервые в журнале «Новый мир», 1934, № 12, но включить ее в свой перевод В. Броневский уже не успел. В это время книга уже находилась в печати и в конце 1934 г. вышла в свет.

Многолетние отношения связывали Броневского с другим его корреспондентом — Борисом Пильняком. Броневский перевел несколько произведений его на польский язык, выступал с рецензиями на них. Во все приезды Пильняка в Польшу Броневский виделся с ним, а во время посещения Броневским Советского Союза в 1934 г. Пильняк сопровождал его в поездке на Днепрострой. Одно из писем Пильняка особенно интересно.

Москва 40
ул. Правды 1/А, 21
23 марта 1935

Владек, дорогой!

Эти последние дни я часто встречал Людкевича; эти дни — ровно год, как мы с тобой жили в Москве, — и мне захотелось написать тебе, чтобы напомнить, что на земном шаре есть СССР, в СССР есть Москва, а в Москве есть твои друзья, которые ожидали тебя еще среди зимы³⁷ и не то, чтоб дожидаться, но даже весточки от тебя не имеют. Последняя весточка о тебе — это ВОКС переслал мне твой перевод последнего моего романа, — за кой, конечно, благодарю тебя, тем паче, что наше Торгпредство перевело мне в Торгсин за этот перевод некие рубли.

³⁷ Слова Пильняка о том, что Броневского «ожидали среди зимы», связаны с какими-то планами поездки поэта в СССР. В одном из писем (по-видимому, Людкевича) Броневскому читаем: «Пильняк] рассказывал мне о проекте приезда на более длительный срок. Я тоже думаю, что это было бы хорошо....» (Архив Дома-музея Броневского в Варшаве).

Как ты?
 Что ты?
 Когда напишешь, хотя бы?
 Когда приедешь к нам?
 Что у Вас в польской литературе?

Что касается меня, я, как кот около куска масла, хожу моими мыслями вокруг романа, не приступил еще к съедению этого масла, сожалею, готовлюсь и написал штук 8 рассказов размеров от 200 строчек до 2-х листов. Родился у меня замечательный сын. Дом у меня теперь — не дом, а академия юности, — студенты, жена, сестра, дети, да в придачу к ним молокосос, — литературу в доме совсем утеснили: российские пионеры и комсомольцы — за ними только поспевай «попутническая» литература! — то есть очень хорошо. И в Москве хорошо. И в стране хорошо. Был тут зимой на Украине и на Урале, — из-за лесов пятилеток выходит совершенно новая страша.

Как ты?
 Что ты?
 Когда к нам?
 Когда напишешь?

Людкевич не имеет от тебя вестей, так же, как и я. Напиши! Приезжай! Передай приветы общим нашим знакомым, — в первую очередь поклонись низко от меня твоей жене. И, хотя ты меня забыл, сделай мне одолжение. Пожалуйста, возьми у издателя последний мое-твой перевод романа и пошли его в Копенгаген, в Данию, — по следующим двум адресам: 1) в Польпредство СССР (дойдет без точного адреса, напиши по-французски) и 2) Frø A. Veibel. Solsortvej, Kobenhavn 7. И на обоих книжках надпиши по-русски: «Для передачи в издательство Гульдендаль fru Ингебора Андерсен», — у этих датских чудаков есть польский переводчик и нет русского. Пожалуйста!..

А у нас весна, зиме конец. Этим летом никуда в дальние места и не двинусь по причинам многочадия и из-за романа. Сяду за написание где-нибудь под Москвой! Приезжай!

Руку! Кира шлет приветы.

Твой Борис Пильняк

Совершенно особую страницу составляют связи Броневского с советской культурой в послевоенные годы. В его архиве сохранилась обширная переписка с советскими литераторами за эти годы. Публикуемая корреспонденция связана с переводами Н. Асеева — на русский язык произведений Броневского и переводов Броневского на польский язык — «Сказок» Чуковского.

Интерес Броневского к творчеству Н. Асеева уходит своими корнями еще в 30-е годы. Во время своего приезда в СССР в 1934 г. они с Асеевым не встречались, однако с тех лет книги Асеева хранятся в его библиотеке («Удивительные вещи», 1934 и «Песенник», 1935). Творческий контакт этих двух поэтов относится к началу 50-х годов, когда Асеев работал над переводом произведений Броневского для сборника «Поэты-лауреаты Народной Польши». Сохранилась телеграмма, посланная Броневским Асееву, в котором польский поэт тепло благодарит своего адресата за выполненный им перевод поэмы «Висла»³⁸. Н. Н. Асеев ответил Броневскому письмом³⁹.

³⁸ Телеграмма хранится в ЦГАЛИ (Москва), ф. 28, ед. хр. 7, оп. 2, л. 1.

³⁹ Дом-музей Броневского в Варшаве.

Москва, 16 февраля 1955

Дорогой Броневский!

Когда мне предложили переводить «Вислу», я был в затруднении, так как участвовать во всеобщем скопище переводчиков мне ничуть не казалось соблазнительным. Но познакомившись с подлинником и уловив задушевность и полифоничность интонации этой чудесной вещи, я увлекся ею и понял, что отдавать перевод в чьи-либо менее бережные руки было бы с моей стороны непростительным равнодушием, а этим недостатком я страдаю меньше, чем другим. Поэтому я взялся за перевод «Вислы», стараясь донести до русского читателя всю тонкую прелесть этой «дороги в небо», как я называл эту вещь для себя. Я был горд Вашим одобрением моих усилий и думаю, что лучшим свидетельством братства народов будет братство их поэтов.

Жалею, что не приходится видеться лично, но и эта литературная встреча позволяет считать мне Вас своим другом и обнять издалека⁴⁰.

Николай Асеев

Одним из советских авторов, произведения которого Броневский переводил еще в 30-е годы, был К. И. Чуковский. Первое издание «Сказок» Чуковского в переводе Броневского вышло в 1936 г. в Варшаве. Впоследствии «Сказки» многократно переиздавались в Польше. Приводим здесь три письма Чуковского к своему польскому переводчику.

19 июня 56

Дорогой товарищ Broniewski!

Только теперь я досконально изучил Ваши переводы моих «Сказок» и увидел, сколько вкуса, тонкого мастерства и находчивости Вы вложили в эту трудную работу. Лишь мастер, обладающий огромными языковыми ресурсами, мог так легко и свободно пересадить эти сказки на почву других традиций, других поэтических навыков. Вообще для моих стихов большая честь, что их перевел Владислав Броневский. От души желаю Вам счастья и творческих сил!

С искренним почитанием

Корней Чуковский

Москва К-9
ул. Горького 6, кв. 89

⁴⁰ Первое личное знакомство Броневского и Асеева состоялось в конце 1955 г. во время посещения Броневским Советского Союза. Памятью об этом свидании остались книги Асеева, подаренные им польскому поэту и хранящиеся в варшавском Доме-музее Броневского: «Николай Асеев. Раздумья. Стихотворения. М., 1955» с надписью — «Дорогому Владиславу Броневскому от друга. Ник. Асеев. 1955. Декабрь»; «Николай Асеев. Избранные стихотворения и поэмы. М. 1951» с надписью — «Дорогому другу поэту, каких осталось очень мало. Броневскому. Асеев. 1955. Декабрь».

9 мая 1961

Дорогой Поэт! Я безмерно счастлив, что именно Вам, замечательному, властному мастеру, попались на глаза мои стихи. Вы — единственный отыскали подлинный метод их перевода: свободный, озорной, далекий от погони за педантической точностью. Об этом методе не знают халтурщики, переводившие мои бедные стихи на французский, немецкий, английский язык, и Вы представить себе не можете, сколько страданий доставляют мне их «переводы». Я даже хотел выступить в печати против их самоуправства — хотел умолять их не переводить моих сказок, ибо каждый их перевод — есть клевета.

Если бы я умел переводить стихи, я перевел бы Вашу «Sam do szkoły» — а также «Literki». Вообще каждое стихотворение изящно, поэтично, но увы, не в моем жанре. Переводить стихи о природе я не умею.

Чуть только выйдет «Серебряный герб», я сейчас же вышлю его Вам. Я уже держал последнюю корректуру! Очевидно, месяца через два книжка выйдет. От двух до пяти пришлю через месяц или раньше: уже есть сигнал 15-го издания.

Привет Адаму Галису!!!

Ваш душою
Корней Чуковский

9 сент. 61

Дорогой учитель и друг!

Я — в санатории. Есть слухи, что в московских книжных магазинах появился «Серебряный герб». Если это верно, я тотчас же пришлю его Вам.

Надеюсь, что Вы в добром здоровье. Горжусь Вашим снисходительным отношением ко мне. Сердечный привет Вашей милой жене!

Летом я познакомился с вдовой Яна Каспровича!!!

Рисунки к Серебряному гербу — отвратительны.

Любящий Вас Корней Чуковский

Это письмо, написанное менее чем за полгода до смерти Броневского, представляет интерес как одно из последних по времени документов, свидетельствующих о дружеских и творческих отношениях польского поэта и переводчика с советскими собратьями по перу.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТРАДИЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

90-летие со дня рождения выдающегося деятеля болгарского и международного коммунистического и рабочего движения Г. Димитрова румынская историография отметила в 1972 г. специальным томом «Исторической библиотеки» (серия «Дружба народов»), вышедшим под заголовком «Георгий Димитров и революционные румыно-болгарские традиции»¹. Книга издана Институтом исторических и социально-политических исследований при ЦК РКП с предисловием директора Института И. Попеску-Пуцурь. Наряду с исследовательской частью, написанной Г. Адрианом, И. Бабицем и Н. Вылку, в книге имеется документальное приложение (стр. 139—174), содержащее архивные документы, материалы прессы того времени, воспоминания деятелей румынского и международного революционного движения и охватывающее период с 1908 по 1949 гг. Ряд материалов публикуется впервые.

И в исследовательской и в документальной части тома решаются две взаимосвязанные задачи: дать картину истории болгарско-румынских связей и одновременно показать жизнь и деятельность марксиста-ленинца, богатую высокими примерами революционной идейности, героизма, самопожертвования, ярко выразившую органическое сочетание пролетарского интернационализма и пламенного патриотизма.

На протяжении всей своей политической борьбы с начала XX в. и до 1949 г. Г. Димитров был одним из ведущих деятелей революционного движения на Балканах, поддерживал и развивал тесные связи болгарского рабочего класса с братским пролетариатом Румынии и других стран.

В первой главе, посвященной болгарско-румынским революционным традициям, Н. Вылку раскрыла тесные связи Д. Благоева, Г. Киркова, В. Коларова и Г. Димитрова с румынскими социалистами.

Уже в 1908—1910 гг. Г. Димитров устанавливает широкие контакты с румынским рабочим движением, поддерживает

забастовочное движение румынского пролетариата, развивает непосредственные связи с румынскими профсоюзами, присутствует на их съездах.

Посетив летом 1912 г. Румынию в качестве руководителя болгарской делегации на IV съезде профсоюзов Румынии, Г. Димитров имел возможность хорошо ознакомиться с положением в стране. Его статьи, опубликованные в газете «Работнически вестник» (под общим названием «Письма из Румынии»), являются до сих пор важным документом интернациональных связей того времени. Г. Димитров высоко оценил деятельность авангарда румынского пролетариата в статье «Положение партии и профсоюзов» (стр. 25). Видел он и возможные перспективы роста и усиления рабочего движения в Румынии.

Вместе с тем, отмечая правильную оценку II съездом Социал-демократической партии Румынии (СДПР) (1912) значения борьбы за единство болгарского рабочего движения и поддержку этой борьбы румынскими революционерами, следовало бы все же уточнить, что Г. Димитров (вместе с Д. Благоевым и другими) солидаризовался с левым крылом румынских социал-демократов (Е. Арборе, И. Фриму, Г. Маринеску и др.), выступавшим против центристов и, в частности, против предложения Х. Раковского содействовать объединению «тесных» социалистов с «широкими»². Сохранились архивные материалы, свидетельствующие о переговорах Г. Димитрова с румынскими социал-демократами во время II съезда СДПР по вопросу о развитии связей между молодежным движением Болгарии и Румынии (стр. 28). В августе 1912 г. на XIX съезде «тесных» социалистов в Русуке присутствовала представитель румынских левых Е. Арборе. Съезд еще раз призвал к борьбе против шовинизма буржуазии и монархии, подтвердил лозунг Балканской федеративной республики. Обращаясь с

² Связанные с этой проблемой болгарские и румынские материалы рассмотрены нами в работе: Е. И. Спиваковский. В. И. Ленин и борьба за единство рабочего движения на Балканах в дооктябрьские годы (1910—1915). Воронеж, 1971, стр. 11—26.

¹ Gh. A. Adorian, I. Babici, N. Vilcu. Gheorghii Dimitrov și tradițiile revoluționare româno-bulgare. București, 1972, 179 p.

трибуны съезда к румынскому представителю, Д. Благоев отметил, что связи революционеров двух стран «являются гарантией триумфа великого пролетарского дела»³.

Н. Вылку ярко рисует борьбу Г. Димитрова за мир на Балканах, за интернациональную солидарность, отмечая, что и в годы Балканских войн, и после них социалисты балканских стран организовывали совместные выступления против войны, против политики империалистических государств. Ряд статей Г. Димитрова способствовал укреплению революционной позиции балканского пролетариата (стр. 33). Добавим, что Г. Димитров, как и В. И. Ленин, положительно оценивал и всячески поддерживал выдвинутый тогда лозунг Балканской федеративной республики. Солидарные с линией Благоева, Димитрова, Киркова и др. румынские левые также активно поддерживали его у себя в стране. Как известно, осуществление этого лозунга в тогдашних исторических условиях способствовало бы расцвету «пути широкой классовой борьбе за социализм»⁴. И впоследствии балканские коммунисты были солидарны с Г. Димитровым, считавшим, что национальная проблема на Балканах может быть решена лишь на основе марксистско-ленинских принципов⁵.

В годы первой мировой войны Г. Димитров был в числе тех, кто активно готовил, а затем и участвовал во II Балканской конференции социал-демократических партий, создавших орган интернационального сотрудничества — Федерацию социал-демократических партий балканских стран. Активная интернационалистская деятельность болгарских «тесяков» была поддержана румынской партией⁶.

В недавно опубликованной работе румынские историки Н. Копою и И. Бабиц еще раз высоко оценили эти совместные болгарско-румынские решения, отметив, что по своему духу они были близки к решениям состоявшейся вскоре Циммервальдской конференции⁷.

³ Д. Благоев. Сѣч., т. 15. София, 1961, стр. 461.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 136.

⁵ Г. Димитров. Ленин и революционное рабочее движение на Балканах. В кн. «Избранные произведения», т. I. М., 1957, стр. 155—156.

⁶ «Documente din istoria mișcării muncitorești din România. 1910—1915». București, 1968, p. 849—852.

⁷ N. Сороиу, I. Вабиси. Manifestări internaționaliste ale proletariatului din România. «Analele Institutului de studii istorice și social-politice...», 1968, № 5, p. 40. В связи с этим представляется неубедительным неаргументированный

В послеоктябрьские годы Г. Димитров и другие болгарские коммунисты активно проводили линию революционного единства с румынскими коммунистами, в свою очередь рассматривавшими поддержку революционной борьбы болгарского пролетариата как свой первейший интернациональный долг.

В рецензируемой книге ярко показана кампания поддержки в Румынии Г. Димитрова, В. Коларова, Х. Кабакчиева и Н. Максимова, арестованных румынскими властями в 1920 г. на пути в Москву на конгресс Коммунистического Интернационала (стр. 42—45). Освобождение болгарских товарищей, как свидетельствуют документы румынского архива, было осуществлено «вследствие сильного протеста пролетариата Румынии» (стр. 46).

Вторая глава книги посвящена новому этапу интернационалистских болгаро-румынских связей, начавшемуся в годы создания болгарской и румынской коммунистических партий. Н. Вылку справедливо отмечает, что в этот период наряду с использованием старых идей «поиск новых форм связей» (стр. 47). Говоря о «более тесных связях между двумя революционными движениями», автор показывает совместные болгаро-румынские действия на XII съезде профсоюзов в Софии (сентябрь 1920 г.), направленные «против желтого Амстердамского Интернационала», а также на конференции профсоюзов Балканских стран в Софии (ноябрь 1920 г.), на которой председательствовал Г. Димитров (стр. 48—49). Уехав в конце 1920 г. в Москву, Г. Димитров на учредительном конгрессе Красного Интернационала профсоюзов и на IV съезде профсоюзов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики приветствовал зарубежный пролетариат от имени балканских профсоюзов, в том числе и профсоюзов Румынии (стр. 49). К сожалению, рассказывая об участии Г. Димитрова в работе учредительного Конгресса Профинтерна «в качестве секретаря Профсоюзного балкано-дунайского секретариата» (стр. 50), Н. Вылку не упоминает, что еще в январе 1920 г. в Софии состоялась III конференция Балканской рабочей социалистической федерации, преобразовавшей себя в Балканскую коммунистическую федерацию. Это решение было одобрено балканскими коммунистами, в том числе и румынскими, и послужило началом целой исторической полосы сов-

в рецензируемой книге тезис Н. Вылку о том, что поддержка Межбалканской конференцией 1915 г. лозунга единства народов и рабочих партий на Балканах, лозунга Балканской федеративной республики свидетельствовала об «ограниченности» позиции ее участников (стр. 40).

местных болгаро-румынских революционных действий⁸. Во главе БКФ встал Г. Димитров. Логическим продолжением этой интернационалистской линии рабочего движения обеих стран была кампания пролетарской солидарности румынских рабочих в поддержку болгарского антифашистского восстания (1923 г.). Как показывает автор, эта кампания развернулась с особой силой после телеграфного обращения Г. Димитрова и В. Коларова к КНР. «Румынские товарищи,— писала газета „Работнически вестник“,— ответили, что они готовы выполнить в этом отношении до конца межбалканский интернациональный пролетарский долг» (стр. 64). Моральная и материальная помощь КНР имела большое значение. Тогда и в последующие годы КНР оказывала БКП большую помощь и в транспортировании через Румынию в Болгарию революционной литературы, издававшейся Коминтерном (стр. 69—70).

Н. Вылку подчеркивает большое значение инициативы Г. Димитрова, когда он в середине и в конце 1920-х годов оказывал большую помощь румынским коммунистам. Г. Димитров в своих статьях поддерживал тактическую линию КНР на расширение связей и соглашений с непролетарскими элементами и группами, защищал румынских коммунистов от буржуазных клеветников. Он выступил в печати в 1929 г. в поддержку забастовок в долинах Жиу и Муреша (стр. 73), содействовал установлению болгаро-румынских связей, используя съезд румынских профсоюзов в городе Тимшоаре в апреле 1929 г. (стр. 74). По этим вопросам он вел широкую переписку с руководством КНР.

Вместе с тем, следовало бы отметить и заслуги Г. Димитрова, как видного деятеля Коминтерна и БКФ в деле помощи КНР в период фракционной борьбы в руководстве партии (1929—1930). В 1930 г. ИККИ своим постановлением «О беспринципной фракционной борьбе и о восстановлении единства Коммунистической партии Румынии» беспощадно осудил фракционеров. Г. Димитров, В. Коларов и другие болгарские товарищи не раз оказывали помощь братской румынской партии в ее борьбе за революционное единство своих рядов.

В декабре 1931 г. Г. Димитров принял участие в работе состоявшегося под Москвой V съезда КНР. Съезд определил стратегическую и тактическую линию партии на многие годы. 23 декабря Г. Димитров выступил на съезде с речью. Н. Вылку справедливо считает, что

встречи румынских делегатов съезда — Б. Брайнера, И. Аладара, А. Илиеску, Т. Марина, П. Барила, Д. Грофу и других — с видным деятелем Коминтерна Г. Димитровым были «вкладом в укрепление связей между болгарскими и румынскими коммунистами, представляли ценный обмен опытом между двумя революционными движениями соседних стран» (стр. 75). Вместе с тем, несправедлив, на наш взгляд, упрек в адрес Г. Димитрова, сделанный в книге, по поводу его выступления на V съезде КНР, в котором он одобрял классовый подход к национальному вопросу в Румынии, содержащийся в документах Коминтерна (стр. 75). Неточным является и утверждение, что Г. Димитров отказался от этой позиции на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г.

В главе «С Георгием Димитровым против Лейпцигского процесса» И. Бабиш, используя опубликованные материалы и архивные документы, рассказал об обстоятельствах ареста Г. Димитрова и Лейпцигском процессе. Отдельный раздел главы назван «В защиту Георгия Димитрова». В этот период КНР в специальных брошюрах «Коричневая чума в Германии», «Нацистские преступления в Германии» и др., повела энергичную кампанию в печати против гитлеризма, в защиту болгарских коммунистов (стр. 89—91). Широкое участие в этой борьбе под руководством КНР приняли и массовые демократические организации: «Лига труда», «Национальный антифашистский комитет», «Фронт земледельцев», «Рабоче-крестьянский блок» и многие другие (стр. 87). В дни процесса ЦК КНР послал Г. Димитрову приветствие, высказав восхищение его отвагой, и заявив, что он является боевым примером, образцом для всех коммунистов Балкан (стр. 94)⁹.

Этот раздел книги, богатый ссылками на документы и прессу того времени, убеждает, что кампания в защиту Г. Димитрова и его товарищей охватила все прогрессивные слои румынского общества. Возглавляя эту интернациональную акцию, КНР внесла достойный вклад в международные действия пролетарской солидарности с болгарскими и немецкими коммунистами¹⁰.

⁹ Фотокопия «Приветствия Коммунистической партии Румынии товарищу Георгию Димитрову», которое было послано 1 октября 1933 г., опубликована в монографии И. Бабиша «Боевая антифашистская солидарность» (I. Băbiș. Solidaritate militantă antifascistă 1933—1939. București, Ed. politică, 1972, p. 259). Текст приветствия был впервые напечатан 14 ноября 1933 г. в подпольной газете «Скынтейя».

¹⁰ Более подробно история революционной солидарности румынского проле-

⁸ См. подробно материалы о БКФ в монографии: П. Боев. Из историята на комунистическото движение на Балканите. 1917—1923. София, 1972, стр. 159—164.

В главах «Против фашизма и войны» и «Живой мост румыно-болгарской дружбы (1944—1949)», написанных Г. Адорианом, показана большая политическая и организаторская работа Г. Димитрова в предвоенные годы и годы войны. И на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. и в последующий период ЦК КНР, румынские коммунисты получили большую поддержку и помощь Г. Димитрова в борьбе, которую они вели против фашизма в своей стране. Доклад Г. Димитрова стал боевой программой действий партии, возглавлявшей антифашистскую и антивоенную борьбу в Румынии. Работы Г. Димитрова публиковала газета «Скынтея», они печатались нелегально отдельными изданиями. В тяжелые дни Мюнхена «Скынтея» напечатала фрагменты статьи Г. Димитрова «Единый фронт международного пролетариата и народов против фашизма» (стр. 116).

В годы второй мировой войны Г. Димитров вел большую работу по сплочению международных революционных сил. В 1942 г. в день его 60-летия КНР вместе с болгарской, югославской и турецкой коммунистическими партиями послала Г. Димитрову приветствие, выражавшее любовь и уважение балканских народов (стр. 118—119).

После освобождения Болгарии и Румынии от фашизма Г. Димитров в качестве руководителя партии и правительства был одним из активнейших борцов за развитие болгарско-румынской дружбы в новых исторических условиях. Ав-

тариата с болгарскими коммунистами в период Лейпцигского процесса изложена в монографии И. Бабича (I. B a b i c i. Ibid., p. 59—79).

тор показал вклад Г. Димитрова в развитие межпартийных отношений, в заключение 18 января 1948 г. договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. Обращаясь к Г. Димитрову, П. Гроза при подписании договора заявил: «Румынский народ, как и болгарский народ взял судьбу в свои собственные руки». Отвечая румынским друзьям, Г. Димитров подчеркнул, что договор открывает «новую блестящую страницу в наших взаимоотношениях» (стр. 131).

Частые контакты Г. Димитрова с румынскими руководителями, сохранившиеся до последних лет его жизни, служили развитию, укреплению отношений дружбы, ставших прочной и славной традицией болгарского и румынского народов.

В заключении документального приложения опубликованы документы 1949 г. Выступая на траурном митинге в Софии, П. Гроза подчеркнул, что Г. Димитров «был одним из самых выдающихся организаторов и руководителей антифашистского движения, неутомимым борцом против империализма, за мир и социализм». «Мы потеряли, — сказал он, — великого друга нашего народа» (стр. 173). Новый болгарско-румынский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в 1970 г., является убедительным свидетельством успешного сотрудничества между болгарским и румынскими народами на принципах пролетарского, социалистического интернационализма, на тех принципах, за которые боролся великий болгарский коммунист Георгий Димитров.

Е. И. Спиваковский

КНИГА О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ БОЛГАРСКИМ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ

В монографии Д. Шарланова¹ исследуется история Международной организации помощи борцам революции (МОПР)², и история движения помощи жертвам террора в Болгарии. В книге впервые одновременно рассматривается история возникновения и развития секций МОПР, Межрабнама, а также других организаций и комитетов помощи преследуемым революционерам, антифашистам, участникам экономической борьбы, которые в 1935 г. объединились в единую Организацию по оказанию помощи.

История движения за оказание помощи показана автором на широком фоне исторических событий в Болгарии: рево-

люционной борьбе масс под руководством БКП против фашизма, деятельности МОПР в международном масштабе. Особое большое внимание уделено борьбе трудящихся Болгарии под руководством БКП и организаций МОПР за амнистию политзаключенным. Местные организации помощи, специально созданные комитеты борьбы за амнистию проводили тысячи митингов, собраний, демонстраций, на которых принимались резолюции с требованием полной и безусловной амнистии. Участники собраний и демонстраций направляли делегации к правительству и отдельным министрам. Под давлением общественного мнения в январе 1924 г. даже фашистское правительство Цанкова вынуждено было провести закон об амнистии, который, однако, не распространялся на активных участников революционного движения. В

¹ Д. Шарланов. Помощное движение в България. София, 1971, 270 стр.

² За рубежом МОПР был более известен как «Международная красная помощь».

1929 г. правительство Ляпчева под давлением масс вновь объявило о частичной амнистии. Все же свыше тысячи политзаключенных еще томились в тюрьмах (стр. 90). Организации помощи и комитеты борьбы за амнистию разоблачали подлинный характер такой амнистии и продолжали борьбу за освобождение всех политзаключенных, за право возвращения на родину политэмигрантов.

В монографии рассматривается кропотливая, повседневная работа мопровских комитетов, организаций помощи по сбору среди трудящихся, прогрессивной интеллигенции материальных средств для политзаключенных, их семей, вдов и детей убитых революционеров.

Организации МОПР и движения за оказание помощи в Болгарии проделали большую работу по организации юридической защиты тысяч людей, отданных под суд фашистской диктатурой за участие в революционной борьбе. В ноябре 1923 г. была создана юридическая группа при комиссии по оказанию помощи в Софии, позднее в стране появилось секция Международного юридического союза (МЮС)³, существовали юридические бюро в крупных городах, объединившие десятки прогрессивных адвокатов, часто безвозмездно помогавших революционерам. К маю 1932 г. болгарская секция МЮС насчитывала 210 человек (стр. 41, 138).

Рассматривая развитие движения за оказание помощи на протяжении более 20 лет, Д. Шарланов показывает, что все эти годы оно было одной из эффективных форм практического осуществления единого рабочего, а затем антифашистского народного фронта. Идеи гуманизма, солидарности, лежавшие в основе движения помощи, беспартийный характер организаций, ясность их целей даже для людей, стоявших в стороне от политической борьбы, делали возможным вовлечение в движение представителей политических партий, организаций, различных слоев населения, страдавших от фашистской диктатуры и искренне стремившихся помочь ее жертвам. Поэтому в движении за оказание помощи, наряду с коммунистами и комсомольцами, участвовали члены Земледельческого союза, рядовые члены социал-демократической партии, беспартийные.

³ МЮС (известен в литературе также как Международное юридическое объединение или ассоциация) был основан на Международной юридической конференции в Берлине в 1929 г., созванной по инициативе МОПР и др. организаций. Союз объединял в своих рядах юристов из многих стран мира, взаимодействовал с МОПР, Антиимпериалистической лигой и др. прогрессивными организациями.

Значительное место в монографии уделено проявлениям международной солидарности с жертвами фашистского террора в Болгарии. Автор показывает, что всякий раз, когда новая волна репрессий обрушивается на трудящихся этой страны, в защиту их поднимали свой голос Исполком Коминтерна, Исполком МОПР, мопровские секции зарубежных стран, в первую очередь Советского Союза, различные международные демократические и прогрессивные организации. По инициативе и при участии МОПР во многих странах возникали и действовали комитеты помощи жертвам террора в Болгарии, посылались делегации для расследования фактов террора (одну из них возглавил Анри Барбюс; результатом его поездки в Болгарию и другие Балканские страны явилась книга «Палачи» — обвинительный акт против белого террора), разоблачалась подлинная сущность фашистской диктатуры перед лицом мировой общественности. Международная красная помощь, ее национальные секции, и в особенности советская, оказывали большую материальную поддержку политзаключенным в Болгарии и их семьям, болгарским политэмигрантам. В сентябре 1923 г. МОПР послал в Болгарию 40 тыс. долларов. Это была первая помощь жертвам фашистского террора (стр. 32), без которой движение за оказание помощи в Болгарии не смогло бы справиться с задачей материальной поддержки жертв террора и их семей. Велика была и моральная поддержка политзаключенным болгарских тюрем, наиболее ярко проявившаяся в шефстве мопровских организаций СССР над ними. Так, в 1927 г. 24 мопровские организации СССР шефствовали над болгарскими политзаключенными. Активно переписывались мопровцы Москвы с узниками Софийской центральной тюрьмы, мопровцы Саратова — с политзаключенными тюрьмы г. Неврокола (стр. 77—79). В апреле 1928 г. политзаключенные Софийской центральной тюрьмы писали в ЦК МОПР СССР: «МОПР навестил нас в холодных кельях, в мрачных камерах, принес нам и нашим семьям теплый привет и дружескую помощь. Мы благодарим от себя и наших семей. Да здравствует МОПР!» (стр. 79).

Велики заслуги Исполкома МОПР и мопровских секций в оказании помощи болгарским детям-сиротам, родители которых погибли в борьбе с фашистской диктатурой. Десятки детей были приняты мопровскими детдомами в СССР и Германии. Сотни болгарских политэмигрантов существовали в Югославии за счет мопровской помощи, при содействии МОПР переправлялись в СССР и другие страны. В Советском Союзе они встречали радушный прием, получали возможность отдохнуть, подлечиться, получить работу. Книга Д. Шарланова свидетель-

ствует о том, что МОПР воплощал на практике идеи пролетарской солидарности.

Через всю монографию проходит идея неразрывной связи движения за оказание помощи в Болгарии с революционной борьбой народных масс против фашистской диктатуры, и в первую очередь, с борьбой пролетариата и его авангарда — коммунистов. Многие страницы книги Д. Шарланова посвящены проблеме взаимодействия компартии Болгарии с МОПР и болгарским движением за оказание помощи. Вопросы создания мопровеских комитетов помощи, комитетов борьбы за амнистию, активизации их деятельности, расширения их связи с массами паходились постоянно в поле зрения ЦК БРП, его заграничного Бюро, местных партийных комитетов.

Выдающиеся представители болгарского и международного революционного движения Георгий Димитров и Васил Коларов уделяли исключительное внимание деятельности МОПР. Д. Шарланов приводит многочисленные высказывания Димитрова и Коларова о МОПР и движении за оказание помощи в Болгарии. Их советы по улучшению работы организаций помощи, по усилению кампаний солидарности с преследуемыми революционерами, рекомендации партийным органам по улучшению руководства движением помощи сыграли важную роль в превращении его в одно из важных средств осуществления единого рабочего и антифашистского народного фронта.

Значительное место в книге уделено международному движению в защиту Г. Димитрова и его товарищей на Лейпцигском процессе. При этом автор освещает одну из мало исследованных проблем — роль Исполкома МОПР в организации и руководстве этим движением, вводя впервые в научный оборот архивные материалы ЦК МОПР. Одновременно Д. Шарланов детально прослеживает деятельность многочисленных болгарских комитетов солидарности с Г. Димитровым, В. Тапевым, Б. Поповым, что также во многом дополняет наши знания об этой яркой странице из истории пролетарского интернационализма.

После победы революции 9 сентября 1944 г., движение за оказание помощи стало действительно массовым, насчитывало в своих рядах сотни тысяч индивидуальных и десятки коллективных членов, приступило к выполнению новых задач. Автор монографии дает лишь краткую характеристику последнему периоду в истории движения помощи, ибо более подробно он освещен в книге А. Калшикова «Помощное движение в Болгарии. 1944—1945» и ряде статей.

Д. Шарланов показывает в своей книге трудности, с которыми пришлось

столкнуться движению за оказание помощи в Болгарии, и слабости, которые приходилось преодолевать. В монографии убедительно доказывается, что левосектантские ошибки, имевшие место в руководстве БКП в 20-х и первой половине 30-х годов, отрицательно сказывались на развитии движения за оказание помощи, тормозили его превращение в массовое. Только преодоление этих ошибок, принятие БКП курса на создание антифашистского народного фронта способствовали успешности связи организаций помощи с массами, их росту, повышению авторитета и влияния.

В рецензируемой монографии автором использован богатый фактический материал, особенно из болгарских архивов, широко привлечена периодическая печать исследуемого времени, значительная часть которой издавалась нелегально и полулегально, и впервые вводится в научный оборот.

В интересной и ценной работе Д. Шарланова имеют место, на наш взгляд, и отдельные недостатки. Прежде всего, хотелось бы указать на некоторую фрагментарность отдельных разделов, например, автор приводит множество фактов деятельности МОПР в международном масштабе, не всегда связанных между собой, и не дает им достаточно глубокого анализа (стр. 12—14, 38—39, 58—59 и др.). Вряд ли можно согласиться с утверждением Д. Шарланова, что мопровеские секции во всем мире только с 1929 г. начинают превращаться в массовые (стр. 95). Этот процесс, как свидетельствуют факты, начался раньше.

С другой стороны, с 1929 г., а точнее после VI конгресса Коминтерна, некоторые компартии допустили сектантские ошибки в применении тактики единого фронта, что отрицательно сказалось на деятельности МОПР по превращению национальных секций в массовые организации. Решения VII конгресса Коминтерна имели большое значение, как это справедливо отмечает и сам автор (стр. 172—174), для превращения Международной красной помощи в подлинно массовое движение антифашистского народного фронта поддержки жертв фашизма и буржуазного террора. Имеются в монографии и отдельные фактические неточности. Так например, на стр. 13 автор утверждает, что с 18 марта 1923 г. ЦК МОПР начал издавать газету «На помощь борцам революции!». В действительности это был единственный выпуск газеты, изданный в честь дня Парижской Коммуны 18 марта 1923 г.

Указанные выше недостатки не могут снизить общей высокой оценки монографии Д. Шарланова.

А. И. Аврус, Л. Г. Габиченко

А. Ф. НОСКОВА. *Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944*. М., 1971, 254 стр.

С каждым годом, отдаляющим Европу от трагедии второй мировой войны, увеличивается число исследований, посвященных истории польского народа того периода. Однако вплоть до последнего времени в СССР не было специальных работ о гитлеровском оккупационном режиме на польских землях. Монография А. Ф. Носковой восполняет этот пробел.

Автор детально и аргументированно показала цели, методы, принципы политики нацистов в Польше, уделив основное внимание использованию фашистской Германией польской экономики в интересах войны.

В предисловии к книге А. Ф. Носкова пишет: «Нацистский оккупационный режим в Польше — это дикий и безудержный террор, массовые аресты и расстрелы, человеческое унижение и депационализация, это — закрытые школы, вузы, театры, газеты, журналы, это — горящие музеи и библиотеки, взорванные памятники и костелы, разрушенные деревни и города, эпидемии и принудительная трудовая повинность, это — смерть в каждом доме, в каждой семье» (стр. 6).

В своей работе над книгой автор опиралась на труды ученых ПНР и ГДР, а также на работы, появившиеся в последнее время на Западе. Использован широкий круг мемуарной литературы, среди которой, безусловно, выделяется «Хроника» известного польского экономиста Л. Ландау, погибшего в 1944 г. в Варшаве. Строго научной оценке вопросов, рассмотренных А. Ф. Носковой, способствовало привлечение богатого фактического материала из архивов СССР и ПНР, использование большого количества опубликованных документальных материалов: так называемых законодательных распоряжений оккупационных властей, сборника «Распоряжений по генерал-губернаторству», свидетельств из послевоенных процессов над гитлеровскими преступниками, сообщений делегатуры польского эмигрантского правительства, а также данных, содержащихся в специальных фашистских закрытых изданиях тех лет.

Акцент работы — на анализе гитлеровской экономической политики на польских землях, которые имелись нацистами «генерал-губернаторством» и не были включены непосредственно в состав «третьей империи». Убедителен вывод автора о принципиальных особенностях оккупационной политики гитлеровцев в Польше, отличавшейся от политики, проводимой нацистами в других захваченных странах Западной Европы. По мнению А. Ф. Носковой, гитлеровскую политику в Польше «отличала тенденция к разрушению или эксплуатации вплоть до разруше-

ния всех производственных мощностей страны, к изменению национального характера собственности в городе и деревне, к уничтожению всей сложившейся ранее польской экономической структуры. Такого систематического и сознательного уничтожения экономических ценностей и людских резервов не производилось ни в одном из захваченных Гитлером государств капиталистической Европы» (стр. 7). Автор выделяет и освещает три периода гитлеровской оккупации: первый — от вторжения в Польшу и до нападения на СССР (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.); второй — от вторжения Германии на советскую землю до разгрома фашистских армий под Сталинградом (июнь 1941 г. — конец 1942 г.); третий — 1943—1944 годы, т. е. период оккупационного режима в Польше, поражения гитлеровцев на Восточном фронте завершились освобождением от немецких захватчиков территорий «генерал-губернаторства» советскими и польскими войсками в январе 1945 г. Все три периода получили в работе глубокое научное освещение.

В книге собран большой материал о разграблении национального достояния Польши немецкими монополиями, банками, вермахтом, местными оккупационными властями. Вместе с войсками в страну пришли представители концернов Геринга, Рехлинга, Шнейдера и других. Завладев важнейшими отраслями польской промышленности и источниками сырья, они приступили к чудовищному разграблению хозяйства Польши и безудержной эксплуатации населения. Одним из первых указов генерал-губернатора Польши Ганса Франка был указ о конфискации всего имущества бывшего Польского государства. В книге А. Ф. Носковой содержится весьма важные свидетельства грабительской деятельности так называемого опекунского ведомства «Восток», созданного для управления пограбленным и принудительно контролируемым имуществом в Польше. «Опекунская» система приносила оккупантам огромные доходы.

Беспощадное разрушение экономики Польши сочеталось с задачей биологического истребления поляков, которые были лишены элементарных прав и защиты со стороны закона. Как отмечает А. Ф. Носкова, «население генерал-губернаторства, за исключением немецкого, не имело никакого гражданства или подданства. Польское гражданство было отменено оккупантами, а немецкого поляки не получили» (стр. 31).

Оккупанты стремились задуть национальное самосознание поляков, уничтожая очаги польской культуры и науки.

В этой связи книга содержит интересные наблюдения о политике германизации некоторой части польского народа и денационализации страны. Автор останавливается на трагедии Замостья, где нацисты попытались реализовать чудовищный план истребления славян — «Генеральный план Ост», о проведении акции А—Б, направленной на физическое уничтожение всей польской интеллигенции. В работе рассказывается и о неудавшихся попытках Франка найти «общий» язык с поляками после Сталинградской битвы, и о так называемой «кампании „Берта“», имевшей целью получить в «генерал-губернаторстве» пушечное мясо для продолжения войны с СССР. Однако ничто уже не могло спасти оккупационный режим от приближавшегося краха.

Население «генерал-губернаторства», бывшего, по выражению автора, «одним из станков» в гигантском цехе оккупированной пацистами Европы (стр. 143), — несмотря на голод, разрушение экономики и безудержный террор, неустанно боролось с оккупантами.

Автор говорит о самых различных формах борьбы с оккупантами и их политикой, о рабочем классе, возглавившем вооруженную борьбу с гитлеровцами, которая в значительной мере способствовала краху планов колонизации и германизации Польши.

К числу спорных положений книги, на наш взгляд, следует отнести преувеличение автором степени разногласий между Франком и Гиммлером по вопросу

колонизационной деятельности в Польше. Подобное преувеличение встречается, прежде всего, у некоторых историков ПНР. Однако нельзя не заметить, что ни продажность нацистских чиновников из «правительства» Франка, ни его финансовые махинации, ни либеральное отношение к «черному» рынку, ни даже торговля немецким оружием не могут скрыть за собой картину грабежа и разбоя в Польше, которую сам Франк называл «трофейной страной», и которую он стремился сделать «грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры» (стр. 78). В книге встречаются и некоторые неточные формулировки. Так, Кейтель на стр. 26 назван «командующим нацистской армией», а на стр. 115 — «главнокомандующим немецкой армией»; общеизвестно же, что вплоть до 8 мая 1945 г. он был начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил.

Отмеченные недостатки не меняют общей положительной оценки рецензируемой работы. Книга А. Ф. Носковой облачает современных адвокатов нацизма, пытающихся объяснить крах оккупационного режима в Польше ошибками отдельных лидеров «третьей империи» и скрыть роль германского империализма в трагедии польского народа в годы второй мировой войны.

Д. С. Климовский

Д. Д. ВУЛОВИЧ. Црна Гора и Француска, 1860—1914. Цетиње, 1971, 516 стр.

ДИМИТРИЈЕ-ДИМО ВУЙОВИЧ. Черногория и Франция, 1860—1914

Председатель общества историков Югославии д-р Д. Д. Вуйович — один из крупнейших черногорских ученых. Его перу принадлежит ряд трудов по истории создания югославского государства в 1918 г.¹ и отношений Черногории с великими державами в XIX в.

Последней проблеме посвящена и рецензируемая монография, в которой главное внимание уделено политике Франции в Черногории со второй половины XIX в. до начала первой мировой

войны. Эта тема недостаточно освещена в литературе, что объясняется, по-видимому, слабой источниковедческой базой, которой располагали до сих пор исследователи.

Многие документы и целые архивные фонды в годы первой мировой войны были вывезены оккупационными властями из Черногории в Австро-Венгрию. В 1916 г. черногорское правительство в спешке бежало из страны, запрятав в подвалы королевского дворца наиболее ценные документы. Во время второй мировой войны архивы Черногории снова пострадали от итальянской оккупации и лишь сравнительно недавно Государственный исторический архив в Цетиње собрал и реставрировал утерянные было коллекции.

Д.-Д. Вуйович впервые широко привлек черногорские дипломатические документы в монографии. Он использовал также малоизвестные документы минис-

¹ Д.-Д. В у ј о в и ч. Уједињење Црне Горе и Србије 1918. Титоград, 1962; е г о ж е. Борба Русије и Француске за утицај на сполну политику Црне Горе и кампања против кнеза Николе 1867 «Историјски записи», књ. 4, 1964; е г о ж е. Односи Црне Горе и Француске за вријеме првог свијетског рата. «Историјски записи», 1964, књ. 3; е г о ж е. Књегина Даринка. Цетиње, 1968.

терства иностранных дел Франции, учел мемуарную литературу, главным образом французских и черногорских государственных деятелей и дипломатов.

Ознакомление с первоисточниками позволило автору глубоко проанализировать франко-черногорские отношения того времени, показав, что на разных этапах они имели неодинаковую степень интенсивности. Франция проявляла особый интерес к Черногории в годы империи Наполеона III, когда Париж в борьбе за пересмотр решений Венского конгресса использовал принцип «народности» и поощрял освободительную борьбу Черногории против турецкого ига.

Во время герцеговинского восстания 1875 г. и черногорско-турецкой войны 1876—1878 гг. Франция, напротив, стремилась отвлечь Черногорию от активных действий, так как поддерживала доктрину министра иностранных дел Австро-Венгрии Андраши о сохранении status quo на Балканах, опасаясь, что ослабление Турецкой империи приведет к усилению позиций царской России и других великих держав на Балканах и Ближнем Востоке.

Накануне первой мировой войны произошло сближение Франции с Россией, что привело к изменению черногорской политики Кэ д'Орсе. Париж снова начал подталкивать Черногорию к активным действиям против Турции и Австро-Венгрии, надеясь посредством войны обеспечить возросшие империалистические интересы французских монополий на Балканах. Д.-Д. Вуйович привел в книге большой документальный материал из истории дипломатических отношений Франции и Черногории на каждом из этих этапов, хорошо обрисовав позицию обеих сторон.

Менее подробно освещен в монографии вопрос о месте других великих держав, и прежде всего России, в формировании внешней политики Черногории. Автор не использовал советские архивы, а между тем, они содержат немало ценных документов о русско-французских отношениях на Балканах и политике обоих государств в Черногории. Черногория, несомненно, видела своего главного союзника в лице России, а не Франции. Последняя, как правильно пишет Д.-Д. Вуйович, считала Черногорию и даже Балканы в целом сравнительно второстепенным объектом

своей политики в течение всего XIX в., рассматривая этот район лишь как эвентуальный плацдарм для дальнейшего проникновения на Ближний Восток. Франция всерьез заинтересовалась Черногорией сравнительно поздно, в конце первой мировой войны, когда французский империализм стал претендовать на гегемонию не только на Ближнем Востоке, но и на Балканах.

В отличие от Франции царская Россия уже со времен Петра I рассматривала Черногорию как свой опорный пункт на Балканах. Она оказывала Черногории финансовую помощь², участвовала в создании и инспектировании ее вооруженных сил, поддерживала черногорское государство на международной арене. У царской России и Черногории были, конечно, свои периоды охлаждения взаимоотношений, как это произошло, например, в 1912 г., когда Петербург, недовольный решением короля Николы начать войну против Турции, прекратил на время выдачу Черногории финансовых субсидий, но в целом между обеими странами существовали традиционно прочные отношения, и Черногория прежде всего ориентировалась на Россию.

У Франции таких традиционных связей с Черногорией никогда не было, и даже в периоды наиболее тесных контактов Цетинье с Парижем французское влияние в стране не было преобладающим. В книге Д.-Д. Вуйовича этому вопросу уделено меньшее внимание, и у читателя может создаться впечатление о преобладающем влиянии Франции в Черногории в конце XIX в.

Между Россией и Францией в балканской политике имелись противоречия и о них тоже стоило бы сказать в книге более развернуто.

Однако эти замечания являются скорее пожеланиями, чем критикой. Книга, в целом, оставляет самое благоприятное впечатление. Она написана на профессионально высоком уровне и представляет собой, несомненно, весомый вклад в науку.

Ю. Писарев

² Накануне войны Черногория получала из России около 900 тыс. рублей субсидий ежегодно, что составляло почти половину бюджетных поступлений страны (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3203, л. 61).

S. KIENIEWICZ. *Powstanie styczniowe*. Warszawa, PWN, 1972, 801 s., il., mapy

С. КЕНЕВИЧ. *Январское восстание*

Имя профессора Варшавского университета Стефана Кеневича хорошо известно советским историкам. Его статьи не раз публиковались в наших журналах. Действительный член Польской академии наук, председатель Комитета исторических наук ПАН, С. Кеневич активно участвует в деятельности Комиссии историков СССР и Польши. Это естественно, поскольку проблематика исследований Кеневича непосредственно затрагивает область истории русско-польских отношений и связей в XIX в. Новая монография С. Кеневича, посвященная восстанию 1863 г., представляет собою выдающееся событие в изучении истории Польши XIX в. и в развитии всей польской историографии.

Восстание 1863—1864 гг. — крупнейшее событие польского национально-освободительного движения, ставшее поворотным пунктом развития, вехой, отделяющей в истории Польши эпоху феодализма от эпохи капитализма. Эти несколько лет (ибо восстание неотделимо от подготовившего его подъема движения в 1860—1862 гг.) были периодом, в котором достигли кульминации длительные процессы социального, экономического, идеологического, национального развития, в котором проявили себя во взаимодействии все элементы сложнейшей структуры польского общества переходного периода, периода смены формаций, все элементы нации, существующей в условиях национального угнетения и расчленения. Таким образом, восстание 1863 г. было сложнейшим явлением, даже если его рассматривать как изолированный эпизод *внутренней* польской истории. Но оно не было и не могло быть явлением лишь внутренней истории. Сам подъем польского национально-освободительного движения в начале 60-х годов был органически связан с революционной ситуацией в России, ход событий доказал нерасторжимость судеб освободительного движения народов России и Польши. Восстание 1863 г. стало фактором первостепенного значения в развитии международных отношений, международного революционного движения. Наконец, восстание 1863 г. на многие годы стало фактором идеологической борьбы, отправным пунктом различных, нередко весьма далеких от поисков истины, политических построений. В истории январского восстания черпали аргументы и сторонники и противники освободительного движения.

Библиография восстания 1863 г. насчитывает уже многие тысячи наименований, однако марксистско-ленинская ли-

тература о нем отнюдь не велика и до сих пор ограничивалась исследованиями узких тем или отдельных сторон проблемы, в целом же проблема освещалась лишь в кратких, по преимуществу популярных очерках. Книга С. Кеневича — первый марксистский труд о восстании 1863 г., исследующий проблему в целом, синтезирующий итоги ее изучения.

В эту книгу вложен гигантский труд, и все-таки то, что задача оказалась по силам автору — результат прежде всего всей предшествующей его научной деятельности. Крупнейший знаток всей истории Польши XIX в., С. Кеневич последовательно изучил ряд узловых ее событий — познанское восстание 1848 г. и вклад поляков в общеевропейский революционный подъем 1848—1849 гг., крестьянское восстание в Галиции в 1846 г., проблемы политической истории, революционного движения во всех частях расчлененной Польши и в эмиграции. История восстания 1863 г., занимающая важное место в исследовательской деятельности С. Кеневича, трактуется им на широком фоне общенационального исторического процесса. Но к синтетической монографии автор подошел, имея уже за плечами более чем тридцатилетний опыт изучения проблематики самого восстания 1863 г., несколько фундаментальных монографий и среди них такие как «Крестьянский вопрос в восстании 1863 г.» (1953), «Между компромиссом и революцией. Анджей Замойский в 1861—1862 гг.» (1962), десятки исследовательских статей. С. Кеневич на протяжении уже полутора десятилетий целенаправленно расширял источниковедческую базу будущей монографии своим участием в создании документальной советско-польской серии «Восстание 1863 г.». Рецензентам, сопричастным к этой публикации, приятно отметить тот факт, что на страницах монографии мы встречаем более тысячи ссылок на уже изданные 17 томов этой серии и на материалы нескольких томов, еще не увидевших свет. Необходимо подчеркнуть, что при всей своей весомости рецензируемая книга есть лишь вершина пирамиды, основание которой составляет несравненно более обширный комплекс научного творчества С. Кеневича.

Обилие фактического материала, широта эрудиции автора не всегда играют роль союзников при создании обобщающей работы. Именно для этого вида исследовательских работ особенно опасно возникновение ситуации, когда «за деревьями леса не видно». С. Кеневич, как об этом свидетельствует предисловие к

книге, был серьезно озабочен проблемой отбора материала, поисками правильной структуры монографии. Центральной темой исследования, вокруг которой далее группируются все иные проблемы, автор избрал «историю лагеря красных, созданной этим лагерем национальной организации, руководства этой организацией, которое привело к восстанию и стало во главе его» (стр. 5). Автор пишет далее, что «проблема возникновения восстания, а тем более его последствий требовала соотнесения с экономической и социальной проблематикой, с историей духовной жизни, литературы и нравов. О всех этих обширных проблемах я писал менее детально...» (стр. 5—6). Может показаться парадоксальным, что на путь сведения социально-экономической проблематики к необходимому минимуму стал знаток этой проблематики, автор «Крестьянского вопроса в восстании 1863 года». Но как раз превосходное знание материала помогло автору в этом, как и в иных случаях, проявить при отборе материала абсолютное чувство меры, найти то оптимальное соотношение, которое обеспечивает и доказательность позиций автора, и стройность синтетического труда.

Еще одним свидетельством замечательного умения никогда не терять путеводной нити являются страницы книги, посвященные переворотам в составе Национального правительства, проблемам повстанческих финансов, обеспечения отрядов оружием и т.п. Здесь мы имеем дело с результатами самых недавних исследований автора, которые еще не нашли отражения в специальных статьях. Каждый исследователь оценит, насколько трудно в подобных обстоятельствах удержаться от соблазна более обстоятельно изложить впервые используемые источники, более пространно аргументировать впервые публикуемые выводы. Однако, лишь обращаясь к подстрочному аппарату, читатель может обнаружить, что в этих вопросах обобщение «идет по целине», настолько эти «микромонографии» органично вписаны в весь ход изложения.

Примечательным и, на наш взгляд, отнюдь немаловажным достоинством рецензируемой книги является ее ясность, доходчивость, «читаемость». Автор сумел, не поступаясь научным уровнем изложения, сделать его доступным пониманию читателя-неспециалиста. Эту насыщенную, оснащенную богатейшим аппаратом книгу интересно читать. Четырехтысячный тираж ее разошелся в считанные недели, и причиной тому не только общественная значимость темы.

Книгу С. Кеневича оценил польский читатель, она будет оценена и советским читателем. Восстание 1863 г. — это драматическая страница истории Польши, по равным образом и Литвы, Белоруссии, Украины, оно теснейшим образом

связано (об этом мы уже упоминали выше) с историей всей нашей страны. И эти исторические связи нашли широкое отражение в книге.

В течение последних двух десятилетий советская наука уделяла относительно большое внимание проблемам русско-польских революционных связей эпохи восстания 1863 г. Найдено и издано много источников, опубликовано немало монографий и статей. С чувством удовлетворения мы отмечаем, что плоды этой работы оказались полезны при создании синтетического очерка истории восстания. Революционная Россия 60-х годов XIX столетия в этой книге не «фон», а органическая часть проблемы. Монография С. Кеневича подтверждает принципиально важный тезис о невозможности изучения движения, вершиной которого стало восстание 1863 г., без учета революционной ситуации в России, как и невозможности вычленения «польского брожения» из всего комплекса явлений первой общероссийской революционной ситуации. Даже тогда, когда Кеневич описывает хорошо известные нам события этих лет, происходившие в России, оценка их значения под углом зрения развития революционной ситуации в Польше оказывается очень содержательной и полезной.

Книга С. Кеневича имеет большое познавательное значение, она будет с пользой прочтена широким кругом читателей, ибо монография такого масштаба должна привлечь внимание не только узких специалистов.

Значит ли сказанное выше, что рецензируемая книга совершенно лишена недостатков, что нет оснований адресовать автору, особенно учитывая весьма вероятную перспективу переиздания книги, пожелания по части ее совершенствования? Разумеется, такие замечания появятся в рецензиях на книгу. Приведем некоторые из них и мы.

При реализации сложной задачи отбора конкретного материала автору трудно было избежать некоторых издержек. На наш взгляд, некоторые аспекты польско-русских революционных связей следовало бы представить несколько подробнее. Это относится, в частности, к петербургскому кругу Огрызки и к так называемому казанскому заговору.

Остановимся еще на некоторых более частных вопросах, отражающих, естественно, круг непосредственных интересов рецензентов.

По мнению автора, листовка «Льетса польская кровь, льетса русская кровь...», составленная Слещовым в Варшаве, была им привезена в Лондон, там дополнена и уже затем отправлена в Петербург для печатания (стр. 402). Представляется, что в этом случае она и была бы напечатана в Лондоне. Кроме того, при таком варианте эту листовку никоим образом

не удалось бы напечатать в Петербурге уже в середине февраля 1863 г. (ст. ст.). Ведь необходимо было еще время, чтобы в Лондон дошли известия о битве под Семьтгчами, упоминаемой в листовке. Скорее всего, составленная в Варшаве, листовка была сразу же отправлена Слеповым в Петербург, где и отпечатана после дополнения текста последними известиями.

Вызывает также сомнение заявление автора, что Центральный национальный комитет завязал отношения с Центральным комитетом «Земли и Воли» потому, что позиция Герцена, Огарева и Бакунина его не устраивала (стр. 335—336). Необходимость дальнейшего развития контактов с ЦК «Земли и Воли» обсуждалась уже во время лондонских переговоров, и Падлевский приехал в Петербург, имея рекомендательные письма из Лондона. К тому же к перспективе немедленного восстановления петербургские революционеры отнеслись так же настороженно, как и издатели «Колокола».

Утверждение, будто Карл Маркс участвовал в подготовке экспедиции Лапиньского (стр. 410), противоречит фактам: контакты Маркса с Лапиньским относятся ко второй половине 1863 г.

Автор анализирует (стр. 234—235) известный тезис о том, что Ярослав Домбровский форсировал реализацию своего плана восстания якобы в связи с предпологавшимися перемещениями гарнизонов. Совершенно справедливо заняв скептическую позицию в отношении этого тезиса, автор добавляет, однако, что с появлением в Варшаве 3-й гвардейской дивизии ситуация должна была ухудшиться. Но такая перспектива никак не могла повлиять на план Домбровского. Идея отправления в Варшаву гвардии возникла в Петербурге в начале июля и была утверждена царем в середине сентября, т. е. тогда, когда и план восстания стал уже неактуальным, и сам Домбровский уже сидел в цитадели.

Рецензия в львовском журнале «Гудзіеб», подписанная А. В. С., которую С. Кепевич приписывает Скотницкому (стр. 201—202), скорее всего принадлежит Брониславу Антонию Шварце.

Константин Калиновский был не абитуриентом (стр. 292), а кандидатом С.-Петербургского университета.

Вопрос, как называлась комиссия Стефана Бобровского, замещавшая в январе — феврале 1863 г. Национальное правительство: «вспомогательная» или «исполнительная» (стр. 381), разрешается очень просто. На печати, которой пользовалась комиссия, вырезано ее название — Komisja wykonawcza («Исполнительная комиссия»).

Утверждение автора, что Литовский провинциальный комитет заимствовал у варшавского центра систему трех печатей (стр. 294), к сожалению, не соответствует

действительности. Во-первых, печати с монограммой в Литве не существовало. Заблуждение автора вызвано недостаточно ясно сформулированной легендой опубликованного документа. На подлиннике «Инструкции для окружных» стоит выполненный от руки знак (псевдо-подпись), а не печать-монограмма¹. Документ скреплен только одной печатью с изображением рукопожатия и текстом «Odwaga — Rozwaga», которой пользовалось руководство красных в Литве. Во-вторых, упомянутая печать была изготовлена, по-видимому, в конце сентября 1862 г.², но только с января 1863 г. известно употребление печати: «Organizacja Narodowa. Komitet Prow. Litewski», которая и сменила первую. (Известен только один документ, скрепленный обоими печатями.) Таким образом, ни о какой аналогии в этом вопросе не может быть и речи.

Вызывает некоторое сомнение утверждение автора, будто кроме Варшавы более нигде не были введены в действие революционные трибуналы (стр. 534). Если о деятельности провинциальных трибуналов и не сохранилось никаких сведений, то, во всяком случае, известны печати трибуналов для Волыни и Украины (Киевская губерния)³. Кроме того, существовали печати прокуроров при трибуналах в повятах Сейненском и Меховском и в городе Щебжешине⁴. Учитывая территориальную разбросанность этих институций, а также изготовление печатей повятых прокуроров в Варшаве, трудно видеть здесь только случайность. Скорее всего мы имеем дело с определенными действиями центрального руководства, направленными на осуществление декрета о трибуналах. То, что в настоящее время мы не знаем исходящих от этих институций документов, еще не означает, что их не было.

В заключение мы хотели бы еще раз подчеркнуть значение выхода в свет фундаментального труда Стефана Кеневича для польской и советской исторической науки.

И. С. Миллер, Ю. И. Штапельберг

¹ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, ф. 629, д. 124.

² См. воспоминания Е. Кучевского-Порай. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.». М., 1964, стр. 198.

³ Матрицы хранятся в Львовском государственном историческом музее.

⁴ ЦГИА УССР (Львов), ф. 102, оп. 2, д. 23, л. 8 (коммеморативный оттиск); Zb. P e s k o w s k i. Miłchów. Studia z dziejów miasta i ziemi Miechowskiej do r. 1914. Kraków, 1967, s. 206; «Powstanie styczniowe na Lubelszczyźnie». Lublin, 1966, s. 130.

РЕФЕРЕНДАРСКИЙ СУД В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В книге А. Фальневской-Градовской¹ делается попытка проанализировать общественно-хозяйственную деятельность референдарии в последние годы ее существования. Автор изучает деятельность референдарии в условиях распространения идей польского Просвещения, в период последних попыток сохранить Речь Посполитую. Ее интересует не столько чисто юридическая сторона вопроса, сколько практическая деятельность суда, отражавшая политику определенных кругов господствующего класса, значенные деятельности референдарии для крестьян так называемых королевских имений.

Документальная база исследования — главным образом архивные источники. Фактический материал относится преимущественно к Краковскому воеводству, однако выводы выходят далеко за рамки воеводства.

В книге имеются данные о расширении компетенции референдарии, распространении ее на духовные имения, о деятельности суда не только в качестве охранителя имущества Речи Посполитой, но и как органа, пытающегося осуществить некоторые идеи Просвещения и т. п. Автору удалось поколебать распространенное мнение о беспомощности референдарского суда, неспособности провести в жизнь свои решения — по крайней мере в изучаемый период (152 стр.).

Половина всех судебных процессов за данный период связана с протестами крестьян против захвата их земли, повышения повинностей и с другими злоупотреблениями. На втором месте по количеству — процессы по подобным же жалобам привилегированных слоев крестьян: солтысов, избранцев и др. Заметим, кстати, что, по подсчетам автора, в конце XVIII в. 90% привилегированных владений (солтыства, избранчества, леманства, мельничные и прочие земли) находились в руках лиц крестьянского происхождения (стр. 26).

Обнаруживается стремление упорядочить поземельные отношения, регулировать крестьянские повинности, даже ускорить и упростить решение дел, чему обычно противился барский двор (стр. 103, 130—131).

После бурных десятилетий второй половины XVII и начала XVIII вв., сильного разорения деревни, заслуживает внимания настойчивая политика референдарии повсеместно насаждать более

или менее крепкие (по тогдашним понятиям) крестьянские хозяйства — четвертьлановые при хорошей земле, если же земля была средняя, то ее площадь приравнялась к доброй как 4:3 (т. е. 4 лана считали за 3), земля «подлая» — как 2:1 (стр. 108). Оптимальным считалось отношение всей крестьянской земли к дворской как 2:1.

Кмет мог получить четверть лана при перемере, мог взять и две четверти и даже больше, все зависело от его возможности обрабатывать землю и исполнять повинности, особенно тяглую барщину, с каждой четверти. Крестьяне иногда не хотели брать новые четвертьлановые наделы, не желая связывать себя с тяжелыми повинностями, но бывало, что и наоборот, халушники, заградники брали наделы, так что разница между прежними группами крестьянского населения явно стирается (стр. 191—203). Стоит отметить, что подобные явления иногда можно было наблюдать и в начале XVII в. В целом же, там где референдария осуществляла землеустроительные работы, в конце XVIII в. можно отметить определенное укрупнение крестьянских хозяйств. Делить четвертьлановые хозяйства не разрешалось (стр. 200—203). Все это вполне в духе «просвещенного» шляхетского правительства, стремившегося избежать коренных изменений. Не совсем понятно только замечание автора: долго так при феодализме быть не могло (стр. 203). Пожалуй, наоборот: господство феодализма консервировало такие отношения. Капитализм быстро бы разрушил феодальную «гармонию». Подобную политику «улучшения» феодализма, установления «справедливых» повинностей проводила референдария и в отношении обязательств крестьян по отношению к двору.

Много внимания в книге уделено показу борьбы крестьян за свои права через референдарский суд. Подробно разбирается вопрос о том, как возникали крестьянские жалобы, как формулировались и оформлялись соответствующие документы, часто при помощи приглашенных «адвокатов», как собирались нелегальные сходы, какова была при этом роль общины и ее органов, показывается борьба за ключевые позиции в общинном управлении и т. д. Нельзя не согласиться с тем, что каждый факт выступления крестьян, особенно каждый факт их победы в референдарском процессе, заслуживает пристального внимания (стр. 12—33). В ходе длительного процесса вырабатывались чувства классовой солидарности, традиции коллективных действий людей, все более осознающих свое человеческое достоинство и права (стр. 153)

¹ А. F al n i o w s k a - G r a d o w s k a. Ostatnie lata działalności sądu referendarskiego koronnego (1768—1793). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971, 290 s.

		С надела- лами от 1 лана и больше	С надела- ми от 1/2 до 1 лана	С наделами от 1/4 до 1/2 лана	С наделами до 1/4 лана	Безземельных и с неизвест- ным ареалом
Всего хозяйств	376 (100%)	3 (0,8%)	49 (13,0%)	244 (64,9%)	80 (21,3%)	—
Активных участ- ников движения	104 (100%)	3 (2,9%)	16 (15,4%)	53 (50,9%)	16 (15,4%)	16 (15,4%)

Автор справедливо подчеркивает возросшую классовую сознательность крестьян.

Нельзя, вместе с тем, не сказать, однако, что борьба за «справедливость» при помощи референдарского суда, наряду с положительным значением, имела и отрицательное: порождала наивные иллюзии, часто приводила к растрачиванию попустому боевой энергии, классовой активности. Не говоря уже о том, что вся крестьянская борьба за референдарскую справедливость носила, в сущности, оборонительный характер.

А. Фальневская-Градовская оценивает настойчивые попытки референдарии осуществить так называемые ординацию генеральную и ординацию доброго порядка как положительные факторы. Это верно, особенно в отношении расширения прав на землю королевских крестьян. Права эти начали de facto приближаться к буржуазным формам права (собственность на строения и земли, ими занятые, свобода отчуждения, хотя и с санкции двора, попытки поставить знак равенства между *zakupieństwem*, считавшимся прежде наилучшей формой крестьянского владения, и собственностью, согласно ординации и т. п.) (стр. 251—255). Но все эти мероприятия запоздали; к тому же были они половинчатыми и непоследовательными.

Интересны многие страницы книги, на которых излагается ход крестьянской борьбы, автор часто рисует весьма колоритные фигуры крестьянских вожаков, «адвокатов», приглашаемых общиной. Последние, — а это не крестьяне, — пожалуй, тоже явление новое, порожденное Просвещением. А. Фальневская-Градовская в каждом процессе выделяет группу крестьян, принимавших наиболее активное участие в борьбе, причем всегда кто-либо из них являлся настоящим вожаком, руководителем. Автор старается определить социальное лицо этой группы. Неимоверно трудно установить, кто из общины играл самую важную роль. Тем более, что дела в референдарии велись, как правило, коллективно от имени всей общины, даже несколько сел, целого имения, староства, иногда — от имени отдельных слоев: избранцев, корчмарей и т. д. Возможно, что указанные в доку-

ментах «зачинщики» не всегда являлись таковыми в действительности, попадали в их число в силу особых обстоятельств: возможности отлучиться от дома и хозяйства, грамотности и т. п. И все же замечание автора, что среди руководителей, наиболее активных участников сходов, референдарских процессов часто встречаются крестьяне из числа достаточно крепких хозяев, заслуживает серьезного внимания. Это не противоречит и тому, что люди имущие, в хозяйственном отношении достаточно независимые, не были склонны сразу же прибегать к крайним и рискованным формам классовой борьбы, предпочитая им законные судебные процессы.

А. Фальневская-Градовская в табл. 5 (стр. 40) приводит данные (см. нашу таблицу).

Получается, что чем крупнее хозяйство, тем относительно большая часть их владельцев принимала участие в движении! Но это только на первый взгляд. Прежде всего путает картину 5-я графа: 16 человек — это безземельные или такие, о размерах наделов которых ничего не известно. Однако из этих 16 человек: пятеро — сторож, коморник, парубок, два брата, получившие, как кажется (!), в наследство поллана, встречаются тут немногочисленные загородники (один из них, правда, имел четверть лана и использовал труд двух наемников) (стр. 42). Видимо, будет верным 8 человек из этой группы отнести к числу малоземельных (до 1/4 лана). Тогда из 80 малоземельных хозяйств (21,3% всех хозяйств) 24 принимали активное участие в движении, т. е. 23,1% всех участников борьбы — это как раз малоземельные. Другими словами: процент участников борьбы среди бедноты выше, чем доля самой этой группы среди всех хозяйств. Кроме того, в группе с наделами от 1/4 до 1/2 лана какая-то часть (скорее всего — большинство) имела по четверти лана, и считать их хозяевами зажиточными можно лишь с оговорками. Не меняет дела и то, что все 100% многоземельных — участники движения: их ведь только трое. Не забудем и другое: в группу зажиточных входили и корчмарь, и избранцы (стр. 41), а у них могли быть особые счета с адми-

нистрацией — отставание своего привилегированного положения.

Но поскольку таблица 5 вызывает некоторые сомнения, то и вытекающая из нее таблица 6 — тоже (стр. 41). Тут из числа хозяйств, с наделами до $\frac{1}{4}$ лана (всего 80) принимало участие в антидворских выступлениях 20%, т. е. 16 хозяйств. Но если наше допущение верно и таких хозяйств было не 16, а 24, то процент активных участников движения из числа малоземельных будет 30% (24 из 80), т. е. почти столько же (в процентах, а не по численности!), сколько и в группе хозяйств от $\frac{1}{2}$ до 1 лана (32,6% — 16 из 49 хозяйств). Абсолютное число активно выступавших крестьян среди малоземельных выше, чем среди хорошо обеспеченных земель. Эту мысль можно проиллюстрировать на примере имения Ежмановице. Всего участников движения тут 19 (из общего числа 95 хозяйств). Из 8 малоземельных хозяйств (до $\frac{1}{4}$ лана) 4 (50%) принимали активное участие в выступлениях против двора, а из 17 «добрых» хозяйств (от $\frac{1}{2}$ до 1 лана) лишь 3 (17,6%) были настроены активно.

Итак, не вызывает сомнений факт активного участия в выступлениях против двора представителей относительно зажиточной части крестьянства, это доказано, но то, что среди массы активных борцов против притеснений и эксплуатации преобладала зажиточная часть села — это, во всяком случае, спорно.

Интересны наблюдения над возрастным составом наиболее активной части деревни. В большинстве случаев это люди в возрасте 40—50 лет и старше (стр. 42—43). Жаль, что эти данные недостаточно прокомментированы. В самом деле: то ли это потому, что молодежь предпочитала более действенные и быстрые формы борьбы, то ли потому, что лица зрелого возраста являлись самостоятельными хозяевами или просто более опытными и пользовавшимися авторитетом?

Обычно при исследовании классовых форм борьбы крестьян против феодальной эксплуатации выделяют активные и пассив-

ные формы, но это довольно условно. Во всяком случае, не будем спешить причислять борьбу за свои права через посредство референдарского суда к пассивным формам. Как перед процессом, так и в ходе его проходили легальные и нелегальные сходы, шла борьба за органы общинного управления, одним словом, активизировалось формирование классового самосознания. Более того, в ходе процесса, который мог продолжаться многие годы, иногда и десятки лет, крестьяне сами устанавливали «справедливые» повинности, категорически отказываясь что-либо делать сверх них (стр. 57), а то и вовсе отказывались от всяких повинностей. А Фальневская-Градовская пишет, что имела место не только экспансия двора против общины, это не вызывает сомнений, но и «экспансия» крестьян против двора: самовольное вторжение в леса и их эксплуатация, фактический захват и бесплатное использование дворских земель под пашню, луга и т. п. (стр. 176).

Книга о последнем периоде деятельности референдарского суда содержит немало интересных данных о размерах ланов, крестьянских повинностей и т. п. Научный и справочный аппарат выполнен на высоком научном уровне. Вместе с тем, автор очень осторожна в своих заключениях, само по себе это неплохо, но подчас, как кажется, она просто уклоняется от четкой формулировки своих положений, предоставляя читателю догадываться об авторской позиции. Вплоть до того, что книга не имеет ни заключительного раздела, ни выводов. О подобном «академизме» приходится сожалеть.

Книга А. Фальневской-Градовской вносит полезный вклад как в изучение проблемы политики правительственных кругов в крестьянском вопросе, так и в изучении положения крестьянства в последний период существования Речи Посполитой.

Ю. М. Гроссман

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ХРОНИКИ КОЗЬМЫ ПРАЖСКОГО

В Праге, в издательстве «Свобода» вышла новая публикация старейшего чешского исторического сочинения, знаменитой Хроники Козьмы¹. Начиная с 1602 г., Хроника издавалась неоднократно как в оригинале (на латинском языке), так и в чешском переводе. Последнее издание на чешском языке вышло в 1950 г. и уже стало библиографической редкостью. Для издания 1972 г., так же как и

для четырех предшествующих, использован перевод К. Грдины, но в него внесены отдельные изменения. Например, в более ранних изданиях были опущены мелкие приписки и дополнения, имевшиеся в некоторых списках Хроники. Ныне эти дополнения опубликованы (они набраны мелким прифтом) под главным текстом или в приложении. Значительно расширен пояснительный аппарат. За текстом Хроники помещена статья М. Благовой, где приведены краткие сведения по биографии Козьмы, дана источниковедческая

¹ «Kosmova Kronika Česká». Praha, «Svoboda», 1972.

и историческая оценка Хроники, охарактеризованы 15 известных списков ее и все издания, лучшим из которых признается издание Б. Бретхольца (1923). Именно с него делались все позднейшие переводы на чешский язык. В приложении к изданию 1972 г. есть примечания к тексту, именной и географической указатели, справочный словарь, содержащий пояснения по использованным в Хронике образам и понятиям античной литературы, средневековым церковным терминам и т. п. Приложена также генеалогическая таблица Пшемысловской династии до 1125 г., т. е. до года смерти

Козьмы. Научный консультант всего издания — известный чешский историк, проф. Зденек Фиала. Он же редактировал генеалогическую таблицу.

В издание введены новые фотоиллюстрации. Весьма искусно выполнены фотографии отдельных страниц рукописи.

По замыслу издателей книга предназначена не только для специалистов-историков, но должна служить и учебным пособием. Этим цели вполне отвечают и полиграфические особенности издания: большой формат, крупный шрифт, иллюстрации, подробные пояснения.

Л. Лантева

LEON KRUCZKOWSKI. Literatura i polityka. Warszawa, PIW, 1971

ЛЕОН КРУЧКОВСКИЙ. Литература и политика

С именем выдающегося польского писателя XX в. Леона Кручковского связано становление и развитие польской социалистической литературы. Широкую известность получили довоенные романы писателя, особенно «Кордиан и хам» (1932). После войны Кручковский выступает преимущественно как драматург. В польской драматургии 40—60-х годов ему, несомненно, принадлежит центральное место. В драмах Кручковского («Немцы», 1949; «Первый день свободы»: 1959 и др.) пересекаются актуальные политические и моральные проблемы нашего времени. Кручковский создал такой театр, где предпочтение отдается не эмоциям, а аргументам, мысли, где на первый план выступают человек и история, идейные конфликты.

Эти проблемы находятся и в центре богатейшей литературной и общественно-политической публицистики Кручковского. Двухтомный сборник этой публицистики, тщательно отобранной из периодических изданий и рукописей известной исследовательницей творчества Кручковского З. Мацужанкой, — заметное событие в литературной жизни Польши.

В сборнике представлено около сотни статей, докладов, лекций, выступлений и заметок писателя — и это далеко не исчерпывает его публицистического наследия. По меньшей мере столько же материалов осталось на страницах журналов и газет. В первый том вошли статьи и выступления Кручковского до 1939 г., второй том охватывает период 1945—1962 г. Все статьи снабжены исчерпывающим комментарием З. Мацужанки.

Разнообразна тематика выступлений Кручковского: от общественно-политических вопросов (например, нашумевшие предвоенные статьи «Вдоль, а не поперек истории», «В атмосфере диктатуры», «Почему я социалист» и др.) до эстетико-

литературных («В защиту тенденциозного романа», «Является ли литература искусством» и др.), от размышлений о современном искусстве вообще («За современность в наших театрах») и заметок о творчестве многих выдающихся польских и зарубежных писателей до крайне интересных, раскрывающих творческую лабораторию писателя автокомментариев к своим произведениям («Защита „Кордиана и хама“, «Путь к „Немцам“» и др.). Бросается в глаза и разнообразие форм публицистики Кручковского — эссе, фельетон, публичная лекция, воспоминания, радиоспектакль, диалог с мнимым или действительным собеседником и т. д.

Стержнем богатой тематически, разнообразной по форме публицистики Кручковского является проблема «литература и политика», выступающая в разных аспектах, а также бескомпромиссная полемика с поборниками изоляции литературы от жизни общества и со всякого рода идеологическим мракобесием — национализмом, антисемитизмом, фашизмом.

Довоенный Кручковский — и как автор исторических романов, и как публицист — разоблачал миф буржуазных идеологов о «национальном единстве», об «общественном солидаризме», призванный отвлечь трудящихся от борьбы за социальное освобождение. В то же время он остро-полюемически выступал против либерализма, как образа мышления, как мировоззренческой позиции. Марксистский, классовый анализ польской национальной истории и жизни современного общества должен быть положен в основу художественного творчества — таково убеждение Кручковского.

Несомненный интерес представляет программа развития социалистического искусства, разрабатываемая писателем в публицистике послевоенных лет, его

высказывания по вопросам культурного наследия, традиции и новаторства в литературе, роли художника в обществе массовой культуры, модернизма и авангардизма. Убедительной и значимой и в современных спорах о художественном новаторстве представляется, например, точка зрения писателя, высказанная им в статье «Против „массовой“ — за культуру масс» (1959). Истинное новаторство в художественном творчестве — писал Кручковский, — «только частично может — и должно — вытекать из автономных закономерностей развития искусства, а также из развития современных средств распространения искусства, таких как кино и телевидение, а также из их влияния на другие области творчества. Мы знаем, что и эти новые средства могут служить старому заплесневелому содержанию, поощрению цивилизованного хамства, деморализующей индустрии «mass culture».

Новаторство, авангардность, которые нужны нам, должны быть прежде всего новаторством идейным, открытием по отношению к историческому процессу, к человеку в процессе перемен...» (т. 2, стр. 84).

Публицистика Кручковского интеллектуальна, диалектична, а также художественна. В ней ощущается незаурядный талант писателя-полемиста, убежденного в правоте своих позиций. Она становится особенно блестящей, когда писатель вступает в спор с чужими взглядами и аргументами. Ее характерной и привлекательной чертой является «диалогичность», связанная, вероятно, с драматургическим дарованием писателя. «Критика по самому существу своему является и должна быть дискуссией» (т. 2, стр. 149), — писал Кручковский. И далее: «Цена свободы критика — его внутренняя моральная и интеллектуальная дисциплина. От таких

качеств, не меньше, чем от мировоззрения, зависит настоящая идейность критики и стало быть ее авторитет в обществе, строящем социализм» (т. 2, стр. 153).

В рукописях Кручковского сохранился фрагмент статьи «Письмо к правнуку» от 27 января 1939 г. Это письмо не только по форме обращено к потомкам. Оно дает яркое представление о страстной публицистике Кручковского, публицистике мировоззренческих споров и принципиальных решений с передовых позиций времени. В статье, посвященной трагедии республиканской Испании, резко сформулирована одна из проблем, всю жизнь занимавшая Кручковского — писателя, драматурга, публициста. Это проблема личной ответственности каждого человека за историю, проблема «зоненбрухизма» (по фамилии героя драмы «Немцы» профессора Зонненбруха, пытавшегося встать «над схваткой»), проблема «тех, кого ничего не касается, ничего из того, что происходит в огромном человеческом мире» (т. 1, стр. 322).

В этом же «Письме к правнуку» Кручковский писал: «То, что является для меня целью открытых вопросов, будет для тебя серией фактов, зарегистрированных в учебнике истории. Но я хочу выразить здесь то, о чем не скажет тебе никакая энциклопедия...» (стр. 322).

Публицистика Кручковского важна для нас не только как историческое свидетельство, как отражение поисков решений кардинальных морально-философских и литературных вопросов времени передовой польской интеллигенцией XX в. И в наши дни многие вопросы, поставленные Кручковским, являются «открытыми», и творчество писателя, в том числе его публицистическая проза, помогают нам в их решении.

В. Хорев

ПУТИ К РЕАЛИЗМУ

С именем и творчеством Йозефа Грегора-Тайовского истории словацкой литературы связывают высший этап развития критического реализма в Словакии. В его рассказах и повестях словацкий реализм в 1900-х годах достигает той социальной и психологической глубины, а типичность характеров и обстоятельность той меры, с которыми словацкая литература выходит на широкую дорогу мирового литературного развития и участвует в нем своим вкладом.

Важную роль в формировании творческих принципов Тайовского сыграли его контакты с Россией и русской литературой. Исследованию этих контактов посвящена недавно вышедшая в Bratislave

книга Сони Лесняковой «Пути к реализму»¹.

Ядром монографии являются три главы: «Тайовский и Толстой», «Тайовский и Чехов», «Тайовский и Горький», по отношению к которым другие главы являются широко развернутым вступлением: в одной из них автор подводит итоги разрозненным попыткам словацких литературоведов исследовать роль великих русских реалистов в развитии творчества Тайовского; в другой — характеризует отношение Тайовского к

¹ S. L e s ň á k o v á. Cesty k realizmu (Jozef Gregor—Tajovský a ruská literatúra). Bratislava, 1971.

России в целом. Если первая ценна, преимущественно, библиографическими сведениями, то вторая важна для полноты и достоверности научной концепции всей книги. Здесь дана достаточно полная картина развития интересов Тайовского к жизни русского народа и русской литературе, освещен процесс формирования его идейных, политических и литературных симпатий. Отмечая, что в декабре 1915 г. Тайовский — солдат австро-венгерской армии — перебежал к русским, автор монографии пишет, что это решение он принял еще в Мартиве во время мобилизации и всем этим «подтвердил, что его влечение к России было не пустой фразой, а убеждением» (стр. 28). Теперь, пишет дальше С. Леснякова, Тайовский на собственном опыте убедился, что жизнь народа в царской России невыносима. И это, естественно, еще более укрепило его симпатии к гуманизму и народности русского реализма. «Ориентация Тайовского на Россию, его тесная связь с русским народом и восхищение русской литературой не были проявлением традиционного славянофильства, это были поиски пути к осуществлению мечты о социальном и культурном благосостоянии своего народа» (стр. 43) — таков вывод Лесняковой.

В третьей главе монографии автор отмечает те обстоятельства, которые способствовали и до и во времена Тайовского тяготению словацкой литературы к русской: языковую и культурную близость, усиливающийся в Словакии национальный гнет, что делало особенно чуткими и восприимчивыми представителей словацкой культуры к идеям и принципам критического реализма русской литературы.

Итак, ориентация Тайовского на русскую литературу, отнюдь не исключавшая его творческой самостоятельности и оригинальности, была подсказана общественной действительностью Словакии, объективными предпосылками типологической близости новой словацкой литературы к русской: «... социальные и культурные беды, переживаемые словацким народом, обусловили восприятие творческих импульсов русской литературы и одновременно подталкивали молодых авторов к новой концепции литературы. К таким авторам принадлежал и Тайовский» (стр. 54).

Исследование проблематики отношений Тайовского к отдельным русским писателям, по мнению С. Лесняковой, нужно начинать с Л. Н. Толстого. Так она и поступает, сославшись на то, что народные рассказы Толстого Тайовский считал для себя «вечным образцом». Но он не был слепым подражателем этому образцу. У Тайовского, не принимавшего идейную платформу Толстого, отсутствуют идиллические описания, идеализация патриархального образа жизни, толстов-

ские религиозные мотивы. Не подражает Тайовский Толстому и в повествовательной манере и в характере авторской обработки народного рассказа. Даже в наиболее близких к толстовским рассказам (автор имеет в виду близость рассказа Тайовского «Два брата» к рассказу Толстого «Два брата и золото») нет ни литературной зависимости, ни подражательности. Поэтому связи между творчеством двух писателей С. Леснякова называет «до известной степени внелитературными» (стр. 83).

Обращает на себя внимание некоторая ограниченность анализируемых писателем сооставительных фрагментов. Автор говорит только о рассказах Толстого для народа, оставив открытым вопрос об отношении Тайовского к тем наиболее значительным открытиям Толстого, которые выразились в его романах. В творчестве Тайовского, в его способе изображения психологии героев, есть следы знакомства с этими открытиями. Автор монографии не обратил на это внимания.

Наиболее значительная (и самая обширная) в книге — глава «Тайовский и Чехов». Тайовский неоднократно обращался к рассказам Чехова и как читатель и как переводчик. Первые из произведений, переведенных им — «Медведь», «То была она», «Злоумышленник». «Мужики», — «были близки ему прежде всего тематикой и ее идейно-художественным решением» (стр. 95). Особенно важную роль в творческом развитии Тайовского сыграли, отмечает С. Леснякова, рассказы «Злоумышленник» и «Мужики». Интересно, что Тайовский переводом рассказа «Мужики» стремился «утвердить общественную важность ориентации на социальные проблемы деревни и одновременно убедить литературную критику в законности (правомочности) своего метода художественного изображения» (стр. 95). В авторитете Чехова Тайовский как бы искал поддержку своим стремлениям утвердить критическое направление в словацкой литературе.

Настаивая на том, что в произведениях Тайовского нет ни подражаний Чехову, ни заимствований у последнего, С. Леснякова видит близость двух национально-самобытных художников в «родственном человеческом и художественном настрое» (стр. 118), в гуманном сочувствии их к бедному, угнетенному человеку, прежде всего — мужику. Сравнительным анализом рассказов Тайовского и Чехова — «Аполена» и «Спать хочется», «Мапо Млеч» и «Злоумышленник», «Родной дом» и «Мужики» — эта концепция вполне подтверждена. При этом отмечено не только сходство типов, созданных двумя писателями, но и разница повествовательных манер, «использования изобразительных приемов и средств (у Чехова объективизированный рассказ-

чик в третьем лице — у Тайовского сильно субъективированная подача рассказчиком от первого лица, у Чехова — драматизация изображения, у Тайовского — повествовательно-описательное изложение, у Чехова — точная и четкая структура, у Тайовского — свободная и широкая мозаика эпического повествования, и далее, связанные со всем этим различия в стиле и языковых средствах обоих писателей» (стр. 138).

Главу «Тайовский и Горький» Леснякова открывает высказыванием Тайовского о человеке: «...Человек! Это для меня высшее выражение благородства, правственности, национальности, вероисповедания и всего доброго и хорошего». В восторженном отношении к человеку видит она сходство и близость двух писателей. Леснякова подробно анализирует тематически близкие рассказы: «Довольный» Тайовского и «Зазубрина» Горького. «Стремление увидеть и показать даже в представителях социального дна позитивные черты, глубокий гуманизм и последовательный демократизм относятся к характернейшим чертам Горького и Тайовского» (стр. 170) — таков вывод, сделанный на основе сравнительного анализа этих рассказов.

Однако Тайовский в отличие от Горького, хоть и видит угнетение, не исследует его социальных причин. Отчасти это можно объяснить, по мнению С. Лесняковой, тем, что у Тайовского национальные проблемы и критика мажорского шовинизма нередко переплетаются

с проблемами социальными и даже заслоняют их. К тому же произведения Горького отличаются романтическим пафосом, стремлением пробудить в людях активный протест и утвердить их веру в возможность победы в борьбе, тогда как у Тайовского «настроения депрессии и разочарования преодолеваются лишь внутренним оптимизмом героев» (стр. 159).

Ко всему этому можно добавить, что значение ранних рассказов Горького и его романтизма можно понять только в ходе развития всего дальнейшего творчества пролетарского писателя, в произведениях которого сложились и выразились принципы социалистического реализма. И только в этом свете можно понять различие концепций человека у Тайовского и Горького, которые не так идентичны, как это представлено в книге Лесняковой.

Книга Сони Лесняковой полезна и интересна своими наблюдениями. Она помогает понять не только историю словацкого реализма, но и его сущность. Его народность, гуманизм, прогрессивность. Понять, что литература этой страны, поставленной в тяжелые условия национальной и политической зависимости, не стояла в стороне от больших путей европейского литературного развития и что это произошло потому, что лучшие представители этой литературы выбрали верный ориентир — русскую литературу с ее реализмом и народностью.

О. М. Белозерова

ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

Круг славистических периодических изданий пополнился новым журналом: в минувшем (1972) году вышли первые два выпуска ежегодника «Белорусская лингвистика» («Беларуская лінгвістыка»), издаваемого Институтом языкознания АН БССР. Главный редактор журнала — чл.-корр. АН БССР М. Р. Судник.

Вышедшие из печати первые выпуски, несмотря на их небольшой объем (который, надо надеяться, со временем будет увеличен), дают возможность судить об основном направлении и содержании нового лингвистического журнала.

Как явствует из редакционной заметки («От редколлегии»), помещенной в вып. 1, журнал «Белорусская лингвистика» будет освещать те теоретические проблемы белорусского, славянского, общего и прикладного языкознания, а также некоторые проблемы германского и романского языкознания, разработкой которых заняты в настоящее время языковеды Белоруссии. Особое внимание журнал будет уделять, естественно, вопросам белорус-

ского языкознания. Предполагается, что кроме фундаментальных теоретических статей, в нем будут печататься и небольшие заметки по самому широкому кругу проблем белорусистики и смежным вопросам, в частности по вопросам межязыковых связей. Журнал будет рецензировать новую литературу по белорусскому языку и давать хронике научно-лингвистической жизни в Белоруссии.

В соответствии с этой программой в первых выпусках журнала главное внимание уделено разным вопросам белорусистики.

Открывается журнал статьей М. Р. Судника «Белорусистика накануне 50-летия Союза ССР» (вып. 1), в которой подведены итоги изучения в Белоруссии белорусского языка за годы, истекшие после Октябрьской революции. Тематически к этой статье примыкает обзор А. Обрембской-Яблонской об изучении белорусского языка в Польше (вып. 2).

Некоторые общие аспекты белорусской этимологии в связи с составлением этимологического словаря белорусского язы-

ка рассматриваются в статье В. В. Мартынова (вып. 1). В обоих выпусках содержится ряд историко-этимологических заметок разных авторов об отдельных словах белорусского литературного языка и народных говоров.

Заметное место в первых выпусках занимают вопросы белорусской диалектологии. Н. Т. Войтович анализирует взаимодействие разнодиалектных явлений в микроструктуре среднебелорусских говоров (вып. 1), а Я. М. Романович — подвижный характер ударения существительных женского рода на -к(а) в юго-западных говорах. Фонологическая система гласных в одном из говоров Брестской области рассматривается в статье П. И. Сигеды (вып. 2).

Среди работ, посвященных белорусскому литературному языку, выделяется статья А. И. Подлужного и В. М. Чекмана об особенностях артикуляции звуков *ц', да', с', з'*, основанная на обширных экспериментальных данных, полученных методом прямой палатографии в Лаборатории экспериментальной фонетики Института белорусского языка АН БССР. В других статьях исследуются вопросы лексики и фразеологии белорусского литературного языка: семантические изменения полонизмов (Г. У. Орошенко, вып. 2), расширение употребления некоторых устаревших слов (А. Я. Баханьков, вып. 2), семантико-синтаксиче-

ские функции сочетания *адзін аднаго* (Л. А. Антонюк, вып. 2), некоторые аспекты сравнительного изучения белорусской фразеологии (К. М. Гюлюмянц, вып. 2).

Исторической лексикологии посвящена статья П. В. Верховя, который рассматривает существительные на -ець в белорусском языке (вып. 1).

В первых выпусках освещаются и некоторые общелингвистические проблемы: В. В. Мартынов анализирует две важнейшие абсолютные языковые универсалии (вып. 2), а С. М. Гайдучик — понятия просодии и интонации в истории языкознания (вып. 2). В двух статьях рассматриваются вопросы германистики.

В обоих выпусках журнала помещены рецензии на недавно изданные труды В. М. Чекмана, А. И. Наркевича и Т. Зданевича (Польша) по белорусскому языку и несколько хроникальных заметок о состоявшихся в Белоруссии научных конференциях и симпозиумах.

Издание журнала «Белорусская лингвистика» — отрядное событие в отечественном языкознании. Оно свидетельствует прежде всего о крупных успехах, достигнутых белорусскими учеными в последние десятилетия, и о большом значении, которое придается развитию языкознания в Академии наук БССР и в республике в целом.

Г. Венедиктов

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1972 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Горбачев Б. В. Дружба и сотрудничество социалистических стран. «Знание», 1972.

Европейская безопасность. Спектр мнений. Деятели 21 страны о проблемах безопасности и сотрудничества в Европе. (Сб. статей, опубл. в 1970—1972 гг. в газ. «Москоу ньюс», «Нуфель де Моску», «Нове дадес де Моску» и «Амба Моску». Под ред. Я. А. Ломко.) М., 1972.

Иден пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. (Материалы

межвуз. научн. конференции, июнь 1971 г.) Ужгород, 1972.

Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972.

Мы — интернационалисты. Документы и материалы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ, АКСМ и КМО СССР об интернациональных связях советской молодежи и международном молодежном движении (1948—1971). Мол. гвардия, 1972.

Сапачков Ш. П., Капаченко Н. И. Научные основы внешней политики социализма. «Знание», 1971.

Современные проблемы европейской безопасности. Научн. конференция в Москве 24—25 янв. 1972. М., 1972.

Шуктомов П. И. Дружба, скрепленная в боях. «ДОСААФ», 1972.

2. Партийная жизнь

Бернов Ю. В., Чернейко Г. А. Георгий Димитров. «Знание», 1972.

Брежнев Л. И. КПСС в борьбе за единство всех революционных и миролюбивых сил. Политиздат, 1972.

Димитров Г. М. Избранные статьи и речи. Политиздат, 1972.

Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения. Сб. статей. Политиздат, 1972.

Шестаков П. М. Борьба Димитра Благоева за идеи научного коммунизма. Высш. школа, 1972.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Алампиев П. М., Богомолов О. Т., Ширяев Ю. С. Экономическая интеграция — объективная потребность развития мирового социализма. «Мысль», 1971.

Баутина Н. В. Совершенствование экономических взаимоотношений стран — членов СЭВ (вопросы теории). «Экономика», 1972.

Беляев Ю. М., Семенова Л. С. Научно-технический прогресс у краінах РЭВ. Политвидав України, 1971.

Богуславский М. М., Червяков И. В. Международное сотрудничество в области охраны промышленной собственности. Учебн. пособие. М., 1972.

Внешняя торговля СССР за 1971 год. Стат. обзор. «Международные отношения», 1972.

Дудинский И. В. Экономические проблемы создания развитого социалистического общества. «Знание», 1971.

Дутова М. С. Социалистическая интеграция и укрепление экономического потенциала стран — членов СЭВ. В помощь пропагандистам. М., 1971.

Евстигнеев Р. Н. Новые тенденции в управлении экономикой. (Из опыта европ. стран СЭВ.) «Мысль», 1972.

Закономерности развития мировой социалистической системы. «Мысль», 1972.

Изучение спроса в социалистических странах. «Экономика», 1972.

Интенсификация производства в европейских странах СЭВ. Факторы экономического роста. «Наука», 1972.

Каменив Е. Процессуальные проблемы арбитража по спорам, вытекающим из договоров о промышленном и научно-техническом сотрудничестве. М., 1972.

Контроль за рациональным использованием материальных ресурсов в ПНР, НРБ и ГДР. (Обзорная информация.) М., 1971.

Кормнов Ю. Ф. Специализация и кооперация производства стран СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции. «Экономика», 1972.

Куликов Вс. В. Товарные отношения в мировом социалистическом хозяйстве. Изд-во МГУ, 1972.

Лучкина Л. С. Совершенствование структуры промышленности зарубежных стран — членов СЭВ в условиях научно-технического прогресса. «Наука», 1972.

Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств. (Сб. документов). Изд. 2, доп. Юрид. лит-ра, 1972.

Одинов Л. М. Перспективы развития автомобильной промышленности европейских социалистических стран. (На примере ПНР, ВНР, НРБ.) Обзор. М., 1972.

Организация управления строительством в европейских странах — членах СЭВ. (Краткий обзор.) М., 1972.

Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. Под ред. Д. М. Гвишиани и др. «Экономика», 1971.

Петров Ф. П. Международное научно-техническое сотрудничество: состояние, цели, перспективы. «Международные отношения», 1971.

Подготовка квалифицированных рабочих кадров для сельского хозяйства в Польской Народной Республике. Обзор. Л., 1972.

Практика внедрения и соблюдения стандартов в социалистических странах. Обзор. (Сост. С. Л. Давыдов.) Изд-во стандартов, 1972.

Прогнозирование развития транспорта. (Материалы к междунар. симпозиуму по вопросам нац. и совместного прогнозирования развития транспорта стран — членов СЭВ). М., 1972.

Производственная интеграция стран СЭВ. «Наука», 1972.

Прохоров Г. М. Внешне-экономические связи и экономический рост социалистических стран. «Международные отношения», 1972.

Рудаков Е. В. Материальное стимулирование труда в сельском хозяйстве европейских социалистических стран. Обзор лит-ры. М., 1971.

Сельское хозяйство Социалистической Федеративной Республики Югославия. (Обзорная информация. Сост. Г. Ф. Карасев.) М., 1972.

Симпозиум стран — членов СЭВ по обмену опытом по совершенствованию методов и форм планирования и экономического управления в строительстве. М., 1972.

Соловьева К. Ф. Экономические проблемы развития мировой социалистической системы. Учебн. пособие по спецкурсу для экон. спец. вузов. «Высшая школа», 1971.

Тесленко В. Д. Вопросы измерения производительности труда в странах — членах СЭВ. Киев, 1972.

Федоров Н. Т. Вопрос сотрудничества стран СЭВ в рыбной промышленности. Калининград, 1972.

Экономические и социально-политиче-

ские проблемы коммунистического строительства в СССР. «Мысль», 1972.

Экономические проблемы научно-технического прогресса в социалистических и капиталистических странах. Изд-во МГУ, 1972.

Экономическое сотрудничество, социалистическая интеграция и эффективность производства. Под общ. ред. И. П. Олейника, Ф. Н. Шевякова. «Мысль», 1972.

4. Право

Воєводи́н Л. Д. и др. Государственное право зарубежных социалистических стран. Учебник для студентов юридич. ин-тов и фак. Юрид. лит-ра, 1972.

Махненко А. Х. Верховные органы пародного представительства социалистических стран. Юрид. лит-ра, 1972.

Мозохи́на А. Г. Органы государственного управления промышленностью в странах — членах СЭВ. «Наука», 1972.

Уголовное право зарубежных государств. Вып. 2. Понятие преступления и вина. М., 1972.

5. Научная жизнь. Международные научные связи

Бржостовская Н. В. Архивы и архивное дело в зарубежных странах.

(История и соврем. организация.) Учебн. пособие. М., 1971.

Теория и практика прогнозирования развития науки и техники в странах — членах СЭВ. «Экономика», 1971.

6. Справочники. Библиография

Валев Э. Б. Болгария. (Геогр. справка.) М., 1972.

Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1971. Политиздат, 1971.

Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1972. Политиздат, 1972.

Мир социализма в цифрах и фактах. 1971. Справочник. М., 1972.

Народное хозяйство социалистических стран в 1971 г. Сообщ. стат. упр. «Статистика», 1972.

Петрова А. Г. Взаимосвязи русской и зарубежных славянских литератур. Книги и статьи. 1956—1971. Библиогр. указатель. М., 1972.

Союз советских народов. Зарубежные оценки, высказывания, отклики. М., 1972.

Справочник пропагандиста-международника. Политиздат, 1972.

Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. М., 1972.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром и Прип'яттю. Наук. думка, 1972.

Бернов Ю. В., Манусевич А. Я. Ленин в Кракове. Политиздат, 1972.

Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. Отв. ред. В. И. Фрейдзон. «Наука», 1972.

Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг. Материалы научн. конференции, посвящ. 25-летию победы над фашистской Германией. «Наука», 1971.

Вторая мировая война и современность. «Наука», 1972.

Горина Л. В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. Изд-во МГУ, 1972.

Грачев В. П. Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории «жупной организации».) «Наука», 1972.

Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. «Наука», 1972.

Дьяков В. А. Революционная деятель-

ность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801—1890 гг.). «Наука», 1972.

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г. Л., 1972.

З історії зарубіжних соціалістичних країн. [Сбірник. Ред. кол.: І. М. Мельникова (відп. ред.) і др.] Наук. думка, 1971.

Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. «Наука», 1972.

Исследования по новой и новейшей истории. Сб. статей, посвященных 60-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. В. Г. Ревуненкова. Изд-во ЛГУ, 1972.

История и культура славянских стран. Сб. студ. научных работ. Л., 1972.

Котляров В. І. Глибоке коріння непорушної дружби. Харків, 1972.

Марьяна В. В., Мурашко Г. П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948—1960). «Наука», 1972.

Мацко Г. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков 1918—1939 гг. «Беларусь», 1972.

Мунтян М. А. Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972.

Некоторые вопросы всеобщей истории и методики ее преподавания. Днепропетровск, 1972.

Носкова А. Ф. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944. (Территория генерал-губернаторства) «Наука», 1971.

Озеров Л. С. Строительство социализма в СССР и международная пролетарская солидарность (1921—1937 гг.). «Мысль», 1972.

Парсаданова В. С. Формирование национального фронта в Польше (1944—1946). «Наука», 1972.

Петров В. П. Етногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку і проблематика. Наук. думка, 1972.

Поглубко К. А. Очерки истории болгаро-русских революционных связей. (60—70-е годы XIX в.) Кишинев, 1972.

Поп И. И. Чехословацко-венгерские отношения (1935—1939). «Наука», 1972.

Проблемы новой и новейшей истории. Изд-во МГУ, 1972.

Проектор Д. М. Агрессия и катастрофа. «Наука», 1972.

Рафалович И. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии. «Штинца», 1972.

Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. «Наука», 1972.

Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. Сб. статей и материалов. «Наука», 1972.

Славянский сборник. Под ред. А. И. Озолина. Изд-во Саратов. ун-та, 1972.

Советско-чехословацкие отношения. 1945—1960 гг. Документы и материалы. Политиздат, 1972.

Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972.

Спиваковский Е. И. В. И. Ленин и борьба за единство рабочего движения на Балканах в дооктябрьские годы (1910—1915). Воронеж, 1971.

Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969. Наук. думка, 1972.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Воен.-ист. справочник. Воениздат, 1972.

Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск — Гродно, 25—29 сент. 1972 г.). Вып. 1—2. М., 1972.

Українське слов'язознавство. Історія зарубіжних слов'ян. Виш. 6. Вид-во Львів. ун-ту, 1972.

Швидак О. М. Інтернаціональна єдність трудящих Західної України і Польщі у революційно-визвольній боротьбі (1929—1936 рр.). Вид-во Київськ. ун-ту, 1972.

2. Культура

Агриколянский В. С. Боле-слав Прус. Метод. рекомендации к вечеру, посвящ. 125-летию со дня рождения. М., 1972.

Андреев В. Д. Георгий Караславов. Критико-биограф. очерк. Худ. лит.-ра, Ленингр. отд., 1972.

Арнольдov А. И. Культура и современность. Диалектика процесса культурной консолидации социалистических стран. «Мысль», 1972.

Балашов Н. И., Кожевников Ю. А. Литература стран социалистического содружества и опыт советской литературы. М., 1972.

Болгария — СССР. Диалог о музыке. (По материалам болгар.-сов. симпозиума, посвящ. 25-летию Народной Республики Болгарии.) Сов. композитор, 1972.

Владислав Броневский в Українській РСР. Бібліогр. покажчик. (Склад. В. П. Кулик.) Львів, 1971.

Бэлза И. Ф. История польской музыкальной культуры, т. 3. «Музыка», 1972.

Вервес Г. Д. Максим Рильский в колі слов'янських поетів. Наук. думка, 1972.

Волков А. Р. Драматургія Карела Чапека. Львів, 1972.

Жуков Д. А. Бранислав Нупшч. «Искусство», 1972.

Искусство революцией призванное. Октябрь и развитие искусства стран Восточной Европы 1920—1930-х годов. «Наука», 1972.

История зарубежной литературы XIX в. Изд. 4. «Просвещение», 1972.

Казбярук У. М. Традиції польскага рамантызму ў беларускай літаратуры пачатку XX ст. «Навука і тэхніка», 1972.

Калининград — Ольштып. (Очерки журналистов П. Волкова, А. Дарьялова и Ю. Зотова. Ред.-сост. З. Н. Глушкова). Калининград, 1972.

Ковалев В. А. Советская литература в исследованиях русистов ГДР и Чехословакии. М., 1972.

Кравцов Н. И. Проблема славянского фольклора. «Наука», 1972.

Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы (1939—1944). «Наука», 1972.

Мальдзіс А. І. Традиції польскага асветніцтва ў беларускай літаратуры XIX ст. «Навука і тэхніка», 1972.

Музыкальная литература зарубежных стран. Вып. 5. Изд. 2-е, испр., доп. «Музыка», 1972.

Народно-освободительная борьба в изобразительном искусстве Югославии. Каталог. Сов. художник, 1972.

Проблемы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1971.

Славянская филология. Сб. ст. Вып. 2. Изд-во ЛГУ, 1972.

Славянский музыкальный фольклор. Статьи и материалы. «Музыка», 1972.

Славянский фольклор. «Наука», 1972.

Солоухин В. Славянская тетрадь. Сов. Россия, 1972.

Тананаева Л. И. Очерки польской графики. Первая половина XX в. «Наука», 1972.

Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. «Наука», 1972.

3. Языкознание

Андел В. П. Словацка мова. Вид-во Львів. ун-ту, 1972.

Балтославянский сборник. «Наука», 1972.

Беларускае і славянскае мовазнаўства. Да 75-годдзя акад. АН БССР К. К. Крашчы. «Навука і тэхніка», 1972.

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. Изд-во МГУ, 1972.

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. К проблеме греч.-слав. лексич. и грам. вариантов в древнейших славянских переводах. Докл. на VII Международ. съезде славистов. Изд-во МГУ, 1972.

Взаемовплив слов'янських мові літератур. (До VII Міжнар. з'їзду славистів.) Київ, 1972.

Восточно-славянская ономастика. М., 1972.

Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германо-романских языков. Часть 2. Тезисы докл. на научно-теоретической конференции в Новгороде 6 июня 1972 г. Новгород, 1972.

Исследования по сербохорватскому языку. «Наука», 1972.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. «Наука», 1972.

Поляков О. С. Сербохорватско-русский строительный словарь. 21 500 терминов. Сов. энциклопедия, 1972.

Проблемы структурной лингвистики. 1971. «Наука», 1972.

Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. «Наука», 1972.

Сегал Д. М. Основы фонологической статистики (на материале польского языка). «Наука», 1972.

Смольская А. К. Словообразование в славянских языках. Текст лекций по спец. курсу для студентов-заочников. Одесса, 1971.

Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. (Ленинград, 26—30 сентября 1972 г.). Тезисы докл. М., 1972.

Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь. 50 000 слов. Изд. 4. Сов. энциклопедия, 1972.

Этимология. 1970. «Наука», 1972.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972—1973 гг. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Бовин А. Е. Интернационализм в действии. О координации внешней политики социалистических стран. Рабочий класс и соврем. мир, 1973, № 1.

Гречко А. Боевое содружество армий социалистических государств. «Коммунист», 1972, № 15.

Договор между Польской Народной Республикой и Федеративной Республикой Германии об основах нормализации их взаимных отношений (Варшава, 7 декабря 1970 г.). Междунар. жизнь, 1973, № 2.

2. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Балдин Л., Жалина Е. Валютно-финансовые и кредитные отноше-

ния стран — членов СЭВ. Вопр. и ответы, 1973, № 1.

Вайс Т. Тема Международного симпозиума — трудовые ресурсы стран СЭВ. Вопр. экономики, 1973, № 2.

Варзин Н. Рост производительности труда в странах СЭВ. Вопр. экономики, 1973, № 1.

Грибанова О. Международный симпозиум по экономическим проблемам научно-технического прогресса. (Москва, окт. 1972 г.) Вопр. экономики, 1973, № 1.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 6.

Доценко А. Экономическое стимулирование напряженных планов предприятий в социалистических странах. Экономика Сов. Украины, Киев, 1973, № 1.

Журавлев Ю., Фомин В. Меж-

дународные связи Совета Экономической Взаимопомощи. Междунар. жизнь, 1973, № 2.

З а в а д с к и й С. Прогнозы как фактор совершенствования планирования регионального развития. В кн. Вопросы методологии региональных исследований. М., 1972.

З а х а р и е в И., К о ж у х а р о в И. Методические вопросы комплексных исследований по размещению производительных сил (на примере подрайона города Софии и Софийского и Первического округов). В кн. Вопросы методологии региональных исследований. М., 1972.

И в а н и ч к а К. Предпосылки для экономического сотрудничества в пограничных районах Чехословакии (на примере Словацкой Социалистической Республики). В кн. Вопросы методологии региональных исследований. М., 1972.

И о х и н В. Расширение внешнеэкономических связей стран — членов СЭВ с развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Сб. науч. работ аспирантов Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы, 1972, вып. 13.

К а р ц е в В., К о т о в В. Стандартизация — важный аспект экономического сотрудничества стран СЭВ. Внешн. торговля, 1973, № 1.

К и р и л л о в В. Н., Ш у р к а л и н А. К. Ленинские идеи развития международного экономического сотрудничества и социалистическая интеграция. Сб. ст. адъюнктов и соискателей Выш. школы МВД СССР, 1972, вып. 1.

К и т а е в В. Торгово-экономические связи СССР и СФРЮ. Внешн. торговля, 1973, № 1.

К о н с т а н т и н о в Ю. Валютно-финансовая интеграция стран СЭВ. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1973, № 2.

Л о п а т о в В. Страны СЭВ и Африка: развитие экономических отношений. Эконом. науки, 1973, № 1.

Л у ш н и к о в О. Е. Рабочий класс ЧССР в управлении производством. Рабочий класс и соврем. мир, 1973, № 1.

М о р т и м е р - Ш и м ч а к Г. Методика и результаты изучения поездов на работу в Польше. Уч. зап. по статистике АН СССР, 1973, т. 21 (специальный).

Н о в и к о в а Е. А. Плановность и экономические связи между странами СЭВ. В кн. Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Труды ин-та, вып. 103. М., 1972.

О д и н о к о в Б. Комплексная программа интеграции. Материально-техн. снабжение, 1972, № 10.

П е т р о с я н Р. А. Совершенствование правовых основ сотрудничества стран — членов СЭВ (по материалам XXV сессии СЭВ). Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1972, вып. 5.

П и в о в а р о в Ю. Л. Урбанизация

и миграция населения в социалистических странах Европы. Уч. зап. по статистике АН СССР, 1973, т. 21 (специальный).

Протокол о сотрудничестве между Советом Экономической Взаимопомощи и Международным центром научной и технической информации. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 6.

С а в о с т ь я н о в В. Факторы эффективности социалистической внешней торговли. План. хоз-во, 1973, № 2.

С о л о в ь е в а К. Ф. Проблемы углубления экономической интеграции социалистических стран. Труды кафедры политэкономии Моск. эконом.-стат. ин-та, 1972, ч. 2.

С о р о к и н А. В. Равноправие — один из основных принципов сотрудничества социалистических стран. Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1972, вып. 5.

С т р е п е т о в а М. П. Содействие стран — членов СЭВ развивающимся государствам в подготовке кадров. Рабочий класс и соврем. мир, 1973, № 1.

Т а д ж е р В. Е. Объединения в Народной Республике Болгарии как правовая форма концентрации хозяйственной деятельности. Сов. государство и право, 1973, № 1.

Т а р и в е р д и е в Л. О деятельности Совещания министров внутренней торговли стран — членов СЭВ. (Краткий обзор.) Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 6.

Т р т и л е к О. Обмен опытом между странами — членами СЭВ в области планирования, финансирования и организации геологоразведочных работ. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 6.

У с е н к о Е. Т. Правовые проблемы социалистической экономической интеграции. В кн. XXIV съезд КПСС и вопросы теории государства и права. М., 1972.

Ш е и н Н. В. Совершенствование планомерных валютно-финансовых отношений — важный фактор развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Финансовые проблемы в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972.

Ш е л е с т о в В., Л ю б ч и к В. Форми економичногo i техничногo співробітництва країн РЕВ. Рад. право, Київ, 1973, № 1.

Ш м а к о в а Е. Сотрудничество стран СЭВ в развитии топливно-энергетической базы. Внешн. торговля, 1973, № 2.

Щ е г о л е в В. Некоторые аспекты экономической интеграции стран СЭВ в области валютно-финансовых отношений. Эконом. науки, 1973, № 1.

3. Государственное строительство. Право

В а л е н т а И. Мощное идейное оружие партии. Полит. самообразование. 1972, № 11.

Г а л и а к б а р о в Р. Ответственность соучастников по уголовному законодательству некоторых социалистических стран. Сов. юстиция, 1973, № 1.

Г е л ь ф е р М. Основные черты кодификации уголовного законодательства социалистических стран Европы. Сов. юстиция, 1973, № 2.

Д е м и н А. А. Иммуниеты и привилегии должностных лиц Совета Экономической Взаимопомощи. «Проблемы государства и права на современном этапе», 1972, вып. 5.

И в а н о в С. И. Густав Гусак. (К 60-летию со дня рождения.) Вопр. истории КПСС, 1973, № 1.

К о р д а с В. М. Руководящая роль КПЧ в развитии социалистических национальных отношений между чехами и словаками. В кн. Некоторые вопросы истории КПСС и международного коммунистического движения. Хабаровск, 1972.

К р у к о в с к и й А. Необходимая оборона в польском уголовном праве. Соц. законность, 1973, № 2.

К у з ь м и н П. А. Эдвард Герек. (К 60-летию со дня рождения.) Вопр. истории КПСС, 1973, № 1.

Л а з а р е в А. М. Несовершеннолетние как уголовно ответственные лица по болгарскому уголовному законодательству. Труды Всесоюз. юрид. заочн. ин-та, 1972, вып. 27, ч. 2.

М а н о л о в Ал. Социальное страхование в Болгарии. Охрана труда и соц. страхование, 1973, № 1.

М и з е р а Ш. Территориальное развитие ЧССР и некоторые его актуальные проблемы. В кн. Вопросы методологии региональных исследований. М., 1972.

П а х о м о в а Т. П. Сопоставление представителей стран — членов СЭВ по пра-

вовым вопросам. Сов. государство и право, 1972, № 10.

П о г о р е л о в Я. Социальное обеспечение рабочих и служащих в некоторых европейских социалистических странах. Соц. обеспечение, 1973, № 2.

Р у м я н ц е в В. Б. Усиление гарантий верховенства Народного Собрания Народной Республики Болгарии по Конституции 1971 г. «Проблемы государства и права на современном этапе», 1972, вып. 5.

Р ы б и ц к и й М. Фронт единства народа и его роль в строительстве социализма в Польше. Сов. государство и право, 1973, № 2.

С е в р ю г и н А. С. Законность и обоснованность применения мер обеспечения режима наказания в исправительно-воспитательных учреждениях ЧССР. Сб. ст. адъюнктов и соискателей Высш. школы МВД СССР, 1972, вып. 1.

С и м е о н о в В. Д. Средства массовой информации и пропаганды как инструмент управления социалистическим обществом. Вопр. теории и методов идеол. работы, 1972, вып. 1.

С о к о л о в В. М. Некоторые методологические вопросы исследования проблем молодежи социалистических стран. Вопр. теории и методов идеол. работы, 1972, вып. 1.

С т р а ш и м и р о в К. Здравоохранение Болгарии после победы сентябрьского восстания 1944 г. Здравоохранение Рос. Федерации, 1973, № 1.

Т о п о р и н Б. Н. Коммунистическая партия, государство и общественные организации в политической системе социалистического общества. В кн. XXIV съезд КПСС и вопросы теории государства и права. М., 1972.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

А н т о с я к А. Встреча советских и польских историков. Воен.-истор. журн., 1973, № 2.

Б е р д н и к о в Г. В. Отражение рабочего движения в Польше в большевистских листовках (1905—1907 гг.). В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Б о б р о в а С. П. Сергей Александрович Никитин. (Из истории советского славяноведения.) В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Б о р т н и к о в А. И. К вопросу о ленинской периодизации применительно к польскому освободительному движению. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Г а л о я н Г. А. Выдающийся деятель международного рабочего движения (К 90-летию со дня рождения Г. Димит-

рова). «Ленин и углов» («По ленинскому пути»), Ереван, 1972, № 7.

Г р и ц е н к о И. П. Торговельні зв'язки Північної Буковини за російською державою в першій половині XIX ст. Укр. іст. журн., Київ, 1973, № 1.

Г р и ш и н Я. Я. В. И. Ленин и аграрный вопрос в социальном развитии Польши. В кн. Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки (История, литературоведение, журналистика). Казань, 1972.

З а х а р ь и н а Н. С. В секторе древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР. В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

З е л е п у г и н а В. В. Болгарские марксисты — сотрудники журнала «Ко-

минтерн». В кн. Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. (История, литературоведение, журналистика). Казань, 1972.

Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами. (конец IX — начало XI вв.). В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Кашкин И. С. Балканские конференции. Образование Балканской Антанты (1930—1934 гг.). В кн. Славянский сборник. Саратов, 1972.

Квеш В. Уроки и заветы Февраля. К 25-летию исторической победы трудящихся Чехословакии над реакцией. «Новое время», 1973, 16 февр., № 7.

Кишкин Л. С. Мария Всеволожская — асыня или чехиня? В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Козьмечко И. В. Русский дипломат А. Н. Церетелев — защитник интересов болгарского народа. Балк. ист. сборник, Кишинев, 1973, № 3.

Королюк В. Д. Некоторые итоги и перспективы историко-славистических исследований в области медиевистики. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народности славян Восточной и Центральной Европы. В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Кропоткин В. В. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье. В кн. Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Кучинко М. М. Материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв. В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Левашов Е. А. Стражница из русско-сербской литературно-революционных связей (анонимный Герцен). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Лиепиня Д. Э. Борьба за Ригу во время польско-шведской войны. Изв. АН Латв. ССР, 1972, № 10.

Лисевич И. Т. Наукова зустріч радянських і польських істориків у Москві. Укр. іст. журн. Київ, 1973, № 1.

Маркарянц Л. А., Якубский В. А. Внедрение количественных методов в разработку аграрной истории барщинно-крепостнической Польши. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Мерперт Н. Я. Древнейшие каменные крепости Болгарии. В кн. Новое в археологии. М., 1972.

Миловапова Л. А. Борьба компартии Чехословакии за осуществление тактики единого и народного фронта в стране (1929—1938 гг.). В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Мірошпиченко І. М. Політико-виховна робота в 1-й Армії Війська Польського по забезпеченню бойових дій в Східній Померанії (лютий — березень 1945 р.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вип. 15.

Михайленко В. И. Попытка создания балканского блока нейтральных стран и политика фашистской Италии (1 сентября — 28 ноября 1939 г.). В кн. Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972.

Михайлина П. В. Відомості з історії Північної Буковини XV — першої половини XVII ст. в молдавських літописах (до 1648 р.). Минуле і сучасне Північ. Буковини, Київ, 1972, вип. 1.

Москаленко А. Е. М. В. Бречкевич (1870—1963) и его работы по истории поморских славян. В кн. Славянский сборник. Саратов, 1972.

Наумов Е. П. Две которские грамоты Стефана Душана. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Наумов Е. П. К истории феодальной сословной терминологии Древней Руси и южнославянских стран. В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Недорезов А. И. Заседание комиссии историков СССР и ЧССР. Вопр. истории, 1973, № 2.

Оболевич В. Б. Идеино-художественная основа «Истории Польши» Яна Длугоса (1415—1480). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Озолин А. И. Социально-политическая структура предгуситской Чехии. В кн. Славянский сборник. Саратов, 1972.

Озолин А. И. Томас Штитный — идеолог дворянского крыла бюргерской оппозиции в предгуситской Чехии. В кн. Славянский сборник. Саратов, 1972.

Пашаева Н. М. Связи Киевской Руси со славянскими народами в русской и советской исторической литературе (Библиография). В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Пеняк С. И. К вопросу о времени заселения славянами Карпатского бассейна. В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Пилипів Л. К. Діяльність МОДРу Західної України в період світової економічної кризи. Наук. праці з історії КНРС, Київ, 1972, вип. 57.

Поглубко К. А. Из истории южнославянских связей М. П. Драгоманова (60-е — начало 80-х годов XIX ст.). Балк. ист. сборник, Кишинев, 1973, № 3.

Попков Б. С. Восстание 1830—

1831 гг. в Королевстве Польском в оценке публицистики консервативно-монархического лагеря польской эмиграции (30-е — 40-е годы XIX в.). В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Разумовская Л. В. Польский средневековый город в послевоенной польской историографии. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Рикман Э. А. Некоторые традиции Черняховской культуры в памятниках VI—X вв. в низовьях Днестра и Дуная. В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Рогов А. И. Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период. (Задачи предстоящих исследований.) В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Рутковська Л. М. До питання про найдавніші болгарські племена на території України. Вісн. АН УРСР, 1972, № 10.

Рябоконт С. И. Позиция Франции и Малой Антанты в период заключения австро-германского таможенного договора 1931 г. В кн. Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972.

Савчук В. С. Историк ГДР о некоторых вопросах социальной структуры полабских славян. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Сапронова Н. Т. Всеобщая стачка железнодорожников 1919 г. и болгарское учительство. (Обзор источников.) В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Сапронова Н. Т. К вопросу о публицистической деятельности Тодора Павлова в 1918—1923 гг. Изв. Воронежского пед. ин-та, 1972, т. 115.

Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X — начала XII вв. В кн. Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

Сохань П. С., Кравченко В. В. З історії зв'язків Георгія Димитрова з Україною. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вип. 15.

Фірсов М. І. Важливий крок на шляху до співдружності між Радянським Союзом і Чехословакчиною. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вип. 15.

Фишер И. Р. Работы словацких историков 1964—1968 гг. об аграрном развитии Словакии XVI—XVIII вв. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938 — начале 1939 г. В кн. Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972.

Шаферова Л. А. Сельское ремесло в Сербском государстве (XIV в.).

В кн. Вопросы всеобщей истории, вып. 2. Красноярск, 1972.

Шаферова Л. А. Венецианская торговля в Которе в 20—30 гг. XIV в. В кн. Вопросы всеобщей истории, вып. 2, Красноярск, 1972.

Шаферова Л. А. Средневековые сербские торги (Южная Сербия, XIII—XIV вв.). В кн. Вопросы всеобщей истории, вып. 2. Красноярск, 1972.

Шидлаускас А. Иоахим Лелевель об объекте истории в своих лекциях. «История», Вильнюс, 1972, № 13(2).

Юристовський О. І. Агітаційно-пропагандистська діяльність КПЗУ в армії буржуазно-поміщицької Польщі (1929—1938 рр.). Наук. праці з історії КПРС, Київ, 1972, вип. 57.

Яну И. Г. Некоторые вопросы югославского движения Спротивления в оценке англо-американской буржуазной историографии. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.

2. Культура и наука

Андреев В. Д. Г. Стаматов — новеллист (поиски нового гуманизма в болгарской новеллистике 1920—1930-х годов). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Андреева Е. С. Из наблюдений над языком и стилем Цтибора Товачовского. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Бахмат К. П. Українсько-болгарські літературні зв'язки. Укр. слов'янознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Беранек Я. Об учебниках и учебных пособиях по марксистско-ленинской философии в ЧССР. Науч. докл. высшей школы. Филос. науки, 1972, № 6.

Бершадская М. Л. Иван Цанкар и словенский «социальный реализм» (на материале драматургии). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Болдиш Й. Теория библиотечного дела в системе наук. В кн. Актуальные проблемы библиотекведения и библиографии. М., 1972.

Британишский В. Збигнев Херберт. Иностр. лит., 1973, № 2.

Волков А. Р. Театральна двоїланість в драматургії К. Чапска. Укр. слов'янознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Волошина Г. К. О стихе поэмы «Отец зачумленных» Ю. Словацкого. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Вьялова С. О. З історії судового процесу над С. Гурбаном-Ваянським. Укр. слов'янознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Габровска Г., Пейчева В. Реферативные бюллетени национальной научной литературы — эффективное средство участия малых стран в мировом обмене научной информацией. (Опыт Народной Республики Болгарии.) Науч.-

техн. інформація ВІНИТИ, сер. 1, 1972, № 11.

Годделюк О. Ю. Международный книгообмен Библиотеки Академии наук СССР с социалистическими странами. В кн. Академия наук СССР. Библиотека. Комплектование иностранной литературой и международный книгообмен... Л., 1972.

Горещький А. В. З джерел народного життя. Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Грибовська О. І. Великий форум славістів. Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Дишлей П. С., Кузнецов В. І. Миколай Коперник і сучасна фізична картина світу. До 500-річчя від дня народження вченого. Філософська думка, Київ, 1973, № 1.

Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Библиография работ сотрудников кафедры славянской филологии ЛГУ (1968—1970). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Долгих Ф. И., Пшеничный А. П. Вопросы архивного дела и международное сотрудничество архивистов. (К итогам VII Международного конгресса архивов.) (Москва, 22—25 авг., 1972 г.). «Новая и новейшая история», 1973, № 1.

Ефимова А. Н. Международный симпозиум «Книга на службе мира, прогресса и гуманизма» в Москве (12 сент. 1972 г.). Информационная о библиогр. за рубежом, 1973, вып. 1.

Жакова Н. К. Творчество М. Ю. Лермонтова в чешских переводах и работах чешских критиков в 70—80-е годы XIX века. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Іваніцька Н. Л. VIII українська славістична конференція (Вінниця, 21—24 окт. 1971 г.). Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Ицкович Н. Научный подвиг Николая Коперника. «Коммунист», Вильнюс, 1973, № 2.

Кабрт И. Некоторые проблемы системы текущей регистрационной и специальной библиографии. В кн. Актуальные проблемы библиотекведения и библиографии. М., 1972.

Кауфман Н. Чувашская и болгарская народная музыка. «Чувашское искусство», Чебоксары, 1971, вып. 1.

Кодонева М. Народная архитектура в музеях Словакии. «Архитектура СССР», 1973, № 1.

Колодзейская Я. Библиотечно-исследовательские исследования в Польше. В кн. Актуальные проблемы библиотекведения и библиографии. М., 1972.

Коперник Н. Николая Коперника малый комментарий относительно установленных им гипотез о небесных движениях. «Природа», 1973, № 2.

Кулинич І. М., Дихан М. Д.

З історії українсько-болгарських культурних та літературних зв'язків у 20—30-х роках ХХ ст. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вип. 15.

Курелла А. Георгий Димитров о Лейпцигском процессе. «Человек и закон», 1972, № 12.

Либба П. Четвертая библиографическая конференция в Словакии. (Боботы, 30 ноября — 2 дек., 1971 г.) Сов. библиогр., 1972, № 5.

Либба П. Словацкая национальная библиография: основные принципы и проект главных задач. В кн. Актуальные проблемы библиотекведения и библиографии. М., 1972.

Маруньяк П. Научно-исследовательская деятельность Института книговедения при Матице словацкой. В кн. Актуальные проблемы библиотекведения и библиографии. М., 1972.

Метева Е. Н. А. Некрасов и болгарская литература. Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6.

Нефедов І. М. Про поетичну спадщину Юліана Госляра. Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Нісонський П. Г. Вплив ідей Великого Жовтня на творчість С. Жеромського. Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

О работе над предварительным списком славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР. В кн. Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972.

О. Г. Методичний семінар. Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Опульский А. Дискуссия о литературной критике в Болгарии. Вопр. лит-ры, 1973, № 2.

Охріменко О. Г. І. П. Котляревський і зарубіжні слов'янські літератури. Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Паночко М. М. Міжвузівська наукова конференція. Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Плисецкий М. М. Положительное-отрицательное сопоставление, отрицательное сравнение и параллелизм в славянском фольклоре. (Из очерков по исторической поэтике славянского фольклора.) В кн. Славянский фольклор. М., 1972.

Полек В. Т. Леся Українка у польській, чеській, словацькій та болгарській критиці і перекладах. (Короткий огляд). Укр. слов'язознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Помыкало В. Ближайшие перспективы польской школы. Нар. образование, 1972, № 10.

Прангшивили А. С. Ян Амос Коменский и методологические вопросы психологии. В кн. Психологические исследования, 2. Тбилиси, 1971.

Приходько В. Ян Бжехва — учитель радости. В кн. Детская литература, 1972, М., 1972.

Савицкий Н. «Баррандов», «Колба» показывают... Заметки о фестивале чехословацких фильмов в СССР. «Искусство кино», 1972, № 9.

Спирдзев Р. Вопросы древних болгарско-грузинских литературных связей. «Мнатоби» (Светоч), Тбилиси, 1972, № 10.

Стегликова Б. Чешский художник В. Машек. «Искусство», 1973, № 2.

Стейскал В. Воспитание и искусство. В кн. Детская литература. 1972. М., 1972.

Стойчев Г. А. Роль международной информации в идеологической работе. Вопр. теории и методов идеол. работы, 1972, вып. 1.

Титова Н. И., Тарасов Э. П. Польско-советское совещание по актуальным проблемам дизайна. (Москва, 16—17 февр. 1972 г.) Научн. докл. высшей школы. Филос. науки, 1972, № 6.

Тотоева Р. А. Август Цесарец и его роман «Юноша из „золотой молодежи“». В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Хежман С. Организация и методология региональных научных исследований в Польше. В кн. Вопросы методологии региональных исследований. М., 1972.

Шаронова Т. Г. Проблема дисциплины в педагогической системе Я. А. Коменского. В кн. Вопросы истории школы и педагогики. Минск, 1972.

Шаферова Л. А. Средневековые сербские торги (Южная Сербия, XIII—XIV вв.). В кн. Вопросы всеобщей истории, вып. 2. Краснодарск, 1972.

Шеламанова Н. Б. Совещание по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. В кн. Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972.

Юрнев Р. И. И томление духа. Заметки о югославском кино. «Искусство кино», 1973, № 1.

Янев С. Распространение идей советской педагогики в Болгарии. Сов. педагогика, 1972, № 12.

3. Языкознание

Ябрэмбская-Яблонская А. А. Даследаванне беларускай мовы у Польшчы. Беларус. лінгвістыка, Мінск, 1972, вып. 2.

Андел В. П. До грамотичной категории числа абстрактных назв у чеськой та інших слов'янських мовах. Укр. слов'янознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Арбузова И. В. О первоначальном замысле «Энциклопедии славянской филологии». В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Гиндин Л. А. Проблемы античной балканистики. (Лингвистический аспект). Вопр. языкознания, 1973, № 1.

Дмитриев П. А. Присубстантивные придаточные с добавочным причин-

ным значением (На материале сербохорватского языка). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Захаревич Е. А. К вопросу о субстантивации в болгарском языке (Субстантивация прилагательных в форме среднего рода). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Зенчук Н. В. Об одном из спорных вопросов в связи с проблемой негации в славянских языках. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Золотова В. С. Отричастные имена существительные личного значения в польском языке. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Иванов В. В. Сравнение поверхностных и глубинных синтаксических структур как метод реконструкции общиндоевропейского и раннеобщеславянского синтаксиса. В кн. Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Москва, 1972.

Предварительные материалы. М., 1972.

Инжеваткина А. Ф. О составе словника для польско-русского фразеологического словаря. Уч. зап. Морд. ун-та, Саранск, 1971, вып. 86. Вопр. языкознания, ч. 2.

Инжеваткина А. Ф. О структуре словарной статьи в польско-русском фразеологическом словаре. Уч. зап. Морд. ун-та, Саранск, 1971, вып. 86, Вопр. языкознания, ч. 2.

Киришова М. П. Іменники з суфіксом *-иште* в сербохорватській мові. Укр. слов'янознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Корнилов А. А. О вводных элементах эмоциональной оценки в польском и русском языках. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Крылова Г. В. Об одной особенности некоторых переходных глаголов болгарского языка. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Ластовецька Г. К. Михайло Йосипович Овишкевич. Укр. слов'янознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Лилич Г. А. Русский язык у деятелей чешского национального Возрождения. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Лотко Е. Модальні прикметники на *-i) telný i* заперечення в чеській мові. Укр. слов'янознавство, Львів, 1972, вип. 7.

Мокиенко В. М. Псковско-белорусские лексические параллели на славянском фоне (Географическая терминология). В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Проничев В. П. Об именных побудительных односоставных предложениях в сербохорватском и русском языках. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Ревзин И. И. Семантика праславянского и индоевропейского родитель-

ного в свете гипотезы Бенвениста. В кн. Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Москва, 1972. Предварительные материалы. М., 1972.

Симонов Р. А. Византийская нумерация в эпиграфике Первого Болгарского царства и начало славянской письменности. Сов. археология, 1973, № 1.

Сталтмане В. Э. Родительный падеж в структуре балтийских топонимов в сравнении со славянскими. В кн. Восточнославянская ономастика. М., 1972.

Титова А. И. Корреляционный анализ типологических и межлексемных ассоциативных отношений в некоторых славянских языках. Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика. Минск, 1972, № 3.

Трубачев О. Н. Несколько древних латинско-славянских параллелей. В кн. Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропей-

ских языков. Москва, 1972. Предварительные материалы. М., 1972.

Тугушева Р. X. Торговая лексика в словацком памятнике XV—XVI вв. В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Шмалстиг В. Р. Хронология развития системы вокализмов балтийских и славянских языков. «Baltistica». Вильнюс, 1972, № 1.

Цыганкова К. Л. К вопросу о присоединении в современном сербохорватском языке. Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 2. История, язык, литература, вып. 1.

Цыганкова К. Л. Союзные присоединительные конструкции в сербохорватском языке. (По материалам романа Оскара Давичо «Бетон и светлячки».) В кн. Славянская филология, вып. 2. Л., 1972.

Эккерт Р. О некоторых расхождениях между именными основами на -i в балтийских и славянских языках. В кн. Балто-славянский сборник. М., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторический преглед», 1972, № 6;

С. Домьянов. Событие великого исторического значения; Н. Генчев. Одесское настоятельство и борьба за освобождение Болгарии (1856—1878 гг.); Л. Решетников. Деятельность МОПР в СССР по оказанию помощи болгарским политическим эмигрантам (1923—1940 гг.); Х. Глушков. Торговля розовым маслом казанлыкской фирмы «Братья Папазоглу» до освобождения; Н. Кочев. Хазары и миссия Константина-Кирилла.

1973, № 1

Е. Стателова. Русско-болгарские политические отношения (1908—1912); Хр. Христов. О самоуправлении болгар в Османской империи в XV—XVIII вв.; Б. Йорданов. Особенности рабочего контроля над производством в капиталистической промышленности в Болгарии (1944—1947 гг.); Г. Плетнев. Русское консульство в Тырново (1862—1865 гг.); К. Велики. Походы Михая Витязя к югу от Дуная.

«Kwartalnik Historyczny», 1973, № 1

А. Сухени-Грабовская. Редукция коронных имений и их судьба (1574—1650); З. Ляндау. Сравнительные исследования по вопросу долгосрочного роста польской экономики; С. Жулкевский. Профессия литератора в первые годы существования Второй Речи Посполитой; Е. Гольцер. Политиче-

ские партии в межвоенной Польше; Я. Тышкевич, Г. Андрулевич. Набор кандидатов на исторические факультеты университетов.

«Z pola walki», 1972, № 4

П. Н. Федосеев. О социальных и идейных основах сближения наций; П. Лоссовский. Проблемы развития просвещения и культуры национальных меньшинств в РСФСР в 1917—1922 гг.; В. Бальцерак. Признание Советского Союза государствами Центральной и Восточной Европы; С. Серповский. Отношение Италии к Советской России и СССР (1917—1924); Б. Петровский. Народы скандинавских государств и процесс образования Советского государства (1917—1924); Л. Зияя. Польско-советские отношения в оценке польского общественного мнения (1929—1934 гг.); Я. Емниц. Международное социалистическое Бюро в 1914—1915 гг.; Ч. Дэмэль. Возникновение Национальной рабочей партии в Великой Польше (март — ноябрь 1918 г.).

«Język Polski», 1972, № 5

Е. Островская. Носовые гласные в древнепольских текстах, написанных в Мазовии; С. Роспанд. Из исследований польской топониматики; К. Писаркова. Очерк семантического поля «запах» в польском языке; М. Бжезинова. Несколько замечаний о развитии группы *sz* в польском языке; А. Загородникова. Конку-

ренция двух типов сложного прошедшего времени: *będe pisał* — *będe pisał* (Опыт статистико-стилистической интерпретации); В. М и т р и н о в и ч. О трудностях белградских студентов в усвоении польского произношения; М. Х е м м е р т. О лексическом влиянии венгерского языка на польский диалект д. Иштванмайор в Венгрии; М. Х е м м е р т. Тексты из д. Иштванмайор в Венгрии.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1973, № 1

М. Б о у ч е к, М. К л и м е ш. Февральские события 1948 г.; В. В а в р а. Вопрос об отношении Т. Г. Масарика к Советской России в историографии; П. О з е ф и др. Современное состояние изучения цен и зарплат. Р. Н о в ы. Феодальные города и местечки в догуситской Чехии.

Historický časopis», 1973, № 1

М. Б о у ч е к, М. К л и м е ш. Национальный фронт чехов и словаков и сло-

вацкий вопрос до Февраля 1948 г.; П. К а р т о у с. Действия польских войск на территории Словакии в 1438—1439 гг.; Ш. К а з и м и р. Социально-экономическая структура города Трнава в XVIII и первой половине XIX в.; Й. К а р п а т. История права Венгрии как многонационального государства и Словакия; В. М а т у л а. 25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР.

«*Slovanský přehled*», 1973, № 1

В. К р а л ь. Размышления о 50-летию СССР; В. М е л и х а р. Формирование мировой системы социализма и Февраль 1948 г.; Э. Э р б а н. Соколово; Д. З а г о р с к а. Февраль 1948 г. и Венгрия; К. Г е р м а н. Советская Россия в чешской печати 1918 г. (Печать чешской социал-демократии); В. Л е г а р. Развитие экономического сотрудничества стран — членов СЭВ в 1958—1962 гг.

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕ АКАДЕМИКА БОГУСЛАВА ГАВРАНЕКА

Академику Богуславу Гавранек — выдающемуся чешскому лингвисту, пользующемуся мировой известностью, 30 января 1973 г. исполнилось восемьдесят лет. Б. Гавранек встретил этот юбилей в добром здравии, полный больших творческих планов.

По случаю 80-летия акад. Б. Гавранека 5 февраля этого года в большом конференц-зале Президиума ЧСАН в Праге состоялось торжественное заседание, организованное научной коллегией по языкознанию ЧСАН, лингвистическим объединением ЧСАН, Институтом чешского языка ЧСАН и Кабинетом иностранных языков ЧСАН совместно с философскими факультетами Карлова университета, университета им. Я. Е. Пуркине и университета им. Палацкого.

Юбиляра и собравшихся представителей академии и высшей школы, в частности акад. Л. Штоллы и проректора Карлова университета проф. В. Ванечека приветствовал директор Института чешского языка чл.-корр. ЧСАН проф. К. Горалек.

После зачитания приветственного письма президента республики Людвика Свободы и поздравления директора Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф. Маркова, содержащих высокую оценку заслуг юбиляра, был оглашен список многочисленных приветствий от учреждений и видных чехословацких и зарубежных ученых, поступивших в связи с юбилеем акад. Гавранека.

С докладом о жизни и творчестве акад. Б. Гавранека выступил председатель научной коллегии по языкознанию ЧСАН д-р филол. наук М. Докулил, подробно осветивший наиболее значительные достижения богатой и плодотворной деятельности юбиляра, особенно подчеркнув при этом его неутомимую научную и политическую активность. Он отметил, что наиболее плодотворной деятельностью Б. Гавранека как исследователя была в период его работы на философском факультете Брненского университета. Именно здесь ученый завершил свой основной труд по славистике — двухтомное сочинение «Geneza verbí в славянских языках». Здесь же он написал фундаментальные исследования по богемистике — известную работу «Зада-

чи литературного языка и его культура», новаторскую в методологическом отношении монографию «Чешские диалекты» и синтетическое исследование «История литературного чешского языка». Докладчик напомнил о мужестве Б. Гавранека, проявленном им в период гитлеровской оккупации. После освобождения Брно, благодаря Б. Гавранеку, в кратчайший срок была возрождена деятельность философского факультета университета, деканом которого он был в то время. Уже в Праге, после февраля 1948 г., Б. Гавранек находился на посту декана философского факультета Карлова университета, был ректором Высшей школы русского языка, занимался организаторской деятельностью в Чехословацкой академии наук, в течение многих лет руководил Институтом чешского языка ЧСАН. Все это является красноречивым свидетельством того, что Б. Гавранек всегда стоял во главе прогрессивных тенденций в науке и обществе, стремился к последовательному осуществлению принципов марксизма-ленинизма. Прочность занимаемых им позиций не была поколеблена и в период кризиса 1968—1969 гг., когда деятельность Б. Гавранека стала мишенью для недостойных нападков со стороны правых оппортунистов в печати и в других сферах. Далее докладчик кратко проанализировал необычайно разностороннюю и многообразную деятельность Б. Гавранека-исследователя. Он высоко оценил его вклад в сравнительно-историческое изучение славянских языков, в сопоставительное изучение языков, особенно русского и чешского, в проблематику языковых контактов, истории славянских литературных языков. Большой и важный вклад внес Б. Гавранек в развитие богемистики, особенно в разработку теории литературного языка и языковой культуры, истории литературного чешского языка. Важно подчеркнуть, что изучение истории литературного чешского языка он тесно связывает с развитием общества и нации, с изучением народных говоров. Он предложил новый подход к изучению диалектов вообще. Докладчик отметил далее плодотворность исследований Б. Гавранека в других областях науки, в частности, в теории стиля, профессио-

нальной терминологии, теории издания памятников. Большой вклад внес ученый в изучение языка наших классиков, велики его заслуги и в составлении библиографии чехословацкого языкознания.

Б. Гавранек глубоко понимает потребности общества, поэтому он активно участвует в фундаментальных коллективных трудах, проявляет интерес к вопросам преподавания как родного, так и русского языка. Большое внимание он уделяет научно-организаторской, издательской и педагогической деятельности. Последнее десятилетие деятельности Б. Гавранека посвящено завершению его научных планов и замыслов.

Докладчик отметил, что высшие государственные и научные учреждения Чехословакии и за рубежом по достоинству оценили высокими наградами огромные заслуги Б. Гавранека как ученого, организатора науки, педагога. В связи с восьмидесятилетием со дня рождения Президиум ЧСАН наградил акад. Б. Гавранека золотой памятной медалью «За заслуги перед наукой и человечеством» — высшей наградой, которой удостоиваются лишь немногие ученые, внесшие огромный вклад в развитие научного познания.

Докладчик далее говорил о таких важных чертах, присущих Б. Гавранеку — человеку и ученому, — как чуткое отношение к молодежи, стремление передать другим богатый опыт и результаты своего труда, непреклонность и непримиримость в принципиальных вопросах, уважение к традиции, сочетающееся с редким чувством нового.

В заключение от имени всех лингвистов д-р М. Докулил пожелал юбиляру доброго здоровья и многих лет творческой активности.

После доклада представители университета им. Я. Е. Пуркине — заместитель декана философского факультета проф. Копецкий, проф. Лампрехт и доц. Вечерка вручили акад. Б. Гавранеку высшую награду этого университета — золотую медаль Я. Е. Пуркине. Затем инструментальный квинтет «Musica viva pragensis» исполнил торжественный инструментальный квинтет Й. Гайдна

для гобоя, кларнета, фагота, рожка и флейты.

После того, как отзвучали торжественные фанфары, собравшиеся заслушали поздравления, в которых представители отдельных учреждений выразили акад. Б. Гавранеку свое уважение и пожелания долгих лет жизни. Члены редколлегии журнала «Slovo o slovesnost» д-ра филол. наук К. Гаузенблас и Ф. Данеш от имени редакции журнала, который был основан акад. Б. Гавранеком, являющимся и ныне его ответственным редактором, вручили юбиляру макет номера, посвященного его восьмидесятилетию.

В своем выступлении акад. Б. Гавранек выразил благодарность за все проявления уважения и дружбы. Он с признательностью назвал имена тех ученых, которые оказали влияние на формирование его научного мировоззрения (прежде всего проф. Зубатый). Акад. Б. Гавранек сказал также, что очень плодотворной для него была работа в коллективе составителей Словаря чешского языка. Юбиляр подчеркнул значение коллективных трудов как одного из важнейших факторов воспитания нового поколения научных кадров. Именно эта проблема в настоящее время больше всего волнует акад. Б. Гавранека. Юбиляр рассказал о своих дальнейших творческих замыслах. Большое впечатление на собравшихся произвели заключительные слова юбиляра о том, что его самое большое желание — работать до последней минуты.

Продолжительные аплодисменты были единодушным выражением благодарности юбиляру за его творчество, выражением искренней симпатии, которую испытывают к акад. Б. Гавранеку представители как старшего, так и среднего и молодого поколения.

Торжественная церемония закончилась выступлением заместителя декана философского факультета Карлова университета проф. В. Кршистека, который сердечно поблагодарил юбиляра и всех присутствующих.

Милош Докулил

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

На заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук А. С. Мыльниковым на тему «Возникновение национально-просветительской идеологии в Чешских землях XVIII в.»

В диссертации рассматриваются основные тенденции экономического развития чешских земель во второй половине

XVII — середине XVIII вв., освещаются основные политические предпосылки формирования в чешских землях этого времени новых идеологических представлений, взаимоотношение контрреформации и национальной культуры чешского народа, вопрос о характере и содержании отечественной национально-культурной традиции и об особенностях проникновения в чешские земли европейской просветительской мысли.

Автор подробно анализирует историю создания и деятельности ряда чешских и моравских ученых обществ, просветительских организаций, прослеживает содержание их печатных органов, дает характеристику основных черт просветительской мысли в чешских землях этого периода, исследует процессы утверждения национально-просветительской идеологии, ее социальную базу и место в идейном развитии чешских земель.

Официальные оппоненты д-р ист. наук А. Д. Люблинская, д-р ист. наук В. В. Мавродин, д-р ист. наук И. С. Миллер дали высокую оценку диссертации. Ученый совет Института единогласно высказался за присуждение Мыльникову ученой степени доктора исторических наук.

А. И. Виноградова

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ СОВЕТСКИМ ЛИНГВИСТОМ В БРАТИСЛАВЕ

В Институте языкознания им. Людовита Штура Словацкой академии наук в Братиславе (ЧССР) 11 декабря 1972 г. состоялась защита докторской диссертации научным сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР кандидатом филологических наук Л. Н. Смирновым. В качестве диссертации была представлена опубликованная издательством «Наука» книга «Глагольный видообразование в современном словацком литературном языке» (М., 1970).

Книга Л. Н. Смирнова — первое монографическое исследование системы глагольного вида в словацком языке. В ней детально описываются различные средства и способы видообразования, раскрывается сложное взаимодействие морфологических и семантических факторов, влияющих на видовую характеристику глагола. Главное место в работе уделено изучению видовой принадлежности и видовой соотносительности бесприставочных глаголов (парно-соотносительных, двувидовых и одновидовых). В плане выяснения проблем видовой соотносительности значительное внимание уделяется также приставочным глаголам. Исследование вопросов видовой характеристики словацкого глагола сочетается в монографии с разработкой аспектологических проблем, имеющих общетеоретическое значение¹.

Защиту вел председатель комиссии по присуждению научных степеней чл.-корр. САН, д-р филолог. наук, проф. Э. Паулини. Официальными оппонентами были чл.-корр. САН, д-р филолог. наук, проф. Й. Ружичка, д-ра филолог. наук, доценты Ф. Мико, Й. Мистрик и Я. Оравец. Все оппоненты, отметив актуальность

исследования, его высокий теоретический уровень, единодушно констатировали, что труд Л. Н. Смирнова является важным вкладом не только в изучение словацкого глагольного вида, но и в славянскую аспектологию вообще. Опираясь на хорошее знание литературы вопроса, автор успешно разработал основные теоретические проблемы аспектологии и выступил с собственной концепцией глагольного вида. Было отмечено, что в диссертации Л. Н. Смирнова удачно сочетается строгий учет языковых фактов со стремлением к целостности концепции, благодаря чему автору удалось избежать эмпирической и умозрительной односторонности. Высоко оценивалась описательная часть диссертации, базирующаяся на богатом фактическом материале. Указывалось также, что в работе большое внимание уделяется семантической стороне вида и тщательному анализу отдельных типов видообразования. При этом сопоставительный подход позволил автору выявить ряд общих и специфических черт в системе глагольного вида словацкого и русского языков.

Положительную оценку исследования Л. Н. Смирнова, данную официальными оппонентами, подтвердила и открытая дискуссия, в которой приняли участие проф. А. Едличка, проф. А. Лампрехт, канд. филолог. наук Ш. Пециар, Э. Секанинова, Г. Горак и др.

Диссертант обстоятельно ответил на вопросы и критические замечания официальных оппонентов, а также на выступления в дискуссии.

Комиссия единогласно проголосовала за присуждение Л. Н. Смирнову ученой степени доктора филологических наук.

Защита докторской диссертации советским лингвистом в Братиславе вызвала живой интерес в научных кругах Словакии. Она явилась свидетельством крепнущих научных связей между словацкими и советскими учеными.

Штефан Линтак

¹ Подробнее о содержании книги см. в рецензиях Я. Оравца («Slovenská reč», год. 36, 1971, čís. 3, s. 189—191) и Э. Секаничовой («Jazykoveda a časopis», год. 22, 1971, čís. 2, s. 203—206).

СЕКТОР ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЙ

На основании решения Президиума АН СССР в 1970 г. в Институте славяноведения и балканистики был создан сектор историко-культурных проблем, задачей которого является изучение культуры народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

До этого решения в институте работала группа культуры, которая занималась отдельными вопросами искусства и культурной жизни славянских народов. Силами сотрудников группы были подготовлены разделы по культуре в «Очерках истории Народной Польши», сборник статей «История и культура славянских народов» (совместно с историческими секторами), а также ряд индивидуальных работ.

За истекшие два года в секторе вышли ранее подготовленные сборники — «Межславянские культурные связи» (1971), «Славянский и балканский фольклор» (1971), а также монографии — М. Н. Кузьмина «Школа и образование в Чехословакии» (1971) и И. Ф. Балзы «История чешской музыкальной культуры», т. 2 (1973).

Создание нового сектора историко-культурных проблем было вызвано настоятельной потребностью выдвинуть общекультурную проблематику в ряд актуальных вопросов советского славяноведения.

К настоящему времени сектор сложился как комплексное научное подразделение, включающее специалистов по разным областям культуры — литературоведов, искусствоведов, театроведов, историков культуры, фольклористов, которые концентрируют свои усилия на изучении наиболее общих закономерностей развития духовной и художественной культуры славянских и балканских народов в ее взаимосвязях с другими общественными явлениями.

Большую работу сектор провел по выработке нового профиля и направления исследований всего коллектива, по определению ведущих научных проблем.

Центральными направлениями научных исследований, запланированных на текущее пятилетие, в секторе являются: 1) изучение проблем национальной культуры в период формирования наций; 2) изучение проблем формирования и развития социалистической культуры.

В рамках первого направления ведется подготовка ряда коллективных и индивидуальных трудов. В целях дальнейшего сплочения научных сил вокруг этих проблем намечено проведение в ноябре 1973 г. комплексной конференции «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Евро-

пы (конец XVIII—70-е годы XIX в.)». Тематика ее охватывает широкий круг вопросов общекультурного характера — от качественно новых явлений социальной и духовной жизни складывающихся наций и сдвигов в исторической, философской и эстетической мысли до характеристики национально-культурных институций (книгоиздательской деятельности, просветительских обществ, периодической печати) и выявления роли языковых и фольклорных явлений, а также литературы, театра, изобразительного искусства в системе историко-культурных процессов указанного периода.

Учитывая важную роль театра в общественной жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период формирования наций, сектор готовит коллективный труд — «Театр и становление национальной культуры. (На опыте стран Центральной и Юго-Восточной Европы)». В материалах этого сборника театр как вид искусства будет показан в его отношении к разным сторонам общественной жизни: театр и город, театр и язык, театр и национальное самоутверждение, театр и религия; это позволит выделить некоторые общие черты и закономерности в развитии профессиональной театральной культуры в странах, связанных общностью исторических судеб.

Кроме того, сектор намеревается принять участие в Международной конференции по славянскому проекту ЮНЕСКО «Изучение культуры славянских народов», запланированной на конец 1974 г.

В настоящее время сектором историко-культурных проблем подготовлен к печати сборник «Культура и общество в эпоху становления наций», в основу которого легли доклады и сообщения проведенного в феврале 1972 г. в институте симпозиума «Генезис капитализма, национально-освободительные движения и формирование национальной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

Дальнейшая разработка узловых проблем формирования национальных культур найдет освещение в плановых монографических исследованиях сотрудников: «Польская культура от эпохи Просвещения до 1944 г.» (И. Ф. Балза), «Словацкая культура эпохи национального Возрождения» (И. А. Богданова), «Петефи и проблемы венгерской культуры» (А. А. Гершкович), «Болгарское изобразительное искусство эпохи национального Возрождения» (Е. П. Львова), «Становление польской национальной художественной культуры» (И. И. Свирида) и др.

По второму научному направлению — изучение вопросов развития социалистической культуры — сектор рассчитывает в перспективе развернуть активную исследовательскую работу.

В рамках этого направления проводятся комплексные советско-болгарские симпозиумы. В 1971 г. в Софии был издан совместный коллективный труд «Формирование и развитие социалистической культуры. Советско-болгарские отношения». Сейчас готовится к печати сборник статей по материалам симпозиума, в котором силами философов, эстетиков, литературоведов, искусствоведов решаются проблемы гуманизма как явления общекультурного характера, связанного со всей сферой духовных ценностей социалистической культуры.

В последнее время в секторе создан авторский коллектив по подготовке разделов о современной культуре европейских социалистических стран для «Всемирной истории». Ведется также организационно-подготовительная работа для углубленного изучения проблемы развития культуры в социалистических странах послевоенного периода с тем, чтобы в перспективе создать коллективный труд о формировании и развитии социалистической культуры европейских социалистических стран и о ее месте в мировом культурном процессе.

В ряде запланированных работ будут рассмотрены вопросы развития социалистической культуры в период между двумя мировыми войнами (работы

В. И. Злыднева, Е. П. Львовой, М. Б. Богданова, О. А. Северной). По этой же проблеме предполагается подготовить сборник «Социалистическая культура и революционное движение межвоенного периода» (на материале Центральной и Юго-Восточной Европы).

В 1974 г. совместно с секторами Института славяноведения и балканистики АН СССР — современных проблем, истории социализма, истории литературы — сектор историко-культурных проблем будет участвовать в проведении всесоюзной научной конференции «Актуальные проблемы строительства социализма и развития культуры в европейских социалистических странах».

В конце 1972 г. Ученый совет Института славяноведения и балканистики, заслушав доклад заведующего сектором В. И. Злыднева, принял развернутое решение, в котором одобрил общее направление работы сектора, предложив усилить внимание сотрудников сектора к вопросам теории и методологии изучения культуры.

Для решения поставленных перед сектором задач необходима как всемерная активизация работы сотрудников сектора и института по ведущим направлениям, так и установление более тесных связей с другими научными учреждениями и сотрудниками, занимающимися проблематикой культуры народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Л. Н. Виноградова

КУЗНЕЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Чтения памяти д-ра филол. наук, профессора Московского университета Петра Саввича Кузнецова проводятся с 1969 г. Очередные Чтения состоялись 27—28 марта 1973 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР и были посвящены кругу проблем, разработавшихся П. С. Кузнецовым и связанных с историей славянских языков и письменности: истории русской филологической мысли, описанию славянских памятников, исторической морфологии, лексикологии, синтаксису, истории славянского акцента¹.

Чтения открылись вступительным словом С. Б. Бернштейна, осветившим отдельные периоды научной деятельности П. С. Кузнецова.

Одному из аспектов сложной проблемы взаимоотношения русского и церковнославянского языков был посвящен доклад Н. И. Толстого «Древние представления о диалектной основе церковнославянского языка». Анализируя высказывания писцов и переводчиков XVI—XVII вв., автор приходит к заключению, что восточные славяне осознавали противоположность разговорнорусского и церковнославянского языков и южнославянское происхождение последнего.

Б. А. Успенский в докладе «Доломоносковский период отечественной русистики: Адогуров и Тредиаковский» говорил о лингвистической деятельности предшественников М. В. Ломоносова — В. Е. Адогурова, автора грамматики рус-

¹ Тезисы докладов см. в брошюре: «Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности». М., 1973. Доклады: К. В. Горшковой — «Данные письменных памятников и их интерпретация»; В. Н. Топорова —

«К происхождению славянских флексий генитива»; В. К. Журавлева — «Еще раз о генезисе славянского имперфекта» и Л. В. Куркиной — «К сравнительной характеристике лексического состава южнославянских языков» прочитаны не были.

ского языка, написанной в 1738—1740 гг., и В. К. Тредиаковского, испытавшего значительное влияние В. Е. Аодурова, особенно в вопросах орфографической теории, т. е. именно в той сфере языковой деятельности, которую следует признать основополагающей в самосознании литературного языка, особенно в тот период его развития, когда остро осознавалось противопоставление русской и церковнославянской языковой стихии.

О. А. Князевская в докладе «Об одной рукописи XIII в. из Ростовской книгописной мастерской» предложила всестороннее палеографическое описание рукописного Толкового Апостола 1220 г., который до настоящего времени не был предметом специального исследования. Значение предложенного анализа следует признать особенно важным, если учесть существенную роль древнего ростово-суздальского диалекта в процессе формирования языка русской народности.

Ряд докладов был посвящен различным проблемам исторической морфологии.

В докладе «Винительный падеж в старославянском языке и общая проблема вариантности падежных форм» А. А. Зализняк анализировал переходный этап в развитии падежной системы старославянского языка, когда словоформа, выступающая в роли прямого дополнения, в одних случаях совпадала со словоформами именительного падежа, в других — родительного, а в третьих отличалась от именительного и от родительного. В докладе были сформулированы правила согласования прилагательных с прямым дополнением в указанных случаях и рассмотрено и грамматически интерпретировано явление согласовательно-значимой вариантности словоформ существительного, при котором выбор между вариантами форм винительного падежа существительных свободен, но подчиненное прилагательное должно следовать за этим выбором.

В докладе О. Г. Ревзиной и И. И. Ревзина «Выражение согласовательными средствами значения определенности в славянских языках» была выдвинута гипотеза, в соответствии с которой употребление в старославянских текстах конструкции типа *пять человек пришло*, если в греческом оригинале стояло неопределенное существительное, и *пять человек пришли*, если в греческом выступала членная форма, стало восприниматься как способ разграничения определенных и неопределенных значений также и в оригинальной литературе. Принимая во внимание особую роль старославянского/церковнославянского языка при формировании русского языка, это предположение можно распространить на пра-

вило употребления соответствующих конструкций и в современном русском языке.

В докладе А. А. Реформатского «Существительные с суффиксом *-ач* в русском языке» были рассмотрены три модели образования существительных на *-ач*, в соответствии с которыми данные слова соотносятся с прилагательными, существительными и с глаголами, и обсуждалась проблема продуктивности этих моделей.

По проблематике, связанной с историей славянских просодических систем, было прочитано два доклада: Р. В. Булатовой — «Морфологический метод исследования просодических систем древнеславянских памятников письменности», в котором были изложены методологические предпосылки изучения акцентной системы памятника и приведены результаты исследования акцентной системы глагола в сербской рукописи 1509 г., и В. А. Дыбо — «Балтославянская акцентная система и проблема реконструкции индоевропейского акцента».

Вяч. Вс. Иванов в докладе «Индоевропейские синтаксические истоки славянских морфологических видовых оппозиций» обратился к гипотезе о наличии в общиндоевропейском синтаксических конструкций, которые в истории таких диалектов, как славянские, превратившись в морфологические служебные элементы, послужили основой для возникновения видовых противопоставлений, и рассмотрел в этой связи служебное слово **som*, которое в хеттском (*-šan*) имеет синтаксическую функцию и относится ко всему предложению в целом, а в славянском превращается в приставку.

В. А. Матвеевко в докладе «О залоге в конструкции *королю съедено*» подвергла пересмотру установившееся в русистике мнение о безучастности этой конструкции к залоговому противопоставлению и, опираясь на современное понимание структуры залога, определила ее место в таком противопоставлении и привела типологические параллели в языках других систем.

Проблемам исторической лексикологии и этимологии был посвящен доклад В. А. Меркуловой «Фрагменты славянской медицинской терминологии». В нем был дан анализ древнейшего пласта лексики, относящейся к народной медицине, в соотношении с лексикой, характеризующей колдовское действо. В докладе были предложены новые этимологии некоторых терминов.

Кузнецовские чтения становятся традиционными. Следующие Чтения предполагается посвятить типологической проблематике, также глубоко интересовавшей П. С. Кузнецова.

Л. Невская

ПРОФЕССОР И. КУРЦ

6 декабря 1972 г. в Праге после тяжелой болезни скончался доктор филологических наук, профессор Карлова университета И. Курц. Чешская и мировая славистика понесли тяжелую утрату.

В феврале 1971 г. слависты Чехословакии торжественно отметили семидесятилетие со дня рождения проф. И. Курца, ознаменовав это событие заседанием в его честь и публикацией сборника «*Studia palaeoslovenica*», в котором приняло участие 52 слависта из разных стран Европы и Америки.

Проф. И. Курц пользовался заслуженным авторитетом и уважением как палеославист не только у себя на родине, но во всех странах, где занимаются славяноведением. Его хорошо знали и в нашей стране, где он побывал трижды. И. Курц был членом Югославянской академии наук и искусств, членом Чешского комитета славистов, председателем Международной комиссии по созданию «Общего церковнославянского словаря», председателем Чешского комитета византиноведов, членом редколлегий известных журналов «*Slavia*» и «*Byzantinoslavica*». Он был активным участником всех международных конгрессов славистов.

И. Курц родился в Праге 3 февраля 1901 г. В 1919 г., после окончания Смиховской гимназии, он поступил на философский факультет Карлова университета, который блестяще окончил в 1924 г. В университете И. Курц получил разносторонние лингвистические знания — он занимался славистикой, романистикой, сравнительно-историческим индоевропейским языкознанием. Его учителями были Ф. Пастрнек, О. Гуйер, И. Зубатый, А. Мейе.

Основными темами научных трудов И. Курца всегда были вопросы, связанные с эпохой возникновения славянской письменности. В области палеославистики ему принадлежит ряд выдающихся трудов. Это прежде всего цикл статей о Зографском кодексе (20—30-е годы), в котором он скрупулезным анализом доказал, что данная рукопись является по меньшей мере третьим списком славянского протографа. Много времени и труда отдал Курц изучению в библиотеке

Ватикана знаменитого Ассеманцева евангелия. В 1929 г. он совместно с И. Вайсом выпустил фототипическое издание этого глаголического памятника, а в 1955 г. издал его снова в своей кириллической транскрипции. И. Курцу принадлежит также монография о члене в старославянском языке и ряд работ по старославянскому синтаксису. В 1963 г. под его редакцией и с его участием в Брно был издан сборник «Исследования по синтаксису старославянского языка». В течение многих лет И. Курц блестяще и с большим увлечением читал курс старославянского языка в университетах Брно и Праги. В 1949 г. совместно с М. Вейнгардтом он опубликовал «Хрестоматию по старославянскому языку», а в 1969 г. — «Учебник старославянского языка».

В 1948 г. И. Курц возглавил работу над капитальным трудом Чехословацкой Академии наук — «Словарем старославянского языка», продолжив дело, начатое В. Вондраком и М. Вейнгардтом. И. Курц — главный редактор этого Словаря, составленного на основе сплошного расписывания 84 памятников древнеславянской письменности X—XVI вв. Карточка Словаря насчитывает около 2 миллионов карточек, и сама по себе представляет громадную научную ценность. Опубликовано уже 24 выпуска Словаря. И. Курц был инициатором создания и однотомного словаря старославянского языка по памятникам X—XI вв., работа над которым была начата совместно с сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Профессор И. Курц прожил большую трудную и трудовую жизнь. Он оставил многочисленным ученикам и продолжателям своего дела около 400 печатных работ. Его имя — имя выдающегося ученого-палеослависта — уже при его жизни получило мировую известность и признание. Все, кому посчастливилось работать вместе с профессором И. Курцем, учиться по его трудам, будут всегда вспоминать его с чувством глубокого уважения и благодарности.

CONTENTS

<i>A. I. Njedorezov.</i> The Historical Significians of the Events in February, 1948. <i>V. L. Glebov.</i> General Tendencies of the Balkan Politics of the Great Powers at the End of the 19-th—in the beginning of 20-th centuries. <i>P. G. Kozlovski.</i> The Organization of the magnate Economy in the West and in the Center of Byelorussia at the Second Half of the 18-th century. <i>E. Lvova.</i> The Moscow Artistic School and the Bulgarian artists in the 50—70-ies of the 19-th century.	3
<i>Toward the VII International Congress of Slavonic Studies</i>	
<i>S. V. Nicolski.</i> The Artistic Consciousness of the National Renaissance (on the Materials of Czech, Slovak and Bulgarian Literatures). <i>Vjach. V. Ivanov.</i> The linguistic aspects of the researches on the Ethnogenesis of the Slaves and the reconstruction of Slav Antiquities. <i>Ju. S. Maslov.</i> The Universal Semantic Components in the Content of the Grammatical Category of Perfective/Imperfective Aspect. <i>T. I. Vendina.</i> On the Problem of Results of the Progressive Palatalization of the Velar Ones (The Competition of Suffixes -ik(a),—ic(a) in the Southernslavic Languages)	53
PEOPLE, EVENTS, FACTS	
<i>T. P. Agapkina.</i> Correspondence of Polish and Soviet writers (To the History of Polish-soviet Literary Relations in the 20—30-ies)	94
REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS	
<i>E. I. Spivakovski.</i> The Traditions of International Unity. <i>A. I. Avrus, L. G. Babichenko.</i> The Book of International Help to Bulgarian Revolutionaries. <i>D. S. Klimovski.</i> A. F. Noskova. The Destruction of Poland's Economics by Hitlerist Germany. 1939—1944. <i>Ju. Pisarev.</i> Д.-Д. Вујовић. Црна Гора и Француска. 1860—1914. <i>I. S. Miller, Yu. I. Stakelberg.</i> S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. <i>Yu. M. Grossman.</i> The Referendare Court in the Last Years of its Existence. <i>L. Lapteva.</i> The New Publications of Chronicle of Kozma from Prague. <i>V. Horev.</i> Leon Kruczkowski. Literatura i Polityka. <i>O. M. Bjelozeroва.</i> Ways to Realism. <i>G. K. Venediktov.</i> Jurnal of Byelorussian Linguists.	105
Bibliography	
Books on the Present State, History, Culture and Languages of the Foreign Slav Peoples published in the Soviet Union in 1972. The Main Articles and Materials on the Present State, History, Culture and Languages of the Foreign Slav Peoples published in the Soviet Periodicals in 1972—1973 (continued). The Contents of Foreign Periodicals	124
SCIENTIFIC LIFE	
<i>Miloš Dokulil</i> (ČSSR). 80-th Anniversary from the Academician Bohuslav Havraněk's Birthday. <i>A. J. Vinogradova.</i> The Defence of the Thesis. <i>Stefan Liptak</i> (ČSSR). The Defence of a Thesis in Bratislava by a Soviet Linguist. <i>L. N. Vinogradova.</i> The Department for the historical-cultural problems of the Institute for Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciecies of the USSR. <i>L. Njevskaja.</i> Kuznetzov's Readings in the Institute for Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciecies of the USSR.	137
<i>R. Ceitlin.</i> Professor J. Kurz.	143

Технический редактор *Т. Н. Сенченко*

Сдано в набор 11/IV-1973 г.	Т-07472	Подписано к печати 22/VI-1973 г.	Тираж 1170 экз.
Зак. 1990	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 12,6	Бум. л. 4 ¹ / ₂ Уч.-изд. л. 15,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж-17
БОЛЬШАЯ ОРАШКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОЙ

70891

112

И

Цена 1 руб.

Индекс 70891

Издательство «Наука»

Готовится к печати книга:

Флоря Б. Н.

**РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС
В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.**

15 л. 1 р. 20 к.

Монография посвящена одной из важных, но мало исследованных проблем по истории международных отношений в Центральной и Восточной Европе в период позднего феодализма. В ней рассматриваются борьба России за выход к Балтийскому морю и влияние взаимоотношений между Россией и Речью Посполитой на ход и результаты этой борьбы. Книга позволяет дать ответ на вопрос, какие факторы привели к установлению в XVII в. шведского господства на Балтике, нанесшего огромный ущерб интересам как Польши, так и России.

Монография рассчитана на историков, международников, юристов, а также на широкий круг студентов, аспирантов, учителей и преподавателей.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига»;

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.